

СВЕФНИР

ПОСЛЕДНЕЕ ОБЪЯТИЕ

ВИКТОР ОРМУНД

Виктор Ормунд

Свефнир. Последнее объятие

<https://litres.ru/73995099>

SelfPub; 2026

Аннотация

На севере королевства, в городе Вальдорф, капитан стражи Эвальд Фарн из последних сил удерживает порядок в самом беспокойном районе города. Новый закон разжигает недовольство, улицы наполняются слухами, а убийство обычного горожанина становится искрой, способной превратить тревогу в мятеж.

Когда беспорядки перерастают в открытое насилие и гарнизон оказывается под ударом, Эвальд начинает расследование, не подозревая, насколько глубоко уходят корни заговора. Его союзниками становятся сержант Рафир Иасан, привыкший оставаться в тени службы, наемник Ланс, скрывающийся от прошлого, и Арвис Лорик — влиятельная аристократка, чья холодная решимость не раз спасала жизни и ломала судьбы.

Пока город балансирует на грани голода и восстания, четверым предстоит столкнуться не только с преступниками, но и с собственными страхами, утратами и выбором, который определит их будущее. Ведь иногда самый опасный враг скрывается не среди бунтовщиков, а среди тех, кто должен защищать закон.

Содержание

Сон Владыки	4
Глава 1. Сотрудничество	6
Глава 2. Сведения	19
Глава 3. Дознание	32
Глава 4. Бремя	54
Глава 5. Пожар	71
Глава 6. Подражание	93
Глава 7. Распознавание	119
Глава 8. Отстраненность	148
Глава 9. Уязвимость	170
Глава 10. Стойкость	200
Глава 11. Правитель леса	214
Глава 12. Постоянство	242
Глава 13. Корона без цветов	273
Глава 14. Обещание	309
Глава 15. Луч скорбной зари	325
Глава 16. Молчание	340
Вла	379
Конец ознакомительного фрагмента.	380

Виктор Ормунд

Свефнир.

Последнее объятие

Сон Владыки

Владыка спал бездонным сном, тело его недвижимо, дыхание его кружило иней в пустых полях.

Мир замер. В этом был его безмолвный порядок.

Но однажды тишину разрезал тонкий хруст, точно лопнула ледяная игла.

С Первым поцелуем солнца пришла Дева Торжества. В ее ладонях теплилось Обещание цветов, ее шаги разрывали полотно снега, оголяя черную землю. Она подошла к Владыке и нежно коснулась его руки.

Он не проснулся, но броня треснула под теплыми пальцами. Сон истончился. Хрупкий утренний лед на луже — еще целый, но уже знающий о своем конце.

— Уходи, — прошептал он.

Она не ушла. Она осталась стоять, и вместе с ней — настойчивое тепло.

За ней пришла Царица Цветения, от нее пахло медом и

спелой землей. Она взяла Деву за руку, и они закружились. Каждый шаг их танца покрывал землю травой.

И танец закончился. Царица улыбнулась и прилегла отдохнуть, струящийся Шелк окутал ее тело, солнце ласкало ее лицо, и мир распустился красками и жаром. Казалось, этому пиру не будет конца.

Но край ее сада накрыла тень. Пришел Жнец. Под его взглядом деревья накрыла пелена тихой грусти.

— Еще нет, — сказала Царица, но в голосе уже не было сил.

Жнец не стал спорить. Он сделал шаг вперед и провел Бесцветной кистью по краю дубового листа, его зеленая плоть уступила место благородству меди и золота. Руки Жнеца раскрылись, даря смертельное Объятие сна.

И Царица почувствовала, как из нее уходит свет, она наблюдала, как Жнец идет по ее саду. С каждым его касанием буйство красок сменялось мудрой, прощальной красотой.

Теперь все было готово. Воздух остыл. Ветер стих. В наступившей тишине стало слышно новое дыхание — ровное и спящее.

Оно доносилось оттуда, где только что прошел Жнец. Это дышал Владыка. Его час вновь наступал.

И все начиналось сначала.

Глава 1. Сотрудничество

Стражник обязан помнить: иногда верность уставу проявляется не в силе руки, а в ясности взгляда. Кто видит детали — тот и защищает порядок.

— Из наставлений для стражников, раздел «О следственном наблюдении»

Ланс вцепился в сиденье липкими от пота ладонями — на очередном повороте он едва не стукнулся головой о резную рамку окошка кареты. Мышцы в руках отозвались тянущей болью — отголоском работы на ферме. Коварный заказчик заплатил за составленный список инструментов, но даже хлеба не дал за то, что в процессе пришлось надрываться и наводить порядок в его амбарах.

Он помассировал худое предплечье. Будь он выше и сильнее, может, чаще бы брался за поручения, для которых требовались крепкие парни. Однако сейчас, направляясь на очередной заказ, Ланс даже не знал его сути. Управляющий гильдией, стоило лишь порог пересечь, сразу отправил в гарнизон стражи. Еще и не пешком. Личный заказ, закрытый экипаж с кучером.

И зачем страже могли понадобиться его навыки?

Ехать еще полчаса, на север Восточного района — через мост, а желудок уже выписывал ему штрафы за каж-

дую кочку и крутой поворот. К горлу поднималась оплата, и он направил взгляд сквозь мутное стекло искать спасение. Сколько заплатит заказчик, если раскошелится на карету? — мелькнула мысль после очередного глубокого вдоха. За пару медяков любой мог прыгнуть в сено проезжающей телеги и добраться куда угодно. С пешими поправками, разумеется.

От мыслей отвлек шум за окном. Крики и топот доносились приглушенно.

— Не бывать этому! Мы такие же горожане! Мы не будем умирать с голоду! — кричала толпа, хлынувшая на рынок.

Какой-то мужчина с искаженным от ярости лицом кричал, казалось, громче всех.

Ланс отпрянул от дверцы, хватаясь за край рубашки. Дыхание на миг сбилось, но он тут же отпустил ощущение. Ничего, это просто люди, недовольные каким-нибудь очередным решением Законотворческой палаты.

Осенью всегда так. Жнец уже прошелся кистью Виндилиса, стирая последние краски с деревьев. Пришел черед Свефнира. Никто не был рад его приходу, хотя он единственный из двенадцати, кто позволял сделать глубокий вдох после работы в полях.

Преодолев площадь, экипаж проехал по переулкам, огибая рынок, и выехал на мост. На Набережной улице показалась новая лавка. Аптека... Обычно редкие, но достаточно щедрые поручения. Если владелец согласится с ним ра-

ботать, можно закрыть пробел на неделе.

Карета резко остановилась.

Ланс, в мыслях переписывающий названия лекарств, не удержался и полетел лбом в противоположную стенку. Кучер постучал по крыше, прося его выйти.

Когда ботинки коснулись земли, пришлось прищуриться — экипаж надежно прятал его глаза от яркого осеннего солнца. До ворот гарнизона, распахнутых и высоких, — всего пара шагов. Но шаги эти дались с трудом. Словно мысли и звуки приглушились под тяжелыми взглядами стражников.

Он глубоко вдохнул и вошел на территорию Восточного гарнизона городской стражи.

Эвальд, отложив очередной отчет, зажмурился и потер переносицу. Стол был завален бумагами — с тех пор, как слухи о новом законе поползли по городу, работы прибавилось вдвое. В основном, донесения о пьяных стычках или жалобы на соседей. Но теперь еще и убийство. Словно запаха дыма от грядущего бунта было мало.

Скользнув взглядом по листку, он посмотрел на наемника.

Худой, с острыми плечами, оттягивающими рубашку. Подтянутый — скорее ловкий, чем сильный, но явно не боец, потому не удивительно, что берется за письменную работу, судя по отчету из гильдии.

При себе меч не носит — вот, что смущало. Бывший ка-

дет, навыки должны быть... а оружия нет. Парень стоял прямо, смотрел без страха, но и без вызова. Глаза темные внимательные.

Хорошо. Гильдия прислала кого-то толкового.

— Ланс... фамилии нет, — Эвальд отложил листок и убрал серебристую прядь за ухо. — И тебе... точно двадцать лет?

У темноволосого юнца, видимо, в роду был кто-то с юга, из-за этого кожа казалась чуть смуглее, едва уловимо.

Ланс молча кивнул.

— Капитан Эвальд Фарн, — представился он. — В гильдии, думаю, сказали, от чьего имени заказ?

Конечно, не сказали, но Ланс все же попытался улыбнуться.

— Так точно, капитан. Благодарю за доверие, — и вздрогнул от собственного голоса. Этот тон он не слышал от себя уже три года. — Но прежде, чем я... Расскажите про поручение.

Ему и прежде приходилось общаться с офицерами, но Эвальда Фарна он видел впервые. Лавочники на рынке и стражники Западного района говорили, что капитан Восточного гарнизона умом не блещет и не выходит из своего кабинета, чтобы не марать руки, но...

Мужчина перед ним, которому было за тридцать, точно не только сидит в кабинете и подписывает бумаги. Широкие плечи и мозоли на ладонях говорили, что меч в этих ру-

ках бывает часто. Может, тренируется каждый день вместе со всеми? На таком-то высоком положении.

Его тяжелый пристальный взгляд и бумаги, под которыми не было видно столешницу, не оставляли сомнений, что капитан явно не из-за лени не выходит из кабинета.

А выглядел он так, словно время обходилось с ним уважительно и немного сурово.

Спокойствие, что держится на внутреннем давлении.

— Присаживайся. — Эвальд мотнул головой в сторону стула.

Когда стул скрипнул под Лансом, капитан сложил пальцы в замок.

— Ночью на складе у стены убили наемника. Убийца — тоже наемник, Зовут Герт, сидит внизу. Сознался сразу. Но гильдия любит формальности, а у меня нет людей. Тебе нужно осмотреть склад и тело. Записать все. Принести мне.

Ланс, услышав это, округлил глаза.

— Я... но капитан, я не следователь...

— В досье сказано, что ты был кадетом, — холодно перебил Эвальд. — Значит, основы знаешь. Грамотный, дотошный. Сейчас мне нужно не корчевать деревья, а именно это. Задание простое: осмотреть, записать, принести. Остались вопросы?

Удивительно насколько сильными могут быть слова. Простые, без подтекстов, но сказанные человеком, много лет ведущим допросы и отдающим приказы без права обжа-

ния.

Ланс невольно кивнул. Поручение не запятнает его репутацию, можно братья. Одно не давало покоя:

— Но, капитан, позвольте. У вас целый гарнизон стражи. И...

Эвальд поднял взгляд. Из-под бровей на Ланса смотрели два серых глаза.

— У меня горят улицы. — отбил капитан пальцами ритм по столу. — Свободных рук нет. Ты здесь, потому что в гильдии написали «аккуратен и дотошен». Мне нужны глаза и записи, а не вопросы. Справишься?

Поджав губы, Ланс кивнул еще раз.

Затем подумал: если капитан выпитя, хорошенько поест — станет выглядеть на свой возраст, ведь его серебряные волосы — явно не нервная проседь, а естественный цвет. Там и хамить перестанет. А сейчас от капитана остались только мешки под глазами и несколько попыток найти в пустой кружке остатки чая.

Капитан кивнул в сторону двери.

Пока Ланс поднимался, тот, не глядя на него, добавил:

— Дежурный внизу даст бумагу и перо. Экипаж оплачен до вечера. Не задерживайся.

Ланс уже тянулся к ручке, когда сзади донеслось:

— И, наемник...

Он обернулся. Капитан не поднял головы от бумаг.

— Результаты — мне. Без лишних глаз.

«Да, капи...», — хотел сказать Ланс, но только склонил голову, закрывая дверь.

Когда наемник вышел, Эвальд откинулся на спинку стула. Уголки его губ дрогнули. Стойка смирно... Дисциплина — она, как старая форма, сидит намертво.

Экипаж тронулся и Ланс, наконец, позволил себе расслабить плечи. Мысли начали отбиваться как колеса от камней. Заказ от капитана... Личный экипаж... Капитан не поспешил на транспорт, а значит и оплата должна быть достойной. Не пара медяков, а, быть может, серебряный нумма. Кошель от предположений будто прибавил в весе.

За мутным окошком мелькали дома, а в голове — обрывки уроков. Кадетом он не изучал следствие, но бывал в «полях» с куратором. Драки, воровство... Однажды, даже кража меди для монетного двора.

— Преступление на месте — это картинка. Нужно только собрать фрагменты, — вспомнились слова старика.

«Фрагменты», — мысленно повторил Ланс.

Он попросил кучера остановиться чуть поодаль — возле складов в полдень было не протолкнуться из-за грузовых телег.

Выйдя из экипажа, Ланс свернул за угол — и толпа выбила воздух из легких. Лавочники, плотники, всевозможные торговцы кричали и махали руками. Запряженные в телеги лошади ржали под общее напряжение, переминались с ко-

пыта на копыто.

Ланс остановился на мгновение, глубоко вдохнул и шагнул в людской поток. Чего пугаться — в Восточном районе всего один рынок. Содержимое всех тележек и палаток хранилось здесь.

Ему едва удалось протиснуться к воротам складского двора. Стражник на входе пропустил его, стоило лишь показать жетон, полученный от дежурного.

Осмотрев двор, Ланс увидел, что среди всех складов заперт был только один. Видимо этот нужный.

Несколько больших зданий из серой древесины стояли почти вплотную к городской стене. В каждое из них нужно было подниматься по короткой лесенке. Ланс как-то работал на складе, но сейчас старался смотреть без предвкушения ноющей спины. Воздух в такие помещения должен поступать отовсюду, чтобы никакие товары не отсырели. И пусть разгрузка телег была той еще работенкой из-за пресловутой лесенки — зато чужое зерно и древесина хранились дольше.

В ступни сквозь тонкую подошву впивались острые камешки — идеальное покрытие, чтобы следов не осталось. Весь двор был устлан слоем щебня — ни снег, ни дождь не могли остановить торговлю. Следов здесь и правда не найти.

Достав из сумки обмотанный шнуром грифель, Ланс распахнул тяжелые створки дверей. Внутри тут же ворвалась волна криков недовольных торговцев. Однако, стоило шагнуть в тень, прокладывая путь дневному свету, как звуки от-

ступили, упершись в глухие стены без окон. От тишины, густой и спертой, пахнувшей пылью и древесной смолой, в ушах застучало. Глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к полумраку.

На складе все лежало в практичном порядке. Груды досок, ящики с углем, сложенные штабелем бревна, — плотные ряды с узкими проходами. Взгляд скользнул по кованым крюкам на балках — пустым.

Лишь один удерживал потухший масляный фонарь.

Еще шаг и Ланс замер. В проходе между досками и ящиками с углем лежал мужчина. Глаза, мутные и неподвижные, смотрели в балки под потолком. На следующем шаге ботинок уперся во что-то липкое. Ланс наклонился. Воздух был холодным, пахло только деревом и пылью — никакого запаха разложения.

Кровь на полу не заставила сердце биться чаще, ведь он не первый раз видел мертвеца. Правда, в прошлом все было иначе. Поручения за городской стеной были опасны. Звери или засада на дороге. Но от клинка человек умирает не сразу. И даже если ему уже не помочь, товарищи, или те кто рядом, могут утешить под конец и проводить в последний путь. Спускаться во тьму по веревке из голосов... спокойнее. Но этот мужчина умирал в одиночестве.

Взгляд остановился на ране. Багровое пятно на серой тунике. Глубокий, широкий разрез в верхней части груди.

Лужа крови, уже подсохшая по краям, опрокинутые ящи-

ки, уголь, рассыпанный повсюду, — картина жестокой драки. Ланс встряхнул головой и начал записывать.

«Следы борьбы: рассыпанный уголь, опрокинутая тара...»

Перо замерло.

«Но на лице и шее... ни синяка, ни ссадины».

Он отложил бумаги на доски. И поморщился. Но не от холодной плоти — тревожить покой умерших нехорошо, но Архитектор не осудит, ведь сейчас Ланс помогал этот покой обрести. Проведя большим пальцем по костяшкам на руке мужчины, он не увидел ни содранной кожи, ни застывшей в царапинах крови. Словно в драке, о которой кричал беспорядок вокруг, этот человек не участвовал.

«Окоченение... Прошло часов десять», — отметил он, и от этой сухой мысли стало еще холоднее.

Ланс уже собирался встать, когда луч света из приоткрытой двери упал на пол под другим углом. И он увидел их — смазанные, но четкие отпечатки подошв, отступившие от тела. Следы не жертвы. Ланс торопливо дописал: «...и отпечатки подошв в крови, не принадлежащие жертве».

Он вышел на улицу, притворив скрипучие створки. Солнечный свет ударил в глаза. Ланс глубоко вдохнул, пытаясь заполнить свое тело теплом и безоблачным небом. Его записи... формальность. Но формальность поможет отправить подлого убийцу в темницу быстрее.

У ворот толпа уже успокоилась. Хриплый голос окликнул его:

— Ланс? Ты чего там забыл? — спросил знакомый голос по ту сторону забора.

За оградой ему улыбалась физиономия старика Керика. Лавочник, у которого Ланс частенько подрабатывал, махал ему рукой.

— Дела, старина Керик. — улыбнулся Ланс знакомому и пожал ему руку. — Вас скоро впустят. Думаю, через пару часов.

— С утра ворота закрыты, а тебя просто так пустили?

Ланс пожал плечами.

Керик поймал его взгляд и хитро хмыкнул.

— Двин-то, смотритель, рассказал, что тут ночью было. Это он стражу и позвал. Говорит, двое наемников попросились поработать ночью. Ну, он дурак, пустил. А сам прикорнул.

— И когда проснулся? — не удержался Ланс.

— Проснулся! — старик плюнул под забор. — Ему спать не положено, дармоед! Говорит, от шума. Вроде как что-то разбилось.

Ланс почувствовал, как кровь прилила к голове. Разбилось.

На складе, где хранятся уголь и древесина.

— А Двин еще что-то говорил?

— Бредил, что ли... Говорит, видел, как кто-тоеще со склада выходил. Да кто ему поверит-то? Старый, у него уже глаза мутные.

Ланс не слушал. Перед ним стояла картина склада: уголь, доски, ящики... Ничего стеклянного. Кроме...

Фонарей.

На крюке висел один. Целый. А второй?

— Спасибо, старина! С меня полный кувшин! — бросил он через плечо и рванул обратно, оставив Керика с разинутым ртом.

На складе все было по-прежнему, но щеки теперь горели точно после пощечины от куратора.

Где же второй фонарь?

Пусть бликами проложит путь...

Блики... нужно искать блики от стекла.

Он припал к полу, вжимая ладони в липкую от угольной пыли грязь. В глубине, у самого основания ящиков что-то блеснуло. Ланс боком протиснулся в узкий проход, чувствуя, как грубая древесина цепляется за одежду. Ящики были накрыты промасленной тканью.

Он приподнял край влажными пальцами и увидел. Разбитый фонарь, скрытый в темноте. Зачем прятать?.. Мысль ударила с такой силой, что перехватило дыхание. Если не просто драка... Если не просто... Тогда *кто-то еще*, ускользнувший в ночь, был здесь. И он не хотел, чтобы об этом узнали.

Смотритель не бредил.

Ланс снова направился к выходу, но в последний момент обернулся. Тело мужчины все так же неподвижно лежало на

холодном полу. Ланс подошел и закрыл мужчине глаза.

Глава 2. Сведения

Записи — оружие не хуже меча. Бумага и перо сохраняют то, что память и слова склонны исказить.

— Городской регламент, §14 о должностных обязанностях писарей и дознавателей

Эвальд стоял у окна, перебирая в руках бумаги, что вручил ему наемник. Взгляд скользил по строчкам: описание тела, позы, время смерти... Довольно подробно, даже переписывать не придется — можно сразу подшить к делу. Хотя почерк... корявый, будто парень на коленке писал.

Он уже собирался отложить отчет, когда последний абзац заставил его руку замереть.

— Спрятанный разбитый фонарь? — Эвальд перечитал фразу еще раз, прежде чем произнести ее вслух. — Со слов смотрителя Двина... до драки и прихода стражи — звон разбитого стекла. На складе... был кто-то еще.

Эвальд медленно поднял на него взгляд.

— Все верно, капитан, — ответил Ланс и почувствовал, как под этим взглядом напрягаются плечи. — После осмотра я уже направлялся к вам, но столкнулся со знакомым лавочником. Он и пересказал слова смотрителя. Но... я не раскрывал суть поручения.

— И ты проверил его слова? — Эвальд подался вперед.

— Да, капитан. Я вернулся на склад. Фонарь был там, где я и написал. Спрятан. — Ланс помедлил, глядя на свой отчет в его руке. — И еще... у убитого. Вы говорите, была драка, но на его кулаках ни ссадин, ни кровоподтеков.

Капитан нахмурился. Затем повернулся к окну и отбил ритм пальцами о подоконник.

— Герт, подозреваемый — все лицо в синяках. Может, Сэвор бил его чем-то? Доской?

— Вряд ли. Доски там длинные, тяжелые — такими не замахнуться. И все на местах. Ящики опрокинуты, но уголь рассыпался, скорее, когда убитый упал.

Эвальд снова взял со стола записки Ланса. Он, казалось, забыл о присутствии наемника и начал рассуждать вслух:

— Не сходится... Сознался сразу, не сопротивлялся, нож отдал. Говорит, Сэвор набросился как бешеный, избивал его... Герту будто бы ничего не оставалось, кроме как достать нож. Момент удара не помнит.

Набросился? Ланс представил тело в полумраке склада. Холодные, чистые руки. Так кто же кого избивал?

Лансу вдруг стало ясно: эти детали не для ушей посторонних. Стражники не раскрывали детали — о подробностях можно было узнать лишь из слухов. Но теперь он знал все.

— Вы проведете допрос? — Ланс сжал кулаки, чувствуя, как между лопаток поднимается холодок. Если капитан закроет дело, не докопавшись до сути, эта смерть так и останется никому не нужным отчетом.

Он глубоко вдохнул, что унять тряску в ногах и начал осторожно:

— Герт лжет. Сэвор не избивал его. Допросите ночного смотрителя. К тому же, собаки-ищейки могли бы...

— Да-да, — перебил капитан и повернулся к нему. — Пока без собак. И свободных рук как не было, так и нет — иначе зачем бы я тебя нанимал? На все нужно время.

Ланс подавил позыв к тому, чтобы взять капитана за воротник. Все ясно. Наемник Сэвор ляжет в землю безответной меткой в отчете.

— На этом я свободен? — выдавил Ланс, плотно сжав губы. — Насчет оплаты. Мы не обсудили сумму.

— Дежурный внизу в курсе, — Эвальд снова склонился к своим бумагам, отложив его отчет на край стола, — Обратись к нему.

Десять серебряных нумма звенели в кошельке. Ланс перебирал монеты, пытаясь заглушить мысли. Оплата была более чем щедрой за пару часов работы — у лавочника Керика он бы копил столько несколько дней, а Лансу заплатили такую сумму за отчет. Но тяжесть серебра в сумке не могла перевесить тяжесть внутри.

Эвальд Фарн, бесцветный капитан всей Восточной стражи, даже не пошевелится. Формальности соблюдены, виновный в клетке.

Иначе зачем нанимать человека со стороны, если можно

поручить своим? Значит, дело закрыто.

Да, капитан и правда выглядел измотанным. Беспорядки, бумаги... Но разве это оправдание? Он давал клятву защищать, но Сэвора никто не защитил. Теперь его же, скорее всего, и выставят виновным, а убийство спишут на драку. Очень удобно.

Ланс потрянул головой. Крики торговцев и скрип телег возвращали его на улицы, где оставались и другие дела. При всей своей ярости он не мог не признать — капитан постарался учесть интересы сразу нескольких сторон: гильдии наемников, рыночных торговцев и его самого. Склад открыт, «виновный» назван.

День близился к вечеру. Ланс зашагал к зданию гильдии, намереваясь по дороге заглянуть к кузнецу и аптекарю, лавки которых он заприметил еще утром. До ночи оставалось время и, если смотритель Двин сегодня выйдет на работу... что ж, тогда Ланс сам найдет его и задаст вопросы.

Эвальд читал расписание стражников, стараясь видеть буквы и цифры, а не черные пятна. Из шести десятков человек на улицах сейчас было тридцать восемь. Его сержанты заранее подали списки патрульных и дозорных. Хорошо, что не нужно перепроверять. Капитан перебрасывал людей из тихих кварталов в самую гущу — толпы собирались тут и там, люди кричали: «Долой совет!»

Он понимал недовольство граждан, и потому приказал

не применять силу. Однако, при том, что стражники задерживали только самых неугомонных, камеры под гарнизоном были уже почти заполнены. Долго держать не придется — пусть остынут, заплатят штраф и свободны. Сержант Ревис должен этим заняться.

Капитан планировал закончить к полуночи. Сегодня он вгрызлся в бумаги с усердием, чтобы освободить завтрашний день.

Мысль вернулась к наемнику. План был прост: завтра вызвать Ланса, отправить искать смотрителя, а затем провести допрос Герта вместе.

Следующим был отчет от его помощника, сержанта Иасана. Ему было поручено особое задание — поиск подстрекателей.

Пока ничего. Если Рафир ничего не нашел, значит, подстрекателей и правда нет. Или прячутся хорошо.

Эвальд вздохнул. Сержант Иасан уже, кажется, неделю не виделся с родителями из-за бесконечной работы.

Он отложил листок. Будучи не первый год в должности, он научился считывать аномалии. Народные волнения возникали тут и там, ведь поводом для недовольства могла послужить любая реформа. Обычно бунтовало одно сословие: ремесленники без прежнего доступа к ресурсам; торговцы, обложенные новым сбором. Все заканчивалось за пару дней — находился клерк для диалога, вносились правки, и люди расходились.

Сейчас иначе — таможенный закон еще не приняли. Насколько Эвальд знал, Законотворческая палата тесно сотрудничает с Торговой. Объем работы был колоссальный: необходимо было вносить бесконечные правки, что-то вычеркивать или добавлять, потому текст закона был до конца не известен даже тем, кто его пишет.

Результат, если верить бумагам, должен был перекрыть подпольную торговлю, обложив все товары сборами и убрать с рынка некачественное сырье. Проигрывали только те, кому было выгодно не светить своими сделками.

Капитан повернулся к окну. Кто-то явно водил толпу по улицам как стадо. И этот кто-то наверняка подкармливал самых горластых, подливая масла в огонь. Если этот «кто-то» действительно есть, он должен его найти.

Лавка, принятая им за аптеку, оказалась алхимической мастерской — на вывеске лишь котелок да пучок засушенных цветов. Никаких надписей. Молодой парень, Арденскельд Торвальд вежливо выслушал Ланса, затем немного поник, когда стало ясно, что покупки не будет.

Ланс оставил ему свое имя на случай поручений на сбор трав или доставку. Обещания было достаточно.

Выйдя на улицу, Ланс услышал урчание в животе. Обеденное время давно прошло, а он ведь обещал себе его не пропускать. И теперь его гнало вперед предвкушение тарелки горячего супа.

Колокол Доминиума прозвонил шесть раз. Ланс зашел в здание гильдии и, перейдя через широкий зал, сразу направился к стойке. Пока ждал, он взглядом скользнул по залу. Типичный сбор в гильдии: пара травников; несколько ремесленников скромного вида, у кого не хватило серебра на свою мастерскую; пара бойцов у стола, на чьих потертых куртках виднелись следы от когтей лесных тварей.

Глядя на них, Ланс вспомнил рассказы о Северном лесе. Сто лет назад первые поселенцы называли местных тварей монстрами. Теперь, конечно, все знали, что это — просто животные, но от этого встреча с ними не становилась приятнее.

В книге учета он нашел строчку со своим именем и заказчиком «Восточный гарнизон», затем сделал отметку о выполнении.

Справа от входа на деревянных скамьях собралась компания. Наемники были в простой походной одежде: мужчины в кожаных коричневых куртках, коротких или заправленных в штаны льняных туниках. Ланс подумал, что стоит дойти до постоянного двора и надеть свою куртку. Он целый день бегал по городу в одной рубашке, часть времени провел в экипаже — замерзать было некогда. Однако, к ночному делу следовало утеплиться. Середина осени, все-таки.

Его отвлек знакомый голос, пробивавшийся сквозь общий гам.

— Ты спросонья глаза-то открой! — крупная, мускули-

стая девушка с хохотом толкнула соседа в плечо и тот едва удержался на скамье. — А парнишка-то как завизжит! Я уж подумала, стрелохвосты ему в задницу вцепились!

— Ну хватит, Торгиль! — мужчина приложил руку к месту удара, не переставая хохотать. — Он первый раз на охоту ходил.

Ланс подождал, пока хохот стихнет, и подошел. Торгиль, единственная в этой компании, была в стеганом жилете и стальных наплечниках. На любом другом такой доспех выглядел бы громоздким, но на ней — сидел как вторая кожа. В ее жилах текла кровь т'улниров, народа кузнецов и рудокопов. Их обычно выдавал низкий рост, но Торгиль пошла в свою мать-южанку, получив от отца лишь мощное сложение и те самые багровые волосы, что часто встречались в их роду.

— Привет, Торгиль! — Ланс хлопнул ее по плечу.

Та повернулась и блеснула своими зелеными глазами.

— Кого я вижу! Господин Ланс! — ее голос был глубже, чем у иных мужчин. Она со всей силы обняла его.

— Я тоже... рад... — едва выдохнул Ланс.

— Давненько я тебя не видела! — Торгиль наконец отпустила его и, отступив на шаг, окинула оценивающим взглядом. — Питаешься, смотрю хорошо. Подумывала, что в городе ты совсем зачахнешь за писаниной.

— Не преувеличивай. Мы с тобой виделись пару месяцев назад, — вздохнул Ланс, расправляя плечи. — Смотрю, ты тоже недавно вернулась?

Торгиль удивленно подняла бровь.

— Я? Да я в городе уже неделю! Только привела обоз в столицу — и сразу в Вальдорф. Ох и тащились же мы! — она с силой тряхнула головой. — Телеги забили так, будто каждый медяк на счету. Дожди, переправы... Да плевать им было, в каком виде зерно доедет!

Она цокнула и продолжила:

— А я так Солхёг здесь отпраздновать хотела... Пришлось в седле его встречать. Хоть с ребятами познакомилась, — кивнула она на свою компанию. — Нарядные. Телеги эти дурацкие из грязи таскали, не ныли. Ладно, а ты-то где пропал?

— На ферме за западной стеной, — махнул Ланс рукой в сторону окна.

— Без меча за стеной, ты совсем дурак?

— Там амбар прямо за воротами, я, можно сказать, даже спал под присмотром.

Торгиль поглядела с прищуром.

— Ладно, что за работа хоть была?

— Заполнял список инструментов, заказ на починку плугов... По мелочи. Вернулся только вчера.

— Клерк-секретарь! — расхохоталась девушка.

— Пойдем в столовую, — перебил он ее, снова почувствовав, как живот начинает сводить.

Торгиль что-то крикнула своим ребятам и последовала за ним в боковой зал.

Помещение столовой заполнял густой аромат супа — пахло поджаренным луком, мясом и чем-то сливочным. В гильдии кормили не абы как: супы варили не в общем котле, а в нескольких кастрюлях, отчего бульон получался наваристее, а мясо — мягче.

Даже Торгиль, обычно равнодушная к кулинарным изыскам, с одобрением вдохнула.

Они взяли у повара две миски горячего супа и ломоть свежего хлеба, устроившись у окна. Ланс с наслаждением откинулся на спинку скамьи, а Торгиль устроилась напротив, положив мощные руки на стол.

Время обеда уже прошло и зал почти опустел. На кухне всю готовили ужин, и им повезло попробовать его первыми.

— Не понимаю я тебя, Ланс, — Торгиль отложила ложку и посмотрела на него прямо. — Что тебе этот город? Мог бы с нами по контрактам ходить, золото грести.

Она увидела, как он напрягся, и резко махнула рукой, прерывая возражение.

— Мы же вместе начинали! Ты мечтал о деньгах и дорогах. Куда все подевалось?

Ланс отставил тарелку и вздохнул.

— Хватит ворчать. Мне... удобно здесь. Да, я помню и лес, и тех тварей. Но город... он живой по-другому. Каждый день — новое дело, новые люди. И я не бедствую, — он фыркнул, глядя на ее поднятую бровь. — За «писанину» платят при-

лично. Не шкуры саблерогов, конечно, но хватает.

Под ее взглядом Ланс понял, что все его слова прозвучали лишь жалким оправданием. Но Торгиль не стала добивать.

— Знаешь, я никогда не осуждала, — ее голос вдруг смягчился. — И я рада, что ты нашел свое место. Просто... мне порой не хватает походов наших. Ночей у костра. — она замолчала, глядя в окно, где люди засветло спешили закончить работу. — Помнишь, три года назад ты был готов хоть к Обители снов идти. Даже в плавание собирались...

Ланс покачал головой. Не хотелось вспоминать.

— Мне же деньги нужны были, а потом... Ты же знаешь, мне с бумагами нравится работать, — произнес он и постарался усмехнуться, — С рукавов чернила проще отстирывать и ботинки всегда чистые.

Торгиль не улыбнулась и вдруг спросила:

— Ты виделся с отцом?

Ланс вздрогнул и покачал головой.

— Не думал, что стоит поговорить? Он, кажись, приехал в город.

— Нет, — ответил он, поерзав на стуле. — И... прошу, давай не будем.

— Ладно, — вздохнула наемница. — Ты сказал, вернулся вчера, а в гильдию явился только к вечеру. Поручение было какое?

— Да, — кивнул Ланс и опустил взгляд в тарелку. — Не буду в деталях расписывать, но я сегодня был на месте убий-

ства.

Торгиль даже поперхнулась.

— Чего? Кто умер и ты что там забыл?

— Восточный гарнизон нанял меня... — тут он вспомнил про разговор с капитаном Фарном и немного поник, но продолжил, понизив голос, — Наемник, не из местных, убил товарища на городском складе. Я осматривал тело и место, записывал, все, что могло понадобиться.

— С чего это наемники друг друга в городе убивают?

— Я не могу рассказать.

Торгиль кивнула. Даже расскажи ей Ланс подробности, она не стала бы трепать языком. Но раз не говорит, то и ей в это дело лезть не нужно.

— Ладно. Ты только осторожнее, на улицах беспокойно. — тут ее взгляд зацепился за его пояс и она возмущенно хлопнула ладонью по столу. — А ты опять за свое! Где меч, который я тебе подарила? Знаешь, как меня в той лавке подняли на смех? Ножик не для моей лапищи, видите ли! Деревящины!

— Тихо, — зашипел Ланс, оглядываясь. — Я его на постоялом дворе оставил. С клинком на рынках только лишние взгляды ловишь, а мне отбиваться не от кого. Да и торговцам спокойнее, когда я без оружия.

— Я в городе буду и проверю, — Торгиль пригрозила пальцем. — Увижу в следующий раз без клинка — наступчу по голове!

В дверях показались ее товарищи, подзывая жестом.

— Мне пора. Работенка в центре, а потом — гулянка. Рада была повидаться. — она уже сделала несколько шагов, но обернулась на пороге. — Знаешь... мне было бы спокойнее, знай я, что ты где-то в лесу со мной, чем здесь.

Ланс кратко улыбнулся. Под всей этой грубоватой силой подруги скрывалась искренняя тревога. И он понимал ее: зверь нападает открыто, его намерения кристально ясны. А человек... с человеком никогда не знаешь. Тот, с кем ты работал вчера, сегодня может воткнуть нож в спину.

— Я могу за себя постоять, не переживай, — тихо сказал он уже в пустоту. — И я рад был увидеться.

Когда ее фигура скрылась в дверях, Ланс отодвинул пустую тарелку. Он смотрел в окно, но видел уже не суетящихся горожан, а темный склад и нетронутые кулаки мертвеца. Слова капитана о непонятной причине драки отдавались в голове. Ждать, пока стража шевельнется? Или...

Он уже решил.

Глава 3. Дознание

Стражник не должен доверять толпе и не должен презирать ее. Народ как горный поток: сегодня толпа спокойна, завтра сметет стены.

— Устав городской стражи, раздел «О порядках в час смуты»

Ночь спустилась на черепичные крыши Вальдорфа. Редкие фонарики начали освещать улицы.

Город затих. Лишь изредка гремели колеса проезжающих по улицам телег.

Ланс, на ходу натягивая куртку, спустился по лестнице постоянного двора. Помня предупреждение Торгиль, он на всякий случай вышел на главную улицу. Разбоя в Вальдорфе не было как явления. По крайней мере, Ланс не мог припомнить случаи в Восточном районе. Значит, Эвальд Фарн не зря ест свой хлеб.

Ланс двигался быстро, легко, почти бесшумно. Он настолько сосредоточился на вопросах, которые задаст смотрителю, что не заметил, как из-за домов показалась городская стена.

Вот и на месте.

Он подошел к небольшому деревянному зданию, которое было частью забора.

— Есть кто-нибудь? Смотритель Двин?

Послышалось движение и недовольное ворчание.

Он спал? После того, что случилось прошлой ночью, ему совсем не страшно оставаться одному?

— Чего? Кто пришел?

Ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы выпустить одного человека. Недовольный седой старик в простой одежде дрожал от ночного ветра. Его лицо, испещренное морщинами, покрывали темные пятна — отметины солнца, под светом которого, видимо, он проработал много лет.

— Ты Двин? — решил уточнить Ланс.

— Я. А ты кем будешь?

— Меня зовут Ланс, наемник из гильдии. — легко улыбнулся он, стараясь держать дружелюбный тон, — Хочу спросить насчет вчерашней ночи. Лавочник Керик рассказал, что ты говорил с ним. Можешь вспомнить, что ты видел?

Старик нахмурился.

— А тебе какое дело? Керика знаю, тебя не знаю.

Глядя на нахмуренные брови старика, Ланс решил, что ложь напрашивается сама собой. Керик, конечно, не умел держать язык за зубами, но лишние детали — верный способ запустить по рынку новые сплетни.

— Друга моего убили. Хочу про его последние часы узнать. — сказал он и, решив, что даже это может прозвучать неубедительно, добавил, — Стражники даже на тело глянуть не дали. А мы ведь встретиться договаривались, как он с ра-

ботой закончит!

Глаза старика сощурились. Не верит. Фальшь звенела в голосе слишком явно.

— Друг? А по тебе не скажешь, что ты с такими водишь-ся... — хмыкнул Двин. — Ну-ка вали отсюда по добру.

Не выходит, нужно естественнее.

— Пожалуйста, расскажи! Он мне почти братом был! Когда совсем туго было, он мне с деньгами помогал. Мы давно не виделись, хотели встретиться, а тут...

Двин покачал головой. Его лицо расслабилось и он ответил:

— Ладно уж.

Ланс выдохнул с облегчением:

— Спасибо. Расскажи, как было.

Двин почесал подбородок, пытаясь вспомнить, словно все произошло не вчера, а лет десять назад.

— Днем обоз приехал. Я тогда пораньше пришел — торговцы лишнюю монету могут обронить, если помочь с поклажей. Эти двое с ними приехали. Не знаю, как зовут кого, но один крупный был, — он посмотрел на Ланса, — на голову выше тебя. Да, где-то так. А второй как ты.

Он остановился. Ланс в это время подумал, что более крупный — это убитый.

— Так. Выгрузили они поклажу и ушли все. Наемники тоже куда-то направились. Я вечера дождался. — старик запнулся, глядя на забор. — Над Доминиумом колокол двена-

дцать раз прозвенел, и эти двое показались. Вот прямо как ты начали кричать. Попросились внутрь, бумагу показали — печать я узнал.

— Только двое? Может кто-то позже подошел? Или кто-то остался во дворе, когда обоз ушел?

— Нет, точно нет. Только двое. — Двин кивнул самому себе. — Чего тут делать? С дороги первым делом в харчевню надо идти.

Старик говорил уверенно, но Ланс мысленно отметил: в лицо-то он не мог помнить каждого, любой мог проскользнуть в суматохе...

— О чем, бишь, я? Зашли они, фонари попросили зажечь, а затем я ворота запер.

— Два фонаря?

— Да, на каждого. Один наемник его ближе ко входу повесил, другой — в конце склада, чтобы ноги не переломать об ящики.

Ланс решил немного помочь старику:

— А звон стекла ты когда услышал? Керик говорил, что ты задремал.

И, задумавшись на мгновение, добавил:

— Но я не собираюсь на тебя доносить — мне важно узнать, что случилось.

— Ну задремал, да. — проворчал Двин, и его тон не был виноватым — скорее уставшим. Озябшим. Работа по ночам, судя по его осунувшемуся лицу, была для него в тягость. —

Но я чутко сплю. Да и не успел я толком глаза закрыть — на складе упало что-то. Стекло разбилось, я аж вздрогнул, какой тут сон. Потом тишина. И следом, слышу, шаги. Кто-то к ним зашел. Поговорили и опять тишина. А через час, или больше — крики, грохот, драка началась!

— Это не был один из парней? — подался вперед Ланс.

— Мужики-то в рабочей одежде были, рукава закатали, а этот — в плаще, черном таком. Солхёг был бы, я мог подумать, что призрака увидел, но уж месяц как Исполин вздохнул.

Старик задрожал и потер плечи.

— Вроде не показалось мне, хотя не могло там никого быть. Но этот плащ я рассмотрел хорошо. Не вот это, — он с презрением щипнул грубый лен своей поношенной штанины, — А плотный такой, капюшон широкий. Потом и затихло все.

— А он вышел после?

— Дверь они не закрывали, а я не все время смотрел — отошел кипятка подлить. Может и вышел.

— Потом крики?

— Потом крики, — Двин кивнул несколько раз и снова поежился. — Не сразу. После привидения мужики за работу взялись, я слышал. Час, наверное, прошел. В колокол ночью не звонят, так что не точно. А потом драка. Они, кажется, не поделили что-то, орать начали, ящиками кидаться.

— Голоса различил?

— Я не вслушивался — сразу выбежал за ворота искать патрульных. Хорошо, что двое рядом были. Они бегом во двор, скрутили того, что меньше, и увели. На этом кончилось.

Слова Двина в целом совпадали с тем, что рассказал Керик. Однако, теперь сомнений не осталось: зритель хоть и старый, но видел привидение, точно запомнил плащ из дорогой черной ткани. У входа висел фонарь — фигуру в плаще было видно хорошо. Значит, призрак был настоящим, осязаемым. Но как его искать?

— А ты ничего не находил? — решил попытать удачу Ланс, — Может, привидение обронило что-нибудь?

Старик замаялся и ответил не сразу. Все таки есть что-то? Отдавать не хочет?

Не выдержав его взгляд, Двин вздохнул и, пошарив в кармане, протянул Лансу что-то крошечное.

— Вот, монетка какая-то. Я тогда за складом осмотрелся, нашел ее.

Ланс взял из рук старика маленький блестящий предмет — плоский и круглый. В темноте было не разобрать цвет. Точно не монета, слишком маленькая. Но никаких отверстий не было, чтобы пришивать к одежде. Кому и зачем нужно украшение, которое так просто потерять?

— Торговцы, должно быть, обронили, — предположил Двин. — Они же где только не бывают. Может, у кого в ходу такие побрякушки... я-то что знаю.

Такая мелочь. Может и пустяк, но Ланс отругал себя за то, что был слишком самонадеян. Он-то решил, что раз во дворе следов не оставить, то и осматривать его нет смысла. А ведь любая находка могла оказаться недостающим фрагментом. Сочувствие к убитому и спешка его подвели.

— Спасибо, Двин, — Ланс искренне поблагодарил и крепко пожал ему руку. Другой рукой он достал из сумки один серебряный нумма и вложил в ладонь старика. — Выпей как-нибудь за Сэвора, так звали моего друга. И, если вспомнишь что-нибудь еще, в гильдии оставь записку для Ланса.

Старый смотритель, первый раз за разговор, глубоко удивился. Он сжал монету в кулак и стукнул себя в грудь.

— Обязательно. Больше-то сказать мне нечего... Но если позовут — приду. Обязательно, — пообещал он.

* * *

Ланс проснулся от щекотки на лице. Еще в полудреме пытаясь стряхнуть пушинку с щеки, он открыл глаза. Над головой висел пучок уже засохших трав — аромат полыни и мяты, встречающий его каждый вечер. Рукой он потянулся к некогда пушистому листку на ломкой веточке и растер его в пыль. Дыхание сбилось на миг. Вчера он вернулся поздно и долго ворочался, представляя человека в черном плаще под слабым светом складского фонаря.

Но сейчас теплая постель не выпускала из объятий. Ланс

потянулся, и суставы отозвались хрустом. Еще пару минут — завтрак не убежит.

Лежа одной щекой на подушке, он думал, что сделает сегодня. Денег пока хватало, ведь в списке расходов не значилась починка доспехов — их у него попросту не было. И про заточку меча можно не волноваться. Хоть слова Торгиль все еще дрожали в ушах, он собирался оставить ее подарок в ножнах — в комнате у окна, а не на поясе.

Мимолетный луч скользнул по эфесу и блеск металла вернул Ланса к «монетке», которую отдал Двин. Стоит поискать ювелира, а не хвататься за поручения. Может, даже удастся подобрать подарок для Торгиль. Та, конечно, не подавала вида, но Ланс знал ее слишком хорошо — любимый праздник между летом и осенью был тем временем, когда она позволяла себе выбирать новые украшения.

Товары в эту пору дешевели: в столицу и порты уже не отправить, а местные не всегда могли позволить себе платить полную цену. Да и выбор был богаче — на Восточном рынке собиралось столько ремесленников, что половина прилавков блестела от драгоценностей. Ланс не раз видел и заколки из цельного куска серебра, и браслеты с самоцветами, которые не вылетят в драке.

Ведь воительнице лесов и грозе дорожных разбойников не пристало носить хрупкие безделушки. Она бы и рада, но взять их в поход значило сразу сломать, даже не вынув из обертки.

Резкий стук в дверь заставил его подскочить.

— Наемник Ланс, откройте дверь! — потребовал строгий голос.

Ланс быстро встал с кровати и поспешил к двери, натягивая штаны.

На пороге стоял стражник в серой форме и блестящем нагруднике — высокий парень его лет, явно не пропускающий утренние тренировки. На фоне идеального строя его черных расчесанных волос помятая голова заспанного Ланса смотрелась как разоренное гнездо. И это лицо... ему бы в театр, а не в стражники. Неужели это тот самый?.. И когда он успел так загореть?

На вопрос ответили зеленые с золотом глаза. Южанин.

Доспехи обычные, но на наплечниках — синие метки сержанта.

— Меня зовут Рафир Иасан, — представился стражник. Взглядом он быстро и оценивающе осмотрел Ланса, стоящего в одних штанах, и заглянул в комнату: скомканное одеяло на полу, сумка, стопка одежды на подоконнике. — Капитан ждет вас. Почему вы не явились?

Ланс даже рот открыл. Слова потерялись, провалились под половицы.

— Он разве ждет?.. — пробормотал он.

— Дежурный в гарнизоне должен был сообщить о вашем прибытии. Пришлось мне вас искать.

Да что ему нужно?

— Погоди, — мысли Ланса, наконец, обернулись на самого себя. Вид тот еще. — Я сейчас... оденусь.

Сержант кивнул и начал спускаться по лестнице так, словно проверял каблуками сапогов ступени на прочность. Не дожидаясь, пока шаги затихнут, Ланс схватил одежду.

Главное, не забыть поясную сумку. На бегу надевая рубашку, он отбил носок ботинка о стену, втискивая ногу, и выбежал вслед за сержантом.

Такой строгий. А слухи ходят, что сержант под стать капитану. Хотя... Ланс на собственном опыте убедился, что составлять впечатление о человеке, основываясь на сплетнях — не тот путь, на который Архитектор смотрит с одобрением.

Его немногословный попутчик не утруждал себя разъяснениями. На все вопросы у него был один ответ, произносимый с ровным лицом:

— Капитан сказал, что вы в курсе.

Сержант Иасан приехал к постоялому двору на лошади. Значит им придется ехать в гарнизон на ее спине вдвоем, и Ланс уже с сожалением предвкушал, как отобьет себе все мягкие места.

Чтобы не свалиться, пришлось крепко держаться за пластины доспехов Рафира. Сталь почти оледенела от утреннего ветра, и стоило большого труда не отпустить руки. Упасть под копыта — не лучшее начало дня.

Они петляли переулками. Видимо, сержант решил объе-

хоть главные улицы, где с самого утра могла собраться толпа недовольных.

Едва за поворотом показался гарнизон, Ланс, не дожидаясь пока лошадь остановится, спрыгнул на землю. Руки онемели и горели, но с остальным все было в порядке — сержант вел лошадь шагом, который почти не подбрасывал наездников.

Рафир спешил в дворе и отдал поводья стражнику, затем жестом велел Лансу идти первым.

Оказавшись в гарнизоне во второй раз, Ланс уже стоял прямо. В первый его визит он не смел поднять взгляд: зачем его вызвали, не кроется ли за этим подвох. Старался не привлекать лишнее внимание, боялся ступить не туда, потому смотрел только себе под ноги.

Теперь же, растирая пальцы, он осмотрел гарнизонный двор.

Строгий квадрат, обнесенный по трем сторонам функциональными постройками. Напротив входа, у северного забора, царил повседневность: длинные деревянные казармы и дымящаяся труба столовой. Правую сторону занимало двухэтажное каменное здание — тренировочный зал и арсенал снизу, а наверху, под черепичной крышей, располагался кабинет капитана. А с левой стороны, где гарнизонная конюшня вплотную прижималась к городским домам, Вальдорф и порядок смыкались, оставляя лишь несколько темных и тесных щелей-проходов.

Ланс отвернулся, отгоняя образы грязной подворотни.

Капитан сидел в своем кабинете, как и в прошлый раз заваленный бумагами. Хотя нет, слева стопка поредела, а справа лежали аккуратно сложенные бумаги — это, видимо, обработанные отчеты.

— Доброе утро, Ланс, — капитан поднялся из-за стола.

— И вам.

Капитан кивком отпустил сержанта и тот удалился, неслышно прикрыв дверь.

— Я ожидал тебя раньше. Хорошо, что сержант нашел тебя так быстро.

— Не понимаю, если честно, — Ланс помотал головой. — Вы вчера отпустили меня, я думал, поручение выполнено.

Глаза капитана расширились. Ланс бы и не подумал, что у того есть еще одно выражение лица.

— Я же четко сказал тебе, что жду на следующий день, на седьмой бой колокола. Сейчас уже половина девятого, но мы успеваем.

Седьмой! Ланс просыпался самое раннее в восемь — так он не спеша умывался и завтракал.

— Видимо, я не озвучил, — скорее себе под нос, пробормотал капитан, но тут же выпрямился. — В любом случае, ты получил оплату в один золотой. Ты решил, что это — за один отчет?

Ланс не знал, что ответить. Ему и правда заплатили уди-

вительно много, да еще и разменом, чтобы не пришлось светить золотом по прилавкам. К щекам и шее прилила краска. И ведь только вчера он мысленно поливал капитана грязью, а тот вовсе не собирался бросать дело об убийстве Сэвора, несмотря на жуткую загруженность.

Ланса наняли на все расследование. Стражников по-прежнему не хватало, а его не сковывал долг и распорядок дежурств. Да и город он знал куда лучше рядового патрульного: ему приходилось бывать с поручениями по всему Восточному району, а иногда заглядывать и в Северный, и в Западный.

— Прошу прощения, капитан.

— Оставь. Для ясности, проговорю — ты нанят до конца расследования. Один золотой — это аванс, еще пять серебряных получишь, когда закончим. Если справишься хорошо, от себя накину еще.

Капитан вернулся за стол и отпил чай из железной, грубо сделанной кружки.

— Следующее задание — разыскать смотрителя склада... — он прервался, глядя на отчет с места убийства, — Двина. Опроси его, запиши и передай бумаги мне.

У Ланса уже был ответ. Признавшись, что успел заподозрить дело закрытым, он рассказал, что действовал самостоятельно. Рассказ смотрителя он помнил отлично и был готов перенести его на бумагу хоть сейчас.

Капитан какое-то время смотрел на него, затем сказал:

— Больше не вздумай действовать в одиночку. Мне потом перед гильдией отчитываться, если из тебя второе тело сделают, — сказал он строго, но не повысил голос. — Всегда докладывай о своих шагах. Пришла в голову идея — расскажи о ней мне или сержанту Иасану.

Он сделал паузу, убеждаясь, что Ланс уяснил сказанное.

— Но мне следует похвалить тебя, — и его тон смягчился. — Твоя инициатива экономит нам время, а его сильно не хватает. Раз уж у нас есть рассказ свидетеля, можно двигаться дальше. Запиши его слова, не упускай детали.

Похвала торговцев была обычным делом — всего-то внимательно записывай, что говорят. А эта, от капитана, отозвалась в груди непривычным теплом.

— Мне нужно прибыть на встречу в Центральный гарнизон, поэтому до полудня меня не будет. Оставь записи на столе. И вечером мы с тобой допросим Герта.

Капитан приготовил чистые листы и перо с чернилами, затем указал на стул. Ланс скривился, глядя на бумагу. Еще хуже, чем в прошлый раз: углы неровные, края осыпались, каждая буква будет расползаться при письме паутинкой.

Капитан уже хотел было уходить, но Ланс остановил его:

— Пока вы здесь, хотел показать это, — сказал он, нащупав в сумке среди монет маленький блестящий предмет, — Смотритель нашел это вчера ночью за складом. Не знаю, что это может быть.

Капитан взял «монетку» большим и указательным паль-

цем, поднес близко к лицу, стараясь рассмотреть обе грани. Никаких явных деталей не было, разве что кромка с утолщением, прямо как у обычной монеты.

— Не видел такого прежде. Но у тебя новая задача. — он вернул находку Лансу и заодно вытащил из внутреннего кармана плаща железный жетон. — И возьми это. Смотри, не теряй — вернешь его мне. Как все запишешь, иди на Набережную улицу. Возле моста есть лавка алхимика. Покажи ему эту... штуку. После — жду в своем кабинете.

— Понял вас, — кивнул Ланс, уже усаживаясь на стул. Мысленно повторив порядок действий, он переспросил, — Алхимик? Почему не ювелир?

— Он талантливый парень — работает не только с пробирками. Еще он вроде историк и изобретатель.

Уже в дверях капитан обернулся:

— Надеюсь, ты не будешь ничего здесь трогать, — его взгляд не оставлял сомнений, что это еще один приказ, — В моем кабинете, кроме отчетов, ты ничего не найдешь. Занимайся своим делом.

И, не дожидаясь ответа, захлопнул дверь.

Тепло в груди дрогнуло, отступив под холодом последних слов.

Ланс провел рукой по лицу и перевел взгляд на бумагу, желтую и комковатую. Сейчас перо выводило не просто показания зрителя — это был его вклад, необходимый и понятный. Необходимый как жетон, отданный в знак доверия.

Понятный как его края — железные и грубо вырезанные, но придававшие жетону узнаваемую овальную форму.

Закрыв за собой дверь, Ланс на ощупь проверил сумку. Жетон и маленький предмет его задания на месте.

Стражники в арсенале на него не смотрели — им было не до вопросов. Сейчас у них едва хватало сил, чтобы, развалившись на скамьях, ждать обеденного часа. Ночные дежурства в середине осени сильно выматывали — холод и тьма на плохо освещенных улицах вытягивали много сил. В объездах Свефнира зазеваешься — замерзнешь насмерть.

Небо затянуло тучами, порывы ветра пронизывали одежду насквозь, словно зима уже ломилась в ворота города. Ланс только надел куртку, но его все равно пробирало до дрожи.

Урчание в животе напомнило о сорванном завтраке. Сержант Иасан нагрянул внезапно — даже умыться не дал. И еще эта поездка верхом. Чего он такой хмурый?

Наверное, сердитый сержант и почти отмороженные руки — это расплата за вчерашние мысли о капитане.

— Архитектор, Равенство усвоено. Больше не буду судить людей поспешно, — бросил Ланс в серое небо.

Углубившись в темный переулок, он замедлил шаг, услышав нарастающий гул впереди. Улицы в этой части города были узкими, зажатыми между стенами домов — даже прилавков не поставить. Рынок и широкий проспект, где обычно кипела жизнь, были в центре района, за рекой.

В первый раз, он увидел недовольную толпу как раз на площади, когда ехал в экипаже. Тогда людей собралось не много. Но капитан уже почти неделю не спит, пытаясь удержать порядок. Значит, такое звучание по всему городу? И в Северном, и в Южном районах тоже?

Узкая улица была наглухо перекрыта сбившейся в кучу толпой. Люди переговаривались, спорили, выкрикивали что-то. Их голоса, ударяясь о каменные стены, сливались в сплошной оглушительный шум. Даже вороны на крышах, будто раздраженные суетой, каркали громче и злее обычного.

Ланс остановился, не доходя до поворота, и прислушался.

— Склад закрыли! — кричал какой-то мужчина, — Весь день на рынке ни хлеба, ни мяса!

Толпа загудела в ответ.

Ланс нахмурился. Территория восточных складов действительно была закрыта вчера — из-за убийства. Однако, торговцы забрали свои грузы к вечеру, да и восточные склады не главные по продовольствию. Там и правда были тележки торговцев мясом и овощами, он сам однажды помогал их туда отвозить. Но десять-пятнадцать прилавков — это даже не половина рынка. Неужели люди верят, что продукты могли закончиться? У пекарей и мясников были свои лавки. Даже если склады и закрыли, на рынке все равно должны были остаться мясо и хлеб.

— Долой совет! Только и думают, как набить свои карма-

ны! Теперь еще и еду прячут! — гневные окрики глухими ударами тонули в стенах.

От этой злости на лицах живот непроизвольно напрягся. Воздуха не хватало.

Ланс начал дышать медленно, глубоко, прислонившись спиной к холодной стене. Ничего, эти люди вовсе не...

Он сосредоточился на сером камне стены напротив и постарался отвлечь себя от криков толпы. Например тем, что для них смерть Сэвора — досадное неудобство. Не самая приятная мысль, но она позволит остаться в переулке. Не упасть.

Прислушиваясь, он пытался понять, до кого люди пытаются докричаться. Он видел протесты и раньше, но всегда на площадях, у гильдий — там жалобы могли дойти до адресатов. А здесь? Глухой квартал на отшибе Восточного района, кроме жилых домов и гарнизона стражи — ничего.

Казалось, весь город гудел от гнева. Не праведного, а слепого и бессмысленного. Нужно было уходить. Сейчас же. Придется сделать крюк, так выйдет быстрее и безопаснее. Ему очень хотелось оказаться как можно дальше.

Алхимическая мастерская, входом смотревшая на реку, была двухэтажным зданием. Тем самым, что Ланс перепутал с аптекой.

Первый этаж был сложен из ровного серого камня, кажущегося теплым даже под облачным небом, второй — дере-

вянный, с потемневшими от времени балками. Большие окна первого этажа, составленные из множества прозрачных стеклянных кусочков, пропускали внутрь много света. В меру дорогое и практичное решение — купить окна из целого стекла мог себе позволить разве что аристократ.

Ланс припомнил цены, которые видел в накладной компании Сьерхолт. Ужасающие цены. Однако, в тот день стекольный мастер заплатил ему три серебряных нумма за прием поставки песка.

Перед дверью, снова поморщившись от нечитаемой вывески, он зашел внутрь.

Дверной колокольчик задорно возвестил о посетителе.

— Одну минуту! — донеслось из подсобной комнаты.

Пока ждал, он решил осмотреться, ведь прошлый визит к Арденскельду Торвальду был кратким.

Лавка пахла смесью трав, металла и теплого дерева. Тяжелые столы и шкафы плотно заполняли помещение, слева от входа на небольшом прилавке лежали баночки с разноцветными порошками и жидкостями, словно приглашая попробовать все на ощупь. В глубине, почти в тени, притаился массивный стол с инструментами: стеклянные бутылочки, сосуды, изогнутые трубки и колбы, на которых собиралась влага.

На полках лежали стопки из небольших тканевых квадратов, рядом — маленькая горелка, песчаная баня и странная, небольшая печь с зубчатым верхом. У нее были массивные ручки — неужели ее можно передвигать?

Среди стекла и блестящего металла Ланс увидел острые матовые камни и зеркала. Забытые в беспорядке журналы, записки и старые книги лежали тут и там.

Каждый предмет казался одновременно знакомым и загадочным — понимания, для чего все это, не было. Лавка дышала спокойной, тихой магией изобретательства.

Наконец, левая дверь открылась и показался владелец. Юноша, слегка горбясь, отряхнул мантию от пыли и каких-то семян. Он шурился, пытаясь разглядеть посетителя. Зайдя за прилавок, он поправил светлые волос, неловко улыбнулся и поприветствовал:

— О! Господин Ланс! Рад видеть.

— Здравствуй. Сегодня я по делу, поэтому снова ничего не куплю.

Алхимик видимо и не ожидал другого, потому не смутился.

— По какому делу? Хотите что-то спросить?

— Меня послал капитан Фарн. Сказал, что ты сможешь помочь вот с этим, — Ланс достал из сумки «монетку».

— А записка или что-нибудь от него есть? — вопрос задавал уже не неуклюжий юноша, а вполне себе матерый торгош.

Растерявшись, Ланс вспомнил про жетон и предъявил его.

Арденскельд кивнул, затем аккуратно взял «монетку» двумя пальцами, поднес к лицу, перестав шуриться.

— Так вы работаете на гарнизон, — задумчиво протянул

он, не отрывая взгляд от находки, — Получается, мы с вами в каком-то смысле коллеги.

Ланс растерялся еще раз. Капитан, оказывается, новатор — привлекает под свое командование самых разных людей. — Как это?

Юноша, наконец, оторвал взгляд от предмета.

— Я тоже на него работаю, — ответил он и положил «монетку» на лоскут белой ткани на столе. Затем быстрым шагом начал собирать инструменты по всей мастерской, — Он помог со съемом этого помещения. Взамен, я помогаю ему в разных делах.

— В разных делах? — переспросил Ланс.

Он не удержался и стал додумывать, но осекся — совсем недавно он зарекся не судить поспешно.

Арденскельд быстрым, отработанным движением взял со стола лупу и пинцет.

— Капитан говорил, что спит мало в последнее время. И я собрал ему целую банку тонизирующих трав. И тому подобное.

— Лекарства для стражников и помощь, как сейчас? — предположил Ланс.

— Что-то вроде того. Можете подойти, покажу как эта штука работает. — Арденскельд встал по другую сторону стола и подозвал его, — Редкая вещица, такие не найдешь на обычной одежде. Если на поверхности будет вода, то...

Пипеткой алхимик опустил каплю воды. Ланс наклонил-

ся, почти уткнувшись подбородком в стол, чтобы рассмотреть. Арденскельд тем временем взял нитку одной рукой и опустил ее конец в каплю на «монетке». Другой рукой он прижал ее край и резко дунул.

И, как по волшебству, нитка прошла в отверстие, которого там не было.

Алхимик, держа нить за оба конца, показал Лансу результат своей работы.

— Ну вот! Это пуговка.

Глава 4. Бремя

Капитан несет ответственность за все. За драку, которую не остановил, за бунт, который не предвидел, за приказ, который не успел отдать. Его долг — быть виноватым.

— Устав городской стражи, раздел «О порядках в час смуты»

Осень в Вальдорфе наступала быстро и жестоко. Ветер с северной гряды Драум-Халь хлестал город нещадными порывами.

Эвальд плотнее закутался в плащ и пришпорил лошадь. Ему предстояло проехать по южному мосту Цитадели. Лошадь занервничала, едва ступив на широкий деревянный мост в гласис. Он сам не удержался и вздрогнул.

С каждым шагом по мосту Стальхогг городской шум затихал за спиной. Впереди были лишь молчание, холод и полная изоляция.

Солнечный свет даже в ясную погоду не грел монолитные черные стены — он лишь скользил по их гладкой неестественной поверхности словно по льду и бесследно тонул в пропасти у подножия.

Цитадель отвергала его.

Мурашки пробежали по рукам и он вдохнул глубже.

Стук копыт отдавался эхом в бездонном провале, который

служил рвом для крепости в центре города. Тульниры возвели это ужасающее сооружение тысячи лет назад. Входов было всего три: на севере, западе и юге, — поэтому капитану пришлось ехать в обход.

Эвальд поднял взгляд к острым зубцам, которые гвардейцы приспособили под башни. Отчего пытались защититься те, кто построил это? Что могло послужить причиной для постройки настолько непроницаемого бастиона? Ответы затерялись во времени. Может, Арденскельд знает?

В детстве он с интересом изучал историю. Задавал вопросы учителю. Но тот лишь давал ответы из учебника: заброшенный город-крепость, переселенцы под знаменем ястреба, облаченного в серебряные доспехи... Сто лет прошло и Вальдорф сильно разросся, привлек новых жителей, готовых мириться с тяготами жизни здесь.

Теперь уже Эвальд и другие стражники стояли на защите города, а не Цитадель, во всех смыслах бросающая тень на простых горожан.

Он пересек арку, вырубленную в черной стене. Мысленный образ древних сооружений сменила реальность — внутренние здания давно перестроили под современные нужды и теперь серый камень и красный кирпич смотрелись на фоне черной стены словно нарастаявший снег на скалах.

Эвальд выехал на широкую улицу, которая вела прямо ко дворцу герцога и собору. Его же путь лежал правее, к гвардейским казармам и Центральному гарнизону стражи. Серд-

це перестало стучать в ушах. Ветер стих — остались только стук копыт и его собственное дыхание.

Он невольно остановил взгляд на двух гвардейцах в патруле. Те лениво переговаривались между собой. Славная служба — от обеда до отбоя.

Спешился и отвел лошадь в конюшню.

Внезапно воздух содрогнулся оглушительным звоном.

Эвальд вышел из-под навеса. Колокольня Доминиума, самая высокая постройка во всем Вальдорфе, сияла ослепительным светом даже в такую погоду. Остроконечный шпиль пронзал облака, а голос серебряного колокола, чьи колебания можно было почувствовать кожей, оповестил город о смене очередного часа.

Десять утра. Целый час капитан провел на спине у лошади. Обычно дорога к Цитадели занимала у него меньше времени. Может, он специально не стал гнать коня? Потому что хотел потратить время, которое он выкроил вчера, на неспешную прогулку. Или, потому что встречи с капитанами, главами Торговой палаты, трижды аристократами и прочими, оставляли его в не самом приятном расположении духа.

Эвальд не стал бы отвечать честно. Главное, не опоздал.

Несколько лошадей уже стояли в стойлах — значит кто-то приехал заранее. Проще, конечно, когда твой район соединен с Цитаделью мостом, без объезда. Восток такой роскошью похвастаться не мог — древние т'улниры почему-то не

стали делать четвертые ворота.

Капитан провел рукой по лицу, глубоко вздохнул и зашел в главное здание.

— Эвальд, — глухо приветствовал мужчину, напоминавший обтесанное полено, одетое в форму. — Минута в минуту, остальные еще собираются.

— И тебе привет, Азмунд, — ответил капитан, снимая свой плащ.

Взгляд как обычно скользнул по шраму от разорванного уха, до... Эвальд никогда не уточнял у Азмунда Стенмара, как далеко по шее спускается призрак его ранения. До плеча? Еще ниже, раз пальцы на левой руке старого капитана иногда резко сжимаются во что-то, напоминающее боль от увечья? Десять лет знакомства, а смелости спросить о службе на заставе Абендор в западной пустыне так и не нашлось.

— Еще не решился? У меня освободилось место для лейтенанта.

— Освободилось? — поднял бровь Эвальд.

— Раберг, — вздохнул Азмунд, не оборачиваясь. — Не смог больше выносить шепот черных стен, попросил уволить.

— Мне тоже здесь не по себе, ты же знаешь, — в который раз озвучил он свой отказ.

Эвальд следовал за ним по лестнице. Они ведь и друзьями не были. Скорее, Азмунд был единственным, кто не вы-

говаривал своего мнения о капитане Восточного гарнизона, каким бы оно ни было. Может, потому что он не спускался в нижний город? Хотя он и не казался человеком, которому есть дело до оскорблений подчиненных. Ветеран... и спаситель в те редкие моменты, когда Восточный гарнизон тонул в неоплаченных счетах и задержках всех возможных поставок. Бывший военный, он считал стражу такой же армией. Просто воевать ей приходилось с нищетой и глупостью.

Они сразу отправились в кабинет капитана. В Центральном гарнизоне мебели стояло больше и она была дороже: скамьи с ткаными сиденьями, больше светильников без копти, — скорее всего, гвардейцы списывают старые вещи, а капитан Стенмар не брезгает. Видимо, на пенсии главное — комфорт.

В бледно-зеленом кабинете стулья уже стояли полукругом.

— Надеюсь, никто не задержится. Чай хочешь?

— Да, пожалуй. Благодарю, — ответил Эвальд, разминая холодные пальцы.

Азмунд позвал стражника и попросил заварить большой чайник на пять кружек:

— Жарко сегодня будет.

— Лишь бы не долго, — сухо заметил Эвальд. — У меня работы по горло.

Через какое-то время дверь распахнулась и в кабинет вошли остальные капитаны. Они не казались особо обеспоко-

енными и никуда не торопились, медленно занимая места. Регинальд зачем-то нацепил на грудь нелепо смотрящиеся на капитанской форме броши, гербы аристократических домов, к которым он не принадлежал. Видимо, в Южном районе у знати принято награждать самых услужливых стражников. Хеймберт, широкоплечий и знаменитый своими усами, занес в кабинет запах дыма, кузниц и красилен. Запах Северного района, полно мастерских и всего, что извергает много дыма и мусора. И Синдриан, позволяющий себе носить не темно-серую форму, а яркий камзол. В дорогой одежде, с начищенными до блеска сапогами, в нем нельзя было распознать капитана, следящего за порядком в западных полях.

Если подумать, людям в их районах было не до бунтов. Беспорядки приходили из жилого — Восточного.

— Всех приветствую и давайте начинать, — Азмунд кратко кивнул коллегам и достал бумаги.

Суровый капитан Северного района дрогнул своими усами:

— Капитан Фарн, уже неделю люди из твоего района чинят беспорядки и громят гончарный квартал. Эти нищие крысы даже покрыть ущерб не могут! Держать их взаперти и кормить хлебом я не собираюсь.

Регинальд, — высокий круглолицый мужчина, напоми-
навший начищенный до блеска медный чайник, — закивал:

— Знать пишет жалобы! Юг в огне!

— Не драматизируй, — хмыкнул Азмунд. — Я читаю до-

несения и знаю, что Эвальд держит дебоширов на границе районов.

— У меня нет лишних нумма, чтобы заплатить твоим ремесленникам, Хеймберт, — ответил Эвальд, стараясь не смотреть на усы, — Заставь их отрабатывать разрушения.

— Не надо меня учить! — прорычал тот, дрожа от ярости.

Еще не говоривший капитан Западного района поднялся и вышел вперед, чтобы заслонить ругающихся друг от друга. Синдриан был спокоен и собран. Его голубые глаза мягко мерцали в свете желтых ламп.

— Господа. Уверен, у вас, как у меня, нет на это времени, — он сделал паузу, в которой никто не начал огрызаться, и продолжил. — На прошлой встрече мы обсуждали этот же вопрос. Почему никакого прогресса?

Капитаны переглянулись.

— Мои стражники на городской стене следят за лесом, чтобы никакая тварь не прошмыгнула в город, — Хеймберт хмуро повел плечом. — Мне некогда разбираться с орудиями толпами.

— Оставшиеся на зиму аристократы недовольны шумом и беготней по вечерам. Мои люди стоят у ворот в их поместья и вмешиваются, если недовольство подходит слишком близко, — отчитался Регинальд, сверкая лысиной. — Если беспорядки не прекратятся, они могут уехать в столицу, и мы останемся без их финансирования.

Эвальд глубоко вздохнул, складывая руки в замок. Каж-

дый из капитанов принял должность, четко осознавая свою задачу. И он со своей не справлялся.

— В Восточном районе ситуация не становится лучше. Люди обсуждают новый закон, требуют снять его с рассмотрения...

— Закон. О контроле. За. Товарооборотом. И таможенной... — капитан Северного гарнизона отбил пальцем каждое слово о стоящий рядом стол, — Еще не вынесен на рассмотрение. Как эти бедняки вообще прознали о его существовании?!

— Это хороший вопрос, Хеймберт, — сказал Азмунд. — Эвальд, продолжай.

— У меня нет ответа. Но я занимаюсь поисками зачинщиков. Толпой наверняка кто-то управляет. Возможно, у вас есть сведения.

Глаза Синдриана сверкнули ледяным блеском. С тонкой как бритва улыбкой он сказал:

— Эвальд, может, тебе и нечего терять, раз уж твой гарнизон самый убогий, но в твоих интересах остановить беспорядки как можно скорее.

Эвальд сжал кулаки. За приятной внешностью и разумными словами всегда скрывался холодный змей, готовый проглотить каждого на своем пути. И сейчас там стоял Эвальд. Армия генерала Роскирна, стоящая палатками в западных полях, нуждалась в ресурсах, а беспорядки на улицах города не помогли капитану на западе ее обслуживать.

У Хеймберта, тем временем, уже дымилась макушка.

Регинальд, похлопав ладонью по своей блестящей лысине, уверенно сказал:

— Взять самых громких и выпороть на видном месте. Вы знаете, я не люблю показательные казни, но в данном случае у нас нет выхода.

— Это запугивание, а не выход, — парировал Эвальд. — Люди боятся голода. Ледяной монарх обещает суровую зиму. Мы должны понять, кто за этим стоит, чтобы решить проблему.

Он обратился к Азмунду:

— На прошлом собрании при тебе были отчеты Продовольственной палаты. Там значилось, что с зерном все в порядке. Что изменилось?

Мужичок-полено передал ему со стола лист бумаги. Эвальд быстро пробежал глазами по таблице с названиями и количеством: достаточно, достаточно... Отчет был заверен печатью.

— Ничего не понимаю, — покачал он головой. — Тогда о каком голоде идет речь?

— Может, раздадим часть запасов протестующим? Это покажет, что город заботится о них, — предложил Регинальд.

— Бездельникам еще и хлеб бесплатно! — взревел капитан Северного гарнизона.

— Тогда, публичные порки.

Эвальд закурил губу, глядя на отчет. Он тоже не думал, что попытка задобрить народ приведет к чему-то хорошему, но и согласиться с жестоким предложением Регинальда не мог, потому ответил твердо:

— Я против. Поднять меч на безоружных, пусть и орущих — это не восстановление порядка, а искра, которая через месяц выжжет весь город.

И повернулся к Азмунду.

— Эвальд, здесь выбор не стоит.

— Азмунд!..

Внутри словно рухнуло что-то, беззвучно, но очень тяжело. Ничем не обоснованная вера в благоразумие того, кто годами защищал покой королевства от безумия пустынных ветров. Не в силах выдержать жестокий взгляд, он отвел свой.

Но тут услышал:

— Я с Эвальдом, — рявкнул Хеймберт. — Мои стражники носят мечи и алебарды для того, чтобы в мастерских горели печи. Твари из леса и без нас достаточно людей покалечили. Придумайте что-то другое.

— Как хочешь, — отмахнулся Регинальд.

В этот момент все повернулись к капитану Западного гарнизона, который еще не высказался: два капитана за публичную порку, два против.

Синдриан не торопился. Он убрал прядь светлых волос за ухо, достал из внутреннего кармана жилета очки, прочитал

отчет и только потом произнес:

— Проблема комплексная — значит, решения должны быть комплексными, — он отчеканил по пунктам, глядя на каждого, — Первое: увеличиваем штрафы за погромы вдесятеро. Буйные головы должны чувствовать последствия не только на спине, но и в кошельке. Второе: я попрошу графа Вельмона надавить на Торговую палату. Если ему удастся сбить цены на хлеб и мясо, недовольных станет меньше. Третье: Азмунд, ты выбьешь нам гвардейцев из Цитадели у Фросгарна — хватит им задницы греть.

План отличный. Эвальд понял по выражениям на лицах, что такое решение устраивает всех.

И в этом была главная мерзость.

Синдриан Ангвис, циник с Запада, всегда находил точку, где сходились интересы. Ни ради справедливости, ни ради порядка — лишь голый расчет. Его предложение было как разменная монета: ты мне, я тебе — все довольны. Кроме тех, кого порвут на эту монету. Увеличение штрафов усмирит буйных. Снижение цен успокоит толпу, но ударит по карманам торговцев. Если получится вытрясти гвардейцев из Цитадели, Эвальд получит свободные руки. И все это — пока он сам остается в тени, прикрываясь «переговорами с генералом», решая проблемы со снабжением и распивая чай с графом.

Как всегда.

Эвальд искренне желал ему добиться своих целей и по-

скорее уехать в столицу.

Регинальд успокоился, Азмунд отвернулся к окну. Слов для него не было. Но были для другого капитана, от которого он никогда не ожидал поддержки.

Эвальд вышел в холод, замерший в черных стенах.

— Хеймберт! Спасибо за...

— Отвали. Без тебя дел навалом, — не оборачиваясь рыкнул усатый капитан, направляясь к конюшне.

Эвальд лишь вздохнул, глядя как он седлает лошадь. Мысль о том, чтобы немедленно вернуться в свой гарнизон была заманчивой, но наивной — капитаны одобрили план и нужно действовать сейчас.

Гвардейцы принадлежали Цитадели — Азмунд не получит их просто так. Придется спорить, доказывать, может... даже унижаться.

Эвальд направился в казармы гвардии. Если застать командующего сейчас, есть шанс уговорить его дать хотя бы несколько человек.

Долго идти не пришлось — все служебные постройки жаллись к глухой восточной стене. Но у гвардейцев был собственный двор для маршей и тренировок, отгороженный от остальной Цитадели.

Сапоги и одежда стражников из его гарнизона всегда были в пыли от долгих патрулей по немощеным улицам. Гвардейцы же, как и их жилище, сверкали порядком и чистотой.

Их белая форма с приталенными фраками, закрывающи-

ми шею до самого подбородка, и штанами, плотно облегающими бедра, вместо красоты подчеркивала завершенность. В отсутствии лишних движений читалась сила, а строгость виднелась в четкой линии плеч и сдержанной геометрии кроя. Но главное — чистота, неоспоримая, отражалась в лицах, холодных, почти спокойных, закрытых тенью от нависающего острого шлема, что отлили из сверкающего серебра.

Шлем, гладкий и легкий, скорее украшение, нежели защита, обезличивал взгляды гвардейцев, делая их одинаково пронзительными и тяжелыми.

И эта форма, сшитая на заказ, в комплекте с белыми кожаными сапогами до колен и украшениями из серебра на плечах, соединенными блестящими цепочками, стоила как полугодовое жалование Эвальда. За один комплект.

Однако, они должны выглядеть как элита, в этом не было несправедливости по отношению к обычным стражникам. Гвардейцы не только патрулировали стены Цитадели, их главными задачами были: охрана герцога и аристократов, проведение церемоний и сопровождение высокопоставленных гостей Вальдорфа. И, помимо красивой формы, они отличались исключительными боевыми качествами, проводя все свободное время в тренировках. Ни в какое сравнение со стражниками, которые выходили с учебы, заучивая устав и едва умея держать меч.

Эвальд на мгновение усомнился в своих намерениях. Сейчас он будет пытаться получить в свое распоряжение часть

самой большой силы города. И Фросгарн точно пошлет его куда подальше. Но, быть может, хранитель Цитадели будет столь же щедр на здравый смысл, как и Хеймберт.

Он распахнул тяжелые дубовые двери и шагнул в теплый, пропахший воском и кожаной мебелью зал. Гвардейцы, занятые своими делами, знали капитана в лицо, потому на второй этаж он поднялся без задержек. Лишь раз, на лестнице, его заставил обернуться пронзительный взгляд голубых глаз девушки-лейтенанта.

— Благодарю вас, командующий, — послышался голос за дверью кабинета.

В коридор вышли двое мужчин, накидывая на плечи плащи из бархата. Эвальд отступил в сторону и слегка склонил голову, уступая дорогу. Один из аристократов бросил на него короткий взгляд, но не удостоил словом.

Только на лестнице, уже спускаясь, они продолжили разговор.

— ...все на своих местах, и мы... — обрывок фразы донесся до Эвальда, когда его рука легла на дверную ручку.

В кабинете перед ним предстал командующий гвардии — человек, от чьих слов сейчас зависел успех утвержденного плана.

Златовласый, гладко выбритый мужчина был венцом всех похвал, которых гвардия когда-либо удостоивалась. Если бы Эвальд выбирал образ для героической саги, то никто другой и в голову бы не пришел. Высокий широкоплечий мужчина

был одет в белоснежную рубашку и тонкий молочный жилет. Он сидел за столом из темного ароматного дерева, сложив перед собой кисти рук. Рядом с ним любой, — от простолюдина до самого герцога, — наверняка почувствовал бы себя уязвимым.

Чистый, оценивающий взгляд его голубых глаз скользнул по капитану.

— Эвальд Фарн. Как всегда без записи. — глубокий бархатный голос был столь же безупречен, как и его внешность, — Какие беды привели тебя?

— Командующий Фросгарн, — поклонился капитан. — Простите за вторжение. Но дело срочное и я позволил себе опустить формальности.

— В таком случае, выкладывай.

Эвальд прочистил горло и поправил воротник. Ему следовало осторожно выбирать слова.

— Беспорядки в городе продолжаются. На совете капитанов мы разработали меры, чтобы уменьшить ущерб. На это потребуется время. Но первопричину это не решит — кто-то подначивает толпу. Зачинщиков следует найти и допросить, чтобы понять что происходит...

— Эвальд, старина Эвальд. — улыбнулся командующий, — Раз вы все обсудили, что нужно от меня?

— Я понимаю, что не должен тревожить вас подобным, — поспешил добавить капитан, — Но у меня не хватает людей. Восточный район самый населенный. В моем гарнизоне

меньше семи десятков стражников. Я прошу вас одолжить часть гвардейцев.

Он напрягся, ожидая ответа.

Командующий пристально смотрел на него, перебирая большими пальцами.

— Уборка улиц — это твоя работа. — заметил Фросгарн. Его улыбка совсем не сочеталась со стальным взглядом, — Ты понимаешь, что такое гвардия? Ты осознаешь, что защита Цитадели — это наивысший приоритет?

— Это крайняя мера, я понимаю, — Эвальд старался не скатываться в оправдательный тон, но получалось плохо, — Я не прошу весь личный состав, достаточно будет двух десятков человек. Всего несколько дней, и я...

— Достаточно. — Фросгарн хлопнул ладонью по столу и поднялся. Его тень накрыла Эвальда, добивая последнюю надежду, — Мои люди не будут...

Его прервал резкий стук в дверь. Не дожидаясь разрешения, молодой стражник ворвался в кабинет, жадно глотая воздух.

— Командующий... простите. Капитан, беда! — стражник согнулся, пытаясь отдышаться, но рукой махал в сторону двери, за которой стоял смущенный гвардеец, явно пытавшийся его остановить, — Восточный гарнизон! Толпа прорвалась во двор!

— Расскажешь по дороге. — Эвальд бросил быстрый кивок в сторону командующего, давая понять, что разговор

окончен, и быстро направился к выходу.

Он уже вышел за дверь, как из кабинета донеслось:

— Стой. Пятнадцать человек на пять дней. Только дневные дежурства.

— Командующий! — выдохнул Эвальд.

— Не обольщайся. Штурм гарнизона — это не протест. Это мятеж. Ситуация хуже, чем ты докладывал, — он подошел к двери, чтобы глядя в глаза произнести, — Мои люди не будут разбираться со всем за тебя. Они будут там для того, чтобы огонь не добрался до моих стен. Считай это страховкой. Дорогой и временной.

Эвальд выбежал из здания.

— Моя лошадь в конюшне в Центральном гарнизоне, поедешь на ней, — бросил капитан, седлая коня стражника.

Треск пламени и крики...

В голове, выгоняя все мысли, горело только одно слово, которое он не хотел слышать и представлять.

Глава 5. Пожар

План — первая жертва столкновения с реальностью. Стражник, не умеющий импровизировать — могильщик порядка, который поклялся защищать.

— Трактат «О природе гражданских волнений»

Прошло всего три часа, как он покинул гарнизон. Три часа, за которые все может повториться.

Эвальд ворвался во двор, и первый же глоток воздуха обжег легкие гарью и воплями. От организованной суеты, которую он оставил утром, не осталось ничего.

Лошадь встала на дыбы, отказываясь заходить дальше. Капитан спрыгнул из седла, перебираясь через завал, обдирая ладони о щепки развороченной телеги. Его стражники, бледные и перемазанные сажей, метались по двору, помогая раненым.

Двери казарм дрожали от гула десятков голосов.

Во дворе у дверей в арсенал Эвальд увидел сержантов. Всего двое. Рафир и Аен отдавали приказы всем, до кого могли докричаться.

Эвальд замер на мгновение, впитывая картину провала. Труды сгорали вместе с его кабинетом, из окна которого валил едкий дым.

— Капитан!

Он обернулся на голос. К нему, переступая через тлеющие обломки, пробирался сержант Иасан. Пыль покрывала его лицо, на шее краснела ссадина, но глаза сохраняли спокойствие и холодную решительность.

— Докладывай. — приказал Эвальд, шагая через двор, не глядя под ноги, — Раненые или убитые?..

Спросил Эвальд, надеясь, и в то же время, не желая слышать ответ.

Рафир не отставал.

— Ранены четверо, остальные отделались ударами палок и камней. Штурм начался час назад. Сначала толпа кричала у ворот. Затем люди начали ломиться в ворота. Мы не пустили их, но они полезли с западной стороны, подожгли конюшню и ворвались во двор. Задержано двадцать два человека. Мы заперли их в казармах. Остальные разбежались.

И это с приказом Эвальда — не обнажать мечи.

Он, не мешкая, указал на пламя.

— Все, кто еще стоит на ногах, пусть тушат огонь. Задержанных разбей на группы, раскидай по камерам. Не поместятся — свяжи и оставь в казармах.

Эвальд направился в столовую. Распахнутые настежь двери открыли картину, от которой дрогнуло сердце. Длинные обеденные столы, за которыми еще утром смеялись и спорили его стражники, теперь походили на лазаретные койки.

Слишком молодые лица. Юноша, сжавшийся от боли, держал окровавленную повязку на животе, другой — уста-

вился в потолок, не реагируя на оклики товарища. Эвальд потряхнул головой, отгоняя тень — напоминание о цене, которую порой приходится платить.

Из кухни выскочила одна из кухарок с охапкой разорванных на полоски простыней. Увидев капитана, она на мгновение застыла.

— Хвала Архитектору, вы вернулись!

— Магда, воды, пожалуйста, — прозвучал его голос. Хрипло, непривычно тихо.

Она понимающе кивнула и отправила служанку на кухню. Эвальд попытался прочистить горло. Не вышло.

— Рафир, отправь человека за алхимиком. Он сейчас ближе всех, кто может помочь раненым.

— Капитан, Арденскельд должен вот-вот прибыть. Я позволил себе предусмотреть это.

Эвальд кивком принял его слова.

Взор сержанта был ясным и твердым. Единственная опора. Сейчас бы десять таких, как он.

Он взял предложенный черпак. Вода стекала по подбородку за ворот рубашки, вызывая желание сбросить мерзкую ткань.

Но он сдержался.

Тепло тела согреет одежду, влага испарится. Нет нужды поддаваться импульсам — он сможет вытерпеть это.

Рафир окликнул его и кивнул в сторону входа. В воротах, окутанная дымом, стояла знакомая фигура.

Ланс шел знакомым переулком, репетируя доклад. Пуговица на нитке была в поясной сумке — интересно, что скажет про нее капитан. Он чаще общается с высокопоставленными людьми и наверняка знает, кто носит одежду с такими хитрыми украшениями.

Он жевал свежую, еще теплую булочку, купленную в пекарне на углу — в этот раз он не пропустил завтрак. Все шло по плану: капитан должен скоро вернуться из Цитадели, расследование продвинется.

Резкий запах гари ударил в нос. Обычное дело, если использовать смолистые дрова. Но дым... дым шел не из дымоходов.

Ланс ускорился, затем побежал и замер на пороге гарнизона, не в силах шагнуть вперед. Перед ним был двор, где за последние дни столько всего произошло.

Теперь пепелище.

Взгляд хватал разрозненные картинки: стражники, не замечая его, метались меж грудями обломков; кто-то тащил ведро с водой, кто-то волок связанного человека.

Из ступора его вытащил знакомый голос. Рафир — воплощение порядка, а сейчас грязный и потрепанный, — обратился к нему еще строже, чем утром:

— Допрос отменен. Капитан передал — ты свободен до завтра.

— Но... я нашел кое-что! — Ланс растерянно начал ко-

патье в сумке, чтобы достать тканевый сверток, — Пуговица, алхимик помог...

В глазах сержанта вспыхнуло раздражение.

— Завтра, — он уже повернулся к двум стражникам, пытавшимся удержать связанного мужчину, выкрикивающего проклятья. — Сейчас не до этого.

Не дожидаясь ответа, Рафир ушел, растворившись в суматохе.

Ланс остался один. Как пуговица в сумке — такая же ненужная сейчас, как и его присутствие.

Если он попытается помочь стражникам, капитан может тут же его уволить. Он ясно дал понять — наемник действует строго согласно приказам. И, если с ним что-то случится, капитану придется держать ответ перед гильдией.

Слушая крики, которые доносились словно из-за завесы, Ланс отступил на шаг. Он и не сможет помочь, скорее будет мешать.

Восстанавливая дыхание, он постарался думать о деле. Какую пользу он мог сейчас принести?

Отвернувшись, Ланс зашагал прочь, не выбирая направление. Холодные порывы освежали лицо, прогоняя кислый запах обгоревшей древесины. Вместе с дымом рассеивалось и его смятение. Как только шум затих, ему на смену пришло понимание. Капитану сейчас не до допроса. Нельзя полагаться на него — сегодня это, а завтра что угодно могло его отвлечь.

Нужно вести свое расследование. Может, проскользнуть в суматохе к камерам и самому задать вопросы? Эта идея отпала, как только голову наполнил образ переполненной темницы. Как в такой обстановке вести допрос? Тогда стоит узнать про Герта побольше. Он чужак, но кто-то из местных должен о нем знать.

Резко развернувшись, Ланс направился к южным кварталам Восточного района. Перейдя через мост, он пересек рынок, не отвлекаясь на зазывал. В голове звучали отдельные голоса знакомых, которые могли бы помочь. Блостан? Он наверняка не в городе. Вельдара? Снова попросит помочь с работой на болотах.

Ланс вошел в гильдейский зал. Кто в последнее время сопровождал обозы с юга? В зале в послеобеденный час было пусто — все разбрелось по заданиям, даже спросить некого.

Так уж некого.

Торгиль с грохотом водружала на стол свой походный ранец. Увидев Ланса, она выпрямилась во весь рост и уперла руки в бока.

— Ланс! — встряхнул тишину ее голос. — И снова как герой — без своего грозного меча! Может, мне вломить тебе сейчас, пока никто не видит? Я ведь обещала.

— Торгиль, пожалуйста, — остановил ее Ланс, подходя ближе, — Мне нужны сведения об одном наемнике — Герте. Он не местный.

Девушка нахмурилась.

— Герт? Не слыхала. Но старина Ульфиг его наверняка знает. Он всех ворон считает.

— Ульфиг? Скажешь, где его найти?

Торгиль почесала подбородок, глядя на свой рюкзак. Лицо девушки немного напряглось, всего на мгновение, но затем она посмотрела Лансу прямо в глаза. Уголки губ поползли вверх, а в глазах заплясали искры.

— Сама отведу. Но обещаю — тебе там не понравится.

Узкие улочки нижнего квартала смыкались над их головами, словно образуя утробу каменного чудовища. И оно дышало на них густым, омерзительно-сладким воздухом, в котором сточные воды смешивались с гнилью. Когда в последний раз в местные отводные желоба заливали солевые растворы? Фасады некогда крепких двухэтажных домов проседали; их окна, давно разбитые, сейчас были закрыты тряпьем и досками.

Ланс, привыкший к шуму рынков и свободе просторных улиц, чувствовал колкие, хищные взгляды из тени, что провожали каждый их с Торгиль шаг. Он хотел поморщиться, но сдержался.

Это было место, куда время не заходило — его сюда выносили вместе с отходами.

Торгиль, не обращая внимания на грязь под ногами, уверенно вела его глубже, в один из дворов-колодцев. Здесь было чуть светлее, но от этого лишь четче проступали детали:

облупившаяся краска, трещины в камнях мостовой. Воздух чище не стал — вонь приглушалась смесью дешевых благовоний и запахом пыли.

Между серыми фасадами ютились несколько поблекших шатров. Под одним гадалка с пустым взглядом раскладывала карты, в другом тщедушный мужчина с опасливыми глазами торговал диковинными безделушками. Ланс пробежал взглядом по прилавку и замер — среди стекляшек и побрякушек лежала пара закупоренных склянок. Жидкость в них светилась бледным зеленым светом... заряженная Распадом.

— Ты меня куда привела?! — прошипел он, хватая Торгиль за рукав.

Та расхохоталась.

— А ты думал, мы на пасеку за медом потопали? Где бы еще тебе стукача нашла?

Торгиль сказала, что они застанут Ульфига в местном заведении, которое с большой натяжкой можно было назвать таверной. Снаружи — облупившаяся штукатурка и перекошенные ставни на окнах.

Чем ближе они подходили, тем медленнее его подруга шла. И перед самым входом, когда разговоры и смех уже слышались изнутри, она остановилась. Взгляд Торгиль словно смотрел не на дверь.

Ланс, не привыкший видеть ее в раздумьях, положил руку ей на плечо.

— Ладно, — коротко выдохнула она, больше себе, чем

ему, — Пошли.

Зайдя внутрь, он даже не сразу поверил в то, что видит — владельца явно не смущало внешнее убожество, раз уж он решил наполнить таверну обилием красок и блеска. Стены были завешаны пестрыми, но выцветшими тканями, а с потолка свисали гирлянды из перьев и сияющих безделиц.

В воздухе плясали запахи дешевого табака и хмеля. В углу, у круга грубо сколоченных столов, шла азартная игра — деньги и ножи вперемешку лежали на столе. Ланс, пятясь, едва не наткнулся на женщину с потухшим взглядом в кричаще-алом платье. Ее улыбка была вымученной и усталой, а духи не могли перебить запах пота и вина. Он резко отвернулся, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Найдя Торгиль взглядом, он поспешил догнать ее. Та не смотрела по сторонам, а направилась сразу к угловому столу. Сидящий за ним потрепанный мужчина с хлипкой бородкой повернулся к ним и его колючий, бесцеремонный взгляд прошел по ней и задержался на Лансе.

— Ульфиг, — голос Торгиль перекрыл шум таверны, — У моего приятеля к тебе вопрос.

Тот медленно отхлебнул из кружки.

— Алая скала, вопросы стоят денег, — протяжно просипел он, — А чужие вопросы — дорого. Что интересует?

— Герт и его напарник Сэвор. Прибыли из столицы. — шагнув вперед, начал Ланс. Он стремительно перебирал мысли, пытаясь подобрать вопрос, — С кем они вели дела?

С кем могли не поладить?

Игроки за соседним столом на мгновение замолчали. Ульфиг отставил кружку, а на его лице медленно расплзлась недобрая улыбка.

— Два вопроса — двойная цена.

— Ой, заткнись, старый хрыч, — фыркнула Торгиль, уперев руку в бок, — Ты мне еще за историю с переправой должен. Считаю, я простила долг. Отвечай.

Ульфиг злобно буркнул что-то себе под нос, но кивнул.

— Ладно. Твои птички... Болтали про дельце одно. Всего одна ночь, говорили, и озолотятся.

— Какое дело? С кем?

— А этого я не знаю, — развел Ульфиг руками, — Но болтали они про одного типа. Грар, кажется. Его в Северном районе ищи, в кузнях. Он сводил их с кем-то. Глядишь, он тебе и про дело расскажет.

Всего одна ночь...

Ланс кивнул Торгиль и они поспешили на выход, подгоняемые пьяными взглядами, от которых хотелось скрыться за дверью.

Таверна осталась позади. Оказавшись на привычных улицах, Ланс остановился, делая глубокий вдох. Липкий воздух нижнего квартала въелся в одежду и сознание. Он провел ладонями по лицу, пытаясь стряхнуть с себя налипшую грязь от увиденного.

Торгиль наблюдала за ним, скрестив руки.

— Ну что, доволен? — спросила она без насмешки, — Вязываешься в какое-то стремное дело. Не похоже на твою обычную работу.

Ланс посмотрел на серое небо над головой.

— Убили человека, Торгиль. И пытаются списать это на драку, чтобы поскорее забыть. Я не могу это так оставить.

— Я еще буду в городе, — вздохнула она. — Может, вообще в Вальдорфе перезимую.

Ланс не удержал улыбку.

— Если со мной что-нибудь случится, ты как всегда первая об этом узнаешь.

Торгиль хмыкнула в ответ.

Колокол Доминиума сокрушительным звоном огласил наступление вечера.

Ланс расстался с Торгиль в суете складываемых палаток. Редкие уличные торговцы загружали товары в телеги, чтобы укатить их на склад. В место, с которого все началось.

Поход в нижний квартал отнял кучу времени — добраться до Северного района он уже не успевал. А там ведь немало людей.

Значит, можно отдохнуть и заняться своими делами. Прежде всего — согреться. Вернуться на постоянный двор и надеть, наконец, теплую куртку. И еще помыться, потому что стряхнуть с себя увиденное — не значило избавиться от запаха табака и перегара.

Он не испытывал отвращения к этим людям, понимая, что

ему повезло пойти в школу в детстве. Эти знания кормили и одевали его. Но разве потребность в минимальной чистоте не была в природе у каждого? Вид кошмара нижнего квартала не укладывался в голове — вода в общественных фонтанах все еще была бесплатной. Крыши можно подлатать, одежду постирать, но сбрасывать отходы туда, где живешь...

Улицы центральных кварталов убирали по утрам, люди здесь могли слышать пение города и не задыхаться от смрада, чтобы каждый день, солнечный или тусклый, заполнялся хором из отдельных голосов, честных и усердных или хитрых и жестоких, на усмотрение совести поющего.

Навстречу шли уставшие рабочие, они бросались шутками, кто-то шел в общественную баню, кто-то из нее. В маленьких окошках загорался желтый свет. Там, внутри, стуком тарелок предстоящего ужина, детским смехом и ворчанием родителей, начинала звучать мелодия дома.

Нельзя ее подслушивать, задерживать взгляд на нечетких силуэтах в мутном стекле. Это кража.

Ланс может спеть свою песню. Она будет звучать для человека, которого он не знал, лишь видел его одинокое холодное тело. Никто не услышит эту песню. Но маленькая вера в то, что Гармония внимает каждому, Равенство форм сравнивает не только поступки живых, а Архитектор создал структуру, которая допускает вспышки тихого милосердия, давала силы посещать такие места, как нижний квартал, позволяла отвести взгляд от чужого теплого очага. Помогала подбирать

слова для своей песни. Может, она позволит его голосу не только проводить Сэвора, но и пойти дальше, за дверь, что останется навсегда закрытой.

Ланс вздрогнул от холодного ветра. Таз с горячей водой манил, но перед закрытием лавок нужно было сделать еще кое-что. Ведь ему не хватало одного, чтобы быть полноправным следователем — помимо, разумеется, офицерского статуса, — тетради и письменного инструмента.

Эвальд вздохнул. Понадобится несколько дней, чтобы полностью восстановить гарнизон. Лишние хлопоты. Их можно было избежать, дай он разрешение пускать в ход клинки. Однако, убитый горожанин, случайно или намеренно — это не решение, а отсрочка пожара. И тогда он станет лишь жарче.

Главное, что все стражники остались живы. Отстроиться можно заново.

Капитан прислонился к стене и посмотрел на двор. В темноте обугленные доски и телега, несмотря на желтый свет фонарей, были чернее неба. А дождь так и не начался. Он бы помог затушить остатки огня, но, увы, всю работу сделали стражники.

Он отметил в голове, что небольшой пир в ближайшие дни — необходимый пункт расходов.

Патрули возвращались с дневных дежурств, людей в гарнизоне прибывало. Кроме того, пришлось закрыть на ночь

Восточные городские ворота — дозорные со стены были нужнее здесь. А объяснительная, считай, уже сама себя написала.

Самое время разобраться с задержанными, чтобы его стражники могли, наконец, отдохнуть в казармах в своих койках.

Эвальд вернулся в столовую. Магда, даже помогая раненым, умудрилась приготовить ужин ровно в срок. Двое ее сыновей служили под его началом. Но ее забота распространялась на каждого: здесь научит штопать порванную тунику, тут подскажет, как вывести пятно со штанов, там посоветует, какой подарок выбрать нареченной.

И пусть Синдриан обзывал его гарнизон мусорным, а командующий гвардии в грош не ставил старания стражников, — рядом были люди, на которых можно было положиться.

— Капитан, — обратилась Магда, сразу указывая на его порцию на столе, — Поешьте.

— Спасибо. Я только...

Ее взгляд заставил Эвальда замолчать. Он кивнул и пошел к столу, за которым Арденскельд возился с какой-то жестяной банкой.

Каша на мясном бульоне с каждой ложкой начала возвращать телу тепло. Запивая еду кислым ягодным отваром, Эвальд повернулся к Арденскельду. Тот примчался пару часов назад с большой заплечной сумкой и сразу взялся за раненых. То, что никто не погиб, было, по большей части, его

заслугой. А сейчас он пил тонизирующий чай, который удалось спасти из кабинета.

— Капитан, я промыл, обработал и перевязал раны, — начал Арденскельд, одной рукой придерживая падающую со скамьи сумку, — Некоторым нужно их зашивать. Мои снадобья не позволят ранам воспалиться. Но вы же понимаете, я не лекарь.

— За ним уже послали — от Южного района добираться не близко, — ответил Эвальд, но не мог не спросить, — У тебя разве нет зелья, которое поднимет их на ноги?

Взгляд исподлобья сказал все за Арденскельда, но он все же проворчал:

— Таких зелий у меня нет. И, кстати, не только у меня, — он отхлебнул из кружки, — Корректоры могли бы... В общем, я не по этой части.

Эвальд кивнул.

Алхимик хлопнул его по плечу, одним глотком допил чай и вышел во двор.

Эвальд решил дать себе минуту на улице. Вдохнул свежий холодный воздух, а после поднялся к тому, что осталось от его кабинета.

Какой-то бунтовщик швырнул в окно горящую палку и она попала точно на его стол. Сгорели все отчеты, списки должников штрафов. Больше всего было жаль графики патрулей и расписания, которые так тщательно прорабатывал Рафир.

Он перевел взгляд в угол и усмехнулся. Архитектор справедлив — обратились в пепел проклятые архивы, которые другие капитаны за ненадобностью скинули на него. Они занимали половину кабинета. Эти бумаги не были достаточно ценными, чтобы отправиться в Цитадель, однако, и не были мусором, который он мог бы самостоятельно пустить на растопку.

В дверной косяк постучал Рафир, настороженно глядя в коридор.

— Капитан, к вам посетитель, гвар...

— Благодарю, сержант. Я в состоянии представиться.

В дверях появилась женщина в полном гвардейском облачении. Серебряный шлем делал ее похожей на хищную птицу в белой форме, а взгляд голубых глаз из-под его блестящего козырька был столь же пронзительным и безразличным.

— Я лейтенант гвардии Арвис Лорик, — прозвучал ее звонкий, идеально поставленный голос на руинах кабинета, — Командир отряда, который выделил команду Фросгарн для помощи вашим уличным стражникам.

Капитан не знал, как отреагировать на ее слова. Ему до сих пор не верилось, что команду отдал ему, пусть и временно, полтора десятка человек, одна из которых лейтенант. С другой стороны...

— Но ведь ночь на дворе, — вырвалось у Эвальда, и он тут же мысленно отругал себя.

Лейтенант сузила глаза и процедила:

— Долг стражника не знает времени суток.

— Это верно, — Эвальд протянул ей руку, не обращая внимание на тон, — Я рад приветствовать вас и ваш отряд в Восточном гарнизоне.

Она сняла белую перчатку и ответила на рукопожатие. Ее хватка была холодной и твердой как стальной жгут, а мозолистая ладонь ясно давала понять, что она не просто парадная кукла.

— Отряд прибудет завтра. Я здесь одна, чтобы навести порядок, — она сняла шлем, но светлые локоны не заструились по плечам. Они остались в идеально гладком, тугом пучке, без единой выбившейся прядки, — Как только узнала о бунте, тут же оседлала лошадь.

Рядом с запыленным и потным Рафиром она казалась сделанной из другого материала — гладкого, почти ледяного. Но Эвальд знал, что эта внешняя легкость стоит дорого. И дело не только в нумма.

Алхимики изготавливали уходовые снадобья для благородных дам. Чтобы получить такие, одних денег было недостаточно — ингредиенты и работа мастера, и без того дорогие, составляли лишь малую часть стоимости. Главной ценностью был доступ, закрытый для всех, кроме рожденных в нужных семьях.

Не просто лейтенант гвардии, а женщина с фамилией Лорик, примчалась среди ночи в самый, по словам ее начальника, ничтожный гарнизон наводить порядок?

Рафир пришел ему на выручку, отвечая ледяным тоном на ее высокомерие.

— Лейтенант, стражники справились с бунтом. Задержано двадцать два человека. Пожар потушен, — это была заслуга сержанта. И, Эвальд знал, он не терпел сомнений в своей компетентности, — Проблема устранена.

— А ты будешь?.. — бросила она через плечо.

— Сержант Рафир Иасан. Я был на месте в момент, когда толпа штурмовала гарнизон.

Эвальд понял, к чему клонит лейтенант, и решил оборвать полунамеки.

— Благодарю, сержант. Можешь идти.

Рафир кивнул и, не отрывая взгляд от гвардейца, вышел из кабинета.

— Вы, если хотите, можете выпить чай в нашей столовой, — продолжил капитан, — А меня еще ждут допросы задержанных.

Лейтенант Лорик застыла в недоумении, устремив взгляд куда-то в кучу пепла.

Глядя на нее, Эвальд не мог поверить, что его работу оценивают настолько низко. Неужели она и правда рассчитывала застать бедлам и паникующих стражников, врываясь на скакуне в самую гущу, и заставить нападающих сдаться?

Она точно не станет пить предложенное Эвальдом варево для простолюдинов, которое он называет чаем.

Но ответ смутил его больше, чем ее саму — отчет Рафира.

— Вы наверняка устали, — вдруг сказала она, смягчив голос, — Я могу сама допросить людей. Что вы хотите узнать — про цели поджогов и имена зачинщиков?

Отходя от очередной сегодняшней неожиданности, Эвальд, не веря что говорит это, произнес:

— Давайте поступим вот как...

Капитан остановился перед входом в подвал.

Бунтовщиков упаковали по камерам, освобождая постели в казармах для еле стоявших на ногах стражников. Дело за малым — выяснить, кто стоит за этим и почему нападение было совершено именно на гарнизон.

Ржавый скрежет замка, прежде оглушавший подвал раздражающим звуком, сменился тонким писком. Поворот ключа оповестил задержанных о посетителе.

Эвальд спустился по каменным ступеням и оглядел лица за старыми железными решетками. И куда делась вся ярость? Тихие, испуганные мужчины и женщины жались к друг другу, стараясь согреться. Он так старался не ограничивать их свободу, сдерживая лишь совсем агрессивные порывы. И получил взамен сгоревший гарнизон и покалеченных стражников.

Знакомые лица, но теперь грязные и побитые, смотрели на него по ту сторону прутьев. Кузнечный подмастерье Стенир, который чинил стражникам доспехи; Арноль, ночевавший в этих самых камерах почти каждый праздник за дебош; Улла,

которой Магда помогала принимать роды.

Такую благодарность они решили проявить за то, что его стражники пытались сохранить — спокойствие на улицах и благополучие района, толкающего себя в бездну под стенами Цитадели.

Он глубоко вздохнул, стараясь совладать с мыслями.

— Кто стоит за всем этим? — его строгий ровный голос погасил остатки перешептываний, — Назовите имена, заплатите штрафы и можете идти.

— Капитан Фарн! — трясущаяся рука тянулась к нему через решетку, — Простите! Вы же нас знаете, мы бы никогда...

Стенир вдруг понял, что извиняться уже поздно, и замолк. Улла решила подхватить:

— Капитан! Цены на еду растут. Вы же знаете моего сына, я должна его чем-то кормить.

Глаз Эвальда дернулся.

Он слишком местный, слишком свой — уличный стражник, обычный человек, который не раз прощал им мелкие хулиганства. С ним можно давить на жалость, врать и ничего не говорить.

Дверь в подвал снова заскрежетала, являя бунтовщикам образ, увидеть который вблизи они не могли никогда.

Как раз вовремя.

Лейтенант Лорик беззвучным шагом спустилась в коридор подвала. Тусклый свет масляных ламп отразился от се-

ребра на ее одежде закатным солнцем в озерной воде.

— Ну что, герои, наигрались в осаду? Думали, нападение на гарнизон — это как... стены соседу грязью заляпать? Шумно, весело, а на утро все забудется?

Так бы любой отчитывал неразумного ребенка за шалость. Но из уст гвардейца Цитадели слова звучали приговором.

Люди отпрянули вглубь камер, пытаясь спрятаться в холодной темноте. От резкого движения ржавчина осыпалась. Где-то среди этих хлопьев затерялась маленькая часть, которую Эвальд обронил, затеяв этот фарс.

— Лейтенант Лорик, — пояснил капитан, — Мы в том моменте, когда они должны решить: сдавать зачинщика или принять удар на себя.

Но напуганные горожане и не думали никого сдавать. Страх перед гвардейцем отнял напрочь способность говорить.

Лейтенант сняла шлем, взяв его под локоть, и подошла к решеткам ближе.

— Может, вы плохо представляете себе альтернативу признанию? Вы не отсидитесь в темнице Цитадели. О нет, — казалось от ее слов задрожали огоньки в светильниках, — Я лично запишу каждого из вас как буйных нарушителей и отправлю на горную заставу Хрида-Пикур. Вы знаете сказки про горы Драум-Халь? Так вот, это не сказки — это донесения из этой крепости. Те, кто выживут там, навеки получают клеймо на шее. И вас больше ни один кузнец не возьмет в

подмастерье, ни один лавочник не продаст хлеб в долг.

Это был финальный аккорд плана, который родился в пустом кабинете. Никто бы не сознался, что получает деньги за устраиваемые беспорядки. Штрафы были мизерными: орешь и бунтуешь, получаешь деньги, небольшую часть отдаешь страже, чтобы отпустили. И по новой.

Но если загнать страх прямо в глотку, дело сдвинется.

— Это все Илзин, — донеслось из камеры, — Он у трактира рядом с рынком раздает серебро.

Эвальд почти удивился мгновенному признанию, но со владом с выражением лица — допрашивай его сама Арвис Лорик, он бы, вероятно, сам выложил все, что знает. Было бы, что выкладывать...

Выйдя на воздух, капитан повернулся к ней.

— Горная застава Хрида-Пикур? Не слишком опрометчиво раскрывать такое обычным людям? Я первый раз о ней услышал.

— И больше не услышите, — в уголках ее глаз морщинки проявились отчетливее, — Кто будет строить крепость в Обители забытых снов?

Эвальд мгновение впитывал эти слова. И из него вырвался смех. Первый за эту неделю — истерический и горький, но лишенный всякой фальши.

Глава 6. Подражание

Истинная тень не имеет очертаний. Не оставляй следов в дорожной пыли, не отвечай на зов из толпы — и тогда ты обретишь право видеть, оставаясь невидимым.

— Трактат «О природе лжи»

Звон, что вошел через приоткрытое окно, застал его уже сидящим на своей кровати.

Восемь ударов.

Ланс потер босые ступни друг о друга — древесина пола остыла слишком быстро. Но ясности в свежем воздухе оказалось больше, чем во сне.

Он посмотрел на тетрадь на столе у окна, которую вчера купил. Срез ее страниц был ровным и белым. Тетрадь почти светилась в лучах утреннего солнца. Слишком ярко. И довольно дорого, как и все в лавке, куда он забрел после нижнего квартала. У торговца к тому моменту уже закончилась обычная бумага, иначе Ланс сшил бы тетрадь из серых листов — дешевле и для записей бы сгодилась.

Арденскельд, вероятно, скинул бы пару монет на один из своих журналов. Нет. Начинать знакомство с подачек — не лучшая затея.

Одевшись, он спустился вниз в пустой общий зал. Хозяйка суетилась за стойкой, подготавливая деревянные тарелки

и кружки.

— Ланс, проснулся уже? — бросила она через плечо, слышав шаги.

— Да, тетушка. Покормите меня?

Она с улыбкой достала из-под стойки уже приготовленный завтрак. Почему-то сегодня она решила добавить к жареным яйцам рубленую зелень. Совсем немного, но аромат от горячей еды — теплый и свежий, слегка колючий и пряный, — урчанием отозвался в животе.

— Чем сегодня займешься? — наконец закончив с посудой и накинув полотенце на плечо, сказала она, — Вердар заходил. Просил передать, что через пару дней ему помощь твоя потребуется.

Ланс отпил из кружки — чай мягким теплом разлился по телу. Пережевывая еду, он прикинул сколько времени уйдет на работу в Западном районе. У Вердара большое поле — мешки с овощами из его грядок не поместятся на одну страницу.

— Тетушка, если заглянет еще, скажите, чтобы оставил заявку в гильдии. Постараюсь заглянуть к нему на неделе.

Она кивнула и вышла в зал протирать столы.

— Зима будет долгой, — сказала хозяйка. — А еще Глатарис даже не наступил!

— Справимся.

Закончив с едой, он поднялся и отнес тарелку на кухню.

— Забыла совсем, — уже на лестнице его окликнула те-

тушка и подошла к стойке. В ее руках появился конверт, а в груди у Ланса сжалось. — Заходила какая-то важная дама, вся в золотых цацках.

— Угу, — выдавил он из себя, протягивая руку.

Тетушка отдала конверт, запечатанный темно-синим сургучом. На этом тоже красовался оттиск рассветного горизонта.

— Искала она кого-то, я так и не поняла. Спроси в гильдии, может там...

— Обязательно спрошу, — широко улыбнувшись, перебил Ланс и побежал наверх.

Вернувшись в комнату, Ланс закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Прикрыв глаза, он несколько раз глубоко вдохнул, затем опустил взгляд на конверт — его даже не нужно открывать, поскольку содержание всегда совпадало с предыдущим. Уже год эти... не то требования, не то предупреждения находили его в торговых лавках, через руки наемников в гильдии или попросту валялись в дорожной пыли.

Ланс смял бумагу и швырнул в стену. Белый комок упрямо отскочил обратно к ногам.

— Раньше нужно было их слать, — угрюмо пробормотал он и начал готовиться.

Положил в поясную сумку новую тетрадь и пару графитовых стержней. Кошель при движении едва звякнул монетами. От аванса капитана остались четыре медных нумма — на обед хватит. Идти в гильдию за сбережениями — толь-

ко время терять. Отсюда Северный район был не близко и на поиски кузни Грара может уйти весь день. Лучше отправляться сейчас.

Ланс оставил за спиной постоянный двор, шагая в солнечное утро. Он выбрал путь через центр города вдоль рва Цитадели. Глухие стены домов, стоявших над пропастью, скрывали черный массив крепости, оставляя лишь ощущение ее давящей близости.

Город постепенно просыпался. Ставни пекарен были открыты, в печах уже горел огонь, и в воздухе гулял аромат свежего хлеба. Телеги забирали из переулков то, что оставила после себя ночь. Люди, еще сонные, медленным шагом присоединялись к Лансу: рабочие и подмастерья скрипели кожаными фартуками в руках, а щипцы и молоты на их поясах тихо позвякивали в такт шагам.

Ланс прикинул, насколько он сможет слиться с толпой. В старых шерстяных штанах и куртке из дубленой кожи с затертой подкладкой он слегка выделялся на фоне серо-коричневого полотна, измазанного угольной пылью.

Ладони вспотели. Он не посещал Северный район в одиночку, всегда с заказчиком, который забирал его из заранее установленного места, часто тихого и не самого людного. Но, может, сегодня обойдется без приступов? Рано утром на дымных улицах не должно бытьлюдно. К тому же, пусть стражники Северного района и отличаются от людей капитана Фарна, ремесленные кварталы не были закрыты на вход.

Он сочинил небольшую ложь на случай, если подозрения воплотятся в навязчивые вопросы. И, проговаривая эту ложь про себя, он чувствовал как совесть тонкими иглами колет его бок — узнай Торгиль, сколько раз меч мог оказаться на его поясе, она бы намертво пришила ножны к его штанам.

Шагая в сторону квартала с немощеными улицами, он еще за рекой услышал первые удары молотков о железо и гулкие голоса мастеров. Но прежде них, ему навстречу вышел запах, густой и плотный, что сопровождает каждое ремесло: дым смешивался с вонью растворов из красилен; древесная пыль плясала в смолянистом аромате распиленных досок.

Он шел среди одноэтажных мастерских с глиняными побеленными стенами, читая вывески и оценивая прилавки, блестящие от железных изделий. В проходах было свободно — торговля еще не началась. Только стражники мелькали за поворотами, слепящими солнечными бликами на доспехах: в руках алебарды, за спинами — арбалеты. Из-за них Ланс вчера решил отложить поход в этот район до утра.

Северные ворота были входом для телег с рудой и углем, что добывали рядом с подгорным лесом. Их не закрывали даже ночью, несмотря на животных, что могли проникнуть в город.

И, по рассказам мастеров, с которыми Ланс работал — они проникали.

От безобидных лисиц до стрелохвостов и квеллиров. И если первые искали кур и кроликов, то вторые и третьи вполне

могли наброситься на жителя, забывшего запереть на ночь дверь. Стражники, под руководством капитана Хеймберта, арбалетными болтами реагировали на любое шевеление во тьме.

Взгляды из-под стальных шлемов не просто осматривали улицы — они искали. Искали черные шерстяные хвосты, из которых торчали костяные иглы. Искали блеск синих перьев на серой черепице. Искали шныряющих бездельников, которые забредали, чтобы воровать.

Патрули стражников то и дело останавливались, чтобы оценить Ланса. А он тут же заводил разговор с ближайшим ремесленником.

Был ли в этом смысл? Ланс выглядел опрятно, ни один стражник не мог опознать в нем преступника. Однако, они могли узнать другое лицо. И сейчас, уворачиваясь от прямого взгляда бородатого стражника, Ланс прятался в тени кузни и надеялся, осознавая ничтожную тому вероятность, что отец не связался с капитанами для его поисков. Хотя... может, и не связался. Капитан Фарн же не сказал ничего по этому поводу.

Он вздохнул и продолжил расспросы. Все ответы про Гра-ра сводились к кивкам в неопределенных направлениях и указаниям на соседний квартал, любой — гончарный, пла-вильный. Выбирай, что хочешь.

Мастерских было великое множество: больше, чем жилых домов, и достаточно, чтобы город ни в чем не нуждался. Вла-

дельцы лавок и рабочие могли назвать время прибытия сырья, вплоть до минут, но не знали имен, кроме тех, чьи руки касались их заказов.

Ланс провел рукой по волосам. Кожа между пальцами стала серой от угольной пыли. Больше двух часов поисков и ничего. Урчание в животе тихо напомнило, что четыре монеты по-прежнему лежали в сумке, но он не мог представить во рту еду сейчас, в едком пару, что поднимался над банями красилена.

Ему нужна была передышка от бесполезных расспросов и дыма.

В конце переулка высились наглухо закрытые ворота, а проход к ним преграждали ящики и мешки. Здесь, на самом краю квартала, где дышалось легче, Ланс расстегнул куртку и потряс край туники, вздрагивая от прохлады.

Ульфиг назвал только имя — кузнец Грар. Как же его найти?.. Стражники могли бы подсказать, но Ланс отказывался от этой идеи каждый раз, поскольку суровые взгляды обещали скорее вопросы, чем ответы.

Мысль воплотилась быстрее его решения — чья-то рука схватила за плечо и резко развернула.

— Со мной пойдешь, — приказал стражник.

— За что? Я только отдохнуть присел!

Но хватка на плече не ослабла, пальцы лишь впились сильнее, таща за собой.

— К этим воротам нельзя, — стражник, не оглядываясь,

вытолкнул его из переулка, — Шагай.

— Но я ничего не сделал! — голос дрогнул, — Я искал своего кузнеца. Заблудился.

Ответа не последовало. Стражник лишь стукнул алебардой по земле и махнул головой в сторону гарнизона.

Он сидел на склоне, опустив пальцы в прохладную траву. Деревья перед ним плотным строем качались в такт ветру и в зелени их крон, под тенью, не было ни искр от тайн, ни всполохов тревог.

Его взгляд опустился на стопку перевязанных бумаг. Он знал, что они сгорели вместе с кабинетом, но желтые листы все равно были рядом, в траве. Только слов не разобрать.

Он откинул голову назад и закрыл глаза, впитывая солнечный свет. Лучи теплом коснулись век. Ветер шевельнул траву, прошелся по серебристым волосам.

Легкое прикосновение к плечу и голос донеслись эхом, но он не отозвался.

— Капитан, — прикосновение стало усилием, — Отряд уже в гарнизоне.

Эвальд открыл глаза и в это мгновение ветвистая тень, склонившаяся над ним, еще не стала человеком. Затем свет прорезался из окна казарм и тень обрела черты.

— Капитан, поднимайтесь.

Рафир в форме, но еще без доспеха, сдерживал зевок.

Пора начинать новый день.

Пальцы, еще помнившие прохладу травы, теперь сгребали золу с пола.

Эвальд провел тыльной стороной ладони по брови. Разбор обугленных последствий бунта обещал затянуться — за окном телега уже не вмещала обгоревший мусор. Даже стул, что делил с ним работу от самого назначения, пришлось выбросить.

Но мысли были не о закупке мебели. Лейтенант Лорик привела отряд еще до первого выхода утренних патрулей. Его стражников разбудил не колокол, а отблески серебряных украшений на гвардейской форме.

И сейчас в кабинете капитан дергал глазом от каждого блика.

Гвардейцы заполнили офицерскую пустоту Восточного гарнизона как вода, утоляя жажду. Только вода оказалась ледяной и от каждого глотка сводило зубы. Они отдавали приказы стражникам без резких слов — приказы били четко по нужным задачам. Но это были слова устава, непреложной дисциплины. Они выстраивали безупречный порядок, в котором не находилось места ни для усталости после ночного патруля, ни для обещанного выходного.

Ставя последнее ведро с пеплом за дверь, Эвальд увидел, как по лестнице к нему поднимаются двое. Лейтенант своей сдержанной улыбкой и высоко поднятой головой отбрасыва-

ла длинную тень — Рафир шел в двух шагах позади.

— Капитан Фарн. Смотрю, вы почти закончили, — огляделась в пустой комнате лейтенант, — Я могу поделиться с вами письменным столом.

Он нахмурился, но тут же выровнял лицо.

— Вы и ваш отряд уже делаете все необходимое, — ответил капитан, — Это больше, чем я мог просить.

Лейтенант подошла к окну, глядя на двор.

— Стол прибудет завтра, я уже отдала приказ. Вероятно, придется расширить дверной проем, чтобы его здесь поставить.

Он посмотрел на ее спину. Можно снести всю стену, отделяющую их от коридора, чего уж. Никто в кабинете не вел частных разговоров.

Вслух же спросил:

— Вы что-то хотели, лейтенант?

Она отвернулась от окна и раскрытой ладонью обвела кабинет.

— Вы убираетесь сами, когда могли поручить это своим стражникам. Разве не следует собрать людей для задержания подстрекателя?

Эвальд отряхнул руки и показал их лейтенанту. Грязь и пепел крепко сидели на коже.

— Я пойду сам, это подготовка маскировки.

— Капитан, почему вы! — подался вперед Рафир. — Поручите задержание мне.

Лейтенант кивала каждому слову.

— Сержант прав. Нас двоих хватит, чтобы схватить Ил-зина.

Эвальд и Рафир одновременно повернулись к ней, проверяя услышали ли верно. Затем капитан, подбирая с пола мысли, начал:

— Рафир, ты не подходишь — твое лицо хорошо знают. А вы, лейтенант Лорик, — он выразительно осмотрел ее форму, — Привлечете лишнее внимание.

Рафир опустил глаза и отступил. Но не лейтенант:

— С чего вы взяли, что я пойду в этом? Он спрячется, как только увидит гвардейца. Где у вас лежат платья служанок?

— Но дело ведь не только в платье! — воззвал Эвальд. — Ваша осанка, лицо — даже в мешке вы не будете похожи на простолюдинку.

Лейтенант Лорик поймала глазами рассеянный солнечный свет и обратила его в острое сияние.

— Я здесь для помощи, — резко ответила она. — Фросгарн разрешил мне делать все необходимое. Миссия по задержанию — необходима.

Эвальд только вздохнул. Он слегка хлопнул по плечу Рафира и направился к выходу.

Уже в столовой, когда Магда осматривала Арвис, чтобы подобрать одежду по размеру, лейтенант спросила:

— Капитан, где остальные офицеры? За все утро я не ви-

дела никого, кроме сержантов Иасана и Ревиса.

— Это все, — не глядя ответил Эвальд, надевая поверх туники потрепанный коричневый плащ. — Стражников выше рядового забирают либо в Северный, либо в Западный гарнизоны.

Он вздохнул, вспоминая. Когда явились за оставшимися двумя, пришлось написать не одно обращение. Хоть Азмунд выручил в то время. А в глазах остальных — Восточному району хватало одного рта, раздающего приказы.

Лейтенант промолчала.

Магда, тем временем, вынесла шерстяной платок и платье, с ткани которого уже не выстирывались следы готовки.

— Еще нужно подумать, что надеть вам на ноги, — покачала головой женщина и снова ушла в подсобку.

Лейтенант взяла в руки одежду и ушла за ней.

Эвальд, меняя свои сапоги на старые потертые, повторил слова, полученные при допросе.

«Илзин раздает серебро... За трактиром у рынка».

Рафир много раз был на рынке, как он мог не заметить скопление людей? Скорее, как люди могли не заметить Рафира...

Мысли прервал шорох ткани и стук каблуков.

Эвальд повернулся к подсобке и убедился, что был прав, ведь лейтенант в простой одежде была заметнее, чем в своей форме.

— Я сделала все, что могла, — слышалось из-за спины

Арвис. — Платье старое и больше на размер. Платок мог закрыть ее плечи и спину, но, как видите...

Арвис отреагировала на ее слова, сгорбившись и опустив голову.

— Лучше? Может есть что-то небольшое, но тяжелое? С весом я буду горбиться хоть весь день.

— Могу дать сумку, — кивнула Магда. — Положите в нее пару камней.

Эвальд встал со скамьи, прикидывая их шансы. Он мог сойти за наемника — среди охотников и телохранителей было достаточно людей его комплекции. Старая бесцветная одежда, как он надеялся, обезличивала и его.

Оглядывая лейтенанта, он поджал губы — серебро останется драгоценным металлом, даже если обмотать его старой тряпкой.

Завершив подготовку спрятанным под одежду оружием, капитан и лейтенант вышли на улицы. На дорогу до рынка и поиски Илзина Эвальд закладывал пару часов. Если поганец не раскусит их издалека, у них есть шанс схватить его.

Перед мостом он посмотрел направо — на Набережной улице как обычно не было никого. Нужно будет проведать Арденскельда. Он наверняка забывает поесть, раскалывая долотом свои «потрясающие образцы».

— Заметили что-то, капитан? — уточнила лейтенант.

Он покачал головой.

— Нет, просто задумался. Рынок дальше.

Они оставили реку позади и нырнули в суету торговли. У первого же лотка до его уха донесся разговор.

— Слышал? Гвардейцев видели утром. Говорят, блестяли так, что в глазах рябило, — кивнул мужчина у прилавка.

— Вчера пожар в гарнизоне был, — проворчал продавец.

— Да! Стражники, небось, напились.

— Я слышал, что сборище было, — продавец наклонился ближе к собеседнику, но голос не понизил. — Ну, те, что про склады и налоги кричат. Они подпалили.

— Теперь Фарна вышвырнут. Он бездарь, но как на Севере я не хочу, — покачал головой мужчина.

Эвальд заметил короткий взгляд, что бросила на него лейтенант. Она ничего не сказала, лишь поправила сумку и прикрыла низ лица платком — люди на рынке все чаще оборачивались на нее.

Они прошли у крайнего ряда палаток, ловя опасливые взгляды. Остановившись у прилавка с фруктами, капитан купил два яблока. Пока расплачивался, осмотрел людей вокруг.

Лейтенант приняла угощение, но тут же скривилась, едва надкусив.

— Как ревеня пожевала! — выдавила она.

— Эти яблоки берут, чтобы положить рядом с окном, — пояснил Эвальд, тоже надкусывая неспелый плод и ощущая как вяжущий сок бьет под язык. — Они созревают в тепле. Можно закупить сейчас — в середине Наттлумена будут

сладкими.

Лейтенант кивнула и, насколько могла, быстро доела яблоко, спрятав огрызок в кармашке платья.

Торговля становилась более шумной, люди почти толкались и кричали, выбивая цены получше, потому переговариваться вполголоса уже не удавалось.

Капитан и лейтенант завернули в узкий переулок между каменных стен двух жилых домов.

— Я не заметила никого, кто бы выделялся, — отчиталась она.

— Смотрите на качество одежды, — протянул Эвальд, глядя за угол. — Если на допросе не соврали, Илзин должен быть в чем-то плотном. Не сильно изношенном. Проверьте обувь — следов грязи на дельце не будет.

Полы плащей и платьев закрывали обзор. Но среди просветов между людьми Эвальд замечал сапоги и ботинки: с засохшими следами уборки хлева, черными мазками угольной руды, потертостями и вмятинами от долгой каменистой дороги.

Спустя мгновение лейтенант схватила его за плечо, кивком указывая направление. Эвальд увидел в толпе светловолосого мужчину, одетого в серый шерстяной жилет. Края туники были заправлены в штаны, а сапоги сверкали начищенной кожей.

— Разделимся и подойдем ближе, — скомандовал капитан.

Лейтенант уже скрылась в толпе.

Эвальд медленным шагом, оборачиваясь на ящики с овощами, направился к цели. Оказавшись за спиной у мужчины в жилете, он услышал:

— Давно не виделись! — приветствовал тот продавца посуды.

Торговец махнул рукой:

— Да я горшки все никак получить не мог.

— С твоим гончаром такое уже не впервые. Могу спросить своего — может скинуть тебе цену.

— Он кувшины делает? — округлил глаза продавец.

Мужчина в жилете засмеялся.

— У него две мастерские и рабочих много. Сделает, что скажешь.

— Тогда спроси его, возьмется ли мне заказы делать. Выручаешь, Илзин!

Попался.

Эвальд поднял голову. Лицо лейтенанта Лорик затерялось среди толпы. Люди сновали у прилавков.

— А вот это подойдет к моим волосам?! — услышал он звонкий голос.

Лейтенант воскликнула так громко, что все резко обернулись на нее.

Сейчас.

Эвальд рывком развернулся и схватил Илзина, заломив его руку за спину, повалил на землю.

— Что за дела! — запротестовал тот в испуге.

— Молчи. Будешь орать, заткну рот.

Лейтенант растолкала оборачивающихся людей и начала кричать:

— Вот ты, пахабник! — она сверкала глазами, тыча пальцем в Илзина. — Наемник! Как и договаривались, дотащишь его до гарнизона и свободен.

Эвальд усмехнулся, оглядывая удивленные лица вокруг. Очередной спектакль сыгран гвардейцем, и он — превосходная декорация.

Илзин ерзал, пытался вырваться. Шерсть его жилета до боли натирала кончики сжатых пальцев.

— Кто вы такие? Отпустите!

Лейтенант Лорик опустилась рядом, понизив голос настолько, что слова могли слышать только его уши.

— Тебя сдали. Я лейтенант гвардии Арвис Лорик. С правом задержать и допросить тебя.

Эвальд рывком поднял Илзина на ноги. Не отпуская его руку, прошипел:

— Дернешься — сломаю. Топай.

Ланс сидел в соломе на полу и массировал челюсть, пытаясь стереть с кожи шершавую хватку. Перчатка стражника при досмотре его рта осталась на подбородке красными пятнами.

Глядя на свою сумку через прутья решетки, он перебирал

варианты, раскладывая их на пальцах, но холод и влажность, отдаваясь дрожью в теле, мешали держать образ. В тишине, где нависающий каменный потолок не давал выпрямиться, все мысли упирались в желанную миску горячего супа.

Дверь в подвал открылась без звука. По лестнице спустился стражник, хрипя при каждом вздохе. Он отложил алебарду и подошел к решетке вплотную.

— Кто ты? Что забыл в квартале гончаров?

Ланс не стал подниматься для ответа.

— Мое имя Ланс, наемник. Я искал кузнеца Грара, но заблудился. Отошел подышать и ваш стражник меня схватил.

— Что за Грар? — нахмурился мужчина. — Почему ты не знаешь, где его кузня?

— Мне о нем в гильдии рассказали, — пожал плечами Ланс. — Хотел меч купить.

Стражник молча смотрел на него. Потом отошел, взял его сумку и достал кошель.

— С горстью медных нумма шел покупать меч?

Ланс впился ногтем в ладонь. Не язвить!

— Я хотел заказ сделать, — спокойно добавил он. — Потому без денег пошел.

Стражник достал из сумки тетрадь, но открывать не стал. Один из графитовых стержней, — тот, что еще не был обернут кожаным шнурком, — выпал следом и с щелчком разломился на части.

— Говоришь складно. И на вора не похож, — хмыкнул

стражник, вставил ключ в замок и открыл решетку. — Отведу на выход, поднимайся.

Ланс вынырнул из камеры к столу, собирать вещи. Тетрадь, кошель. Осколки карандаша. Боковое зрение настойчиво указывало на ржавые клещи, кандалы и острое железо на стене.

«Меня уже отпустили».

Когда он почти застегнул ремень сумки на поясе, на лестнице послышались шаги. В подвал спустился широкий усатый мужчина, без нагрудного доспеха, в темно-серой форме. Форме капитана.

— Сержант, — сквозь усы сердито начал капитан. — Почему не на посту? Почему тебя ищу я? На входе в город забор. Живо собери людей! Разберитесь там.

Стражник кивнул и побежал исполнять приказ. Хрипы затихли в проходе.

— А ты кто? Сумку раскрой, — приказал усач.

— Меня задержали утром. Случайно, — попытался отвертеться Ланс. — Ваш сержант уже отпустил меня.

Чужая рука вытащила кошель с тетрадью так резко, что Ланс сжался, представляя состояние карандашей на дне сумки.

Капитан достал железный жетон и помахал у него перед носом.

— Случайно, говоришь... Шавка Эвальда. Что ты тут вынюхиваешь?

— Жетон остался с прошлого поручения, — тело дрожью отозвалось в голосе, но мысль была твердой. — Не успел вернуться.

Капитан полистал тетрадь и смерил его взглядом, не найдя понятных записей. Потом вернул ему вещи.

— Эвальд тряпка, но не злодей. Поверю. Что ты искал?

Ланс не в силах сдержать удивление на своем лице, произнес:

— Кузнеца Граа. Хотел задать... заказ сделать.

Капитан почесал подбородок, глядя в стену.

— Его у литейных ищи, — выдал он и кивнул в сторону двери. — Можешь идти.

Ланс кивнул и почти бегом поднялся по лестнице. Не оглядывая двор гарнизона, он выбежал за ворота.

Улицы встретили его оглушительными криками и воздухом, от которого горчило во рту и щипало в легких. Но он впустил суматоху в свое тело, ощущая, как ткань туники отлипает от спины. Взгляд прояснился, мысли устремились вверх — за дымом, к темнеющему закатному небу. И там, под ним, в самом жарком квартале, почти у городской стены, где под железной крышей горная руда текла красным потоком, Ланс, вероятно, завершит поиски.

Шум отдавался в висках, напоминая, что рабочий день вот-вот завершится. Людей стало кратно больше, чем было утром, когда каждый стражник видел среди проходов только Ланса.

Он старался идти по краю дороги, ведя ладонью по стене, сосредоточив мысли только на шершавой поверхности.

В следующий раз нужно выйти позже.

А будет ли следующий раз? Тяжесть в ногах от долгого сидения на холодном полу мешала идти. Но Ланс стиснул зубы. С каждым шагом, вдохом, он ярче ощущал жар печей. И тот, что привел его сюда.

Бывало и хуже.

Улица, поворот. Шум от громких голосов начал меняться на равномерный гул.

Ланс остановился у кожевенной. Из-под прилавка с рулонами дубленой кожи выбежал белый кот. Присев на корточках, он почесал его за ухом, и животное, в пятнах жира на боках и пыльной мордочкой, жмурилось от ласки, перебирая лапами.

— Даже у тебя здесь есть работа, — улыбнулся Ланс.

Кот тем временем свалился на спину, взглядом указывая на свой живот. Но Ланс не повелся. Он давно раскусил этот трюк с когтистой засадой — ловушка захлопывается, стоит только принять дружелюбие за доступность. Кот презрительно посмотрел на него, и, не дожидаясь точилку для своих когтей, ушел в лавку.

Ланс невольно вернулся мыслями в нижний квартал. Там не было животных равно, как и искры во взглядах, что смотрели тогда из подворотен. Здесь, где работы непочатый край, даже неумелые руки могут пригодиться, нужно лишь спро-

силь. Сначала неумелые, а после — кто знает?

Он усмехнулся, заглядывая внутрь кожаной. Кот укладывался рядом с банками с жиром. Умелец, каких поискать. С таким охранником Ланс бы не переживал, что мыши прогрызут полотна и испортят нитки, будь у него своя мастерская.

До литейных оставалось только завернуть за угол. Первая же тележка чуть не сбила Ланса с ног. Он едва увернулся под ругань рабочего, что толкал тачку.

Подойдя к группе мужчин, он заговорил:

— Подскажите, где найти Грара. Хочу обговорить заказ.

Они перестали орать друг на друга и подняли взгляды от треснувшей формы для отливки. Единственный из рабочих, низкорослый и бородатый т'улнир, вышел вперед, поправляя фартук.

— Я Грар. Чего хотел?

— В гильдии наемников поручение просрочилось, — с улыбкой пояснил Ланс. — Знаете Герта и Сэвора? Я пришел, чтобы...

— Погодь, — поднял кузнец руку, — Давай с этим потом, мне тут надо закончить. Спустись к моей мастерской и подожди там.

Грар указал левее от литейной. Там Ланс увидел единственную кузню, где были открыты ворота и светили лампы.

Он кивнул и пошел в переулок, слыша как кузнец возвращается к спору.

В затихающем квартале становилось прохладнее. Печи тушили, а с ними остывала и работа. Теперь, несмотря на грохот в литейных, Северный район не отличался от Восточного, привычного теплым вечерним светом из окон и затуханием голосов.

Вот и кузня.

— Здравствуй, — отозвалась за прилавком т'улнирка, переставляя ящики ко входу. — Муж мой вернется скоро. Ты по делу?

— И вам доброго вечера, — кивнул Ланс. — Грар попросил тут его подождать. Давайте помогу.

Она мельком его осмотрела, задержав взгляд на поясе. Ланс вздохнул — нет там оружия. Жена Грара смягчилась в лице, убедившись в этом, как и прочие, и протянула ему тяжелый ящик со звенящим содержимым.

Пока они работали, загромождая вход, Ланс осмотрелся. Кузня выглядела совершенно иначе, чем все, где он работал до этого. Прежде оружия кузнецы куют лопаты, топоры и гвозди. А эта, с грудями незнакомых стальных деталей, наковальным черным листом прямо на печи, даже пахла не углем и дымом. Огонь в печи гудел, а его блики танцевали на полу синим и белым.

— Какое интересное пламя! — не удержался Ланс. — Как вы наколдовали его?

— Наколдовали! — гоготнула женщина. — Медная окалина это.

Она отошла к печи, взяла блестящей металлической лопаткой зеленый порошок из мешка рядом и бросила его в огонь. Пламя полыхнуло синим, затем белым. Равномерный гул стал сильнее и отозвался не только в ушах, но и в груди.

— Помогает плавить кристаллическую руду, — пояснила она и указала на детали, которые Ланс принял за стальные. — Это заказ из столицы — там что-то интересное собирают. Посмотреть бы...

— В пору Кведилиса, как снег сойдет, повезу тебя, помотришь, — пробасил подоспевший Грар, отряхивая волосы от металлической пыли. — В столице новые повозки собирают из наших деталей. От поступи корнеломов телеги быстро разламываются.

Ланс раскрыл глаза шире. Береговой шишечник!

— Вы видели их вживую? — выпалил он.

— Конечно! — Грар подпер бока руками. — Как бы я чертежи для оглоблей делал? А ты, разве, нет?

— Только издалека, — покачал головой Ланс.

Образ серой горы на дороге возник в голове. Телеги тогда казались игрушками рядом с ним.

— Хорошие твари, — довольно протянул кузнец. — Жрут только много, но какая разница! Что десяти волам отдай сено, что ему одному. Так. Что ты хотел-то?

Ланс стряхнул с себя мягкое покрывало воспоминания.

— Насчет поручения. Наемники Герт и Сэвор взяли за одно дело, но заказчик не указан. Только ваше имя как по-

средника. Мне поручили выяснить, на чье имя поручение.

— А! Эти двое, — Грар уже в кузне набрал черпак воды.

— Помню. Заказчик их сейчас на копях. А вернется...

— Четыре дня, говорил, будет там, — помогла его жена.

— Морлор тебе нужен. Два-три дня обожди.

Кузнец выпил весь черпак и утер рот рукавом.

— Морлор его звать, да. Я своего помощника к тебе пошлю, когда вернется. Как звать тебя?

— Ланс, — ответил он, глядя как Грар достает из-под прилавка потрепанный журнал.

Перо закрипело о страницу, когда кузнец вывел его имя.

— А будешь ты где через три дня утром? — поднял голову

Грар.

— В Восточный гарнизон можете его послать, — кивнул

Ланс. — Если меня не застанет, пусть сержанту Иасану или капитану Фарну передаст.

— Ох! — схватилась за подол женщина. — Натворили они чего?

Ланс улыбнулся и покачал головой.

— Они не местные. А мне к гарнизону ближе, чем к гильдии. Знакомые там, выручают.

Подождав, когда Грар запишет все, Ланс попрощался. Гул необычной печи угасал. И чем тише он становился, тем ближе был Восточный район.

Вернулось чувство пустоты в животе, а за ним во рту возникла кислая пленка. Монеты все еще лежали в кошельке,

тихо отбиваясь об жетон, сетуя, что в камере не продавались булочки.

Ланс солгал за сегодня уже трижды, и капитан обязан найти время, чтобы выслушать правду.

Глава 7. Распознавание

Ложь — это дверь. Ключом же будут не железные клещи, а взгляд, видящий, что скрыто за ней.

— Регламент проведения дознания

Список расходов, написанный сажей, расползлся в голове. Уход за ранеными обошелся гарнизону в шесть золотых нумма — эту сумму не покрыть оплаченными штрафами задержанных, ведь каждая монета должна сначала пройти через Законотворческую палату. А еще древесина для ремонта конюшни, закупка провизии, бумага, спальные комплекты... Расходы, которых можно было избежать, будь он внимательнее, будь он...

Рафир поправил ремень, перекинутый через плечо. Крепление ножен выпало из застёжки на поясе, когда он передавал новые спальные мешки стражникам взамен разорванных запертыми в казармах бунтовщиками.

Он прикусил губу. Почему капитан не сказал ничего, не сделал выговор? Он мог бы, должен был разозлиться. За последние пять лет после пламени, что выжгло не только квартал у реки, но и человека, потерявшего отряд в огне, капитан сделал все, чтобы истребить в Восточном районе само понятие пожаров. Закупка помповых насосов, инвентарь для тушения в каждом общественном здании, кучи песка, — все,

чтобы Рафир своим глупым упущением погасил не пламя, а... лунный свет.

Набрав в грудь воздуха, он разжал кулаки, ведь... он сделал все, что смог? Может, его заслуга в том, что никто не погиб и не изувечен? Брангиль, если верить лекарю, сможет ходить через неделю, а остальные отправятся домой — вернуться к обязанностям после Поступи Глатариса. Свефнир не даст ответы, лишь накроет мир обманчиво безопасным объятием.

Рафир зажмурился — некогда жалеть себя. Еще много дел. По приказу лейтенанта Лорик завтра доставят новый стол для капитана. Тогда же один из патрульных может забежать в лавку и купить немного бумаги — даже пару листов, на которых можно написать расписание и перенести из головы список снабжения.

Бумажный шорох донесся до его уха. Он обернулся к воротам гарнизона — приближалась фигура, несущая небольшой сверток.

Наемник.

Рафир пошел навстречу:

— Наемник. Поздний час для визитов.

Сверток зашуршал в руках. Единственный шум, что раздался в тихом ночном дворе.

— И тебе привет, — отозвался Ланс. — Капитан еще у себя? Хочу поговорить.

Из свертка послышался легкий хруст — хлебная корочка

надломилась под пальцами.

Рафир на миг представил, какотреагирует лейтенант Лорик на появление наемника. Но устав не запрещал стражникам пользоваться услугами гильдии.

— У себя. Пойдем.

Они прошли арсенал и поднялись по лестнице. Дверь была не заперта. Капитан не закрывал ее с самого пожара, чтобы не слушать бесконечный скрип при рапорте очередного патруля.

Но голоса из кабинета не доносились.

Капитан и незнакомая женщина в белой форме стояли спинами ко входу, глядя в окно. Ланс проморгался, не веря, что видит в Восточном гарнизоне блеск серебряных украшений.

Он уже подался назад, но уткнулся спиной в сержанта.

— Прибыл наемник Ланс, капитан, — уведомил сержант.

Первой обернулась женщина. Ее пронзительный взгляд прошелся по нему, оценивая каждую деталь.

По спине пробежал холодок. Чувство, что возникает во тьме, когда отовсюду раздается глухой треск раскальваемого льда.

— Наемник? Из гильдии? Вы приказали доставить хлеб?

— Нет. Он помогает мне работать над одним делом, лейтенант, — отозвался капитан.

Ее взгляд смягчился и Ланс осторожно прошел дальше.

Из мебели в кабинете остались только следы золы на полу и стенах.

— Доброго вечера, — выдавил он, стараясь не прятаться за сверток с хлебом. — Я подумал, что сегодня у вас найдется время, капитан.

Тот поднял бровь и спросил:

— Ты ведь занимался чем-то, кроме похода к Арденскельду?

Гвардеец посмотрела на капитана, потом снова на Ланса.

— Что происходит? Каким делом вы заняты, помимо беспорядков?

Ланс открыл рот, но встретился взглядом с капитаном и отступил на шаг.

— Наемник помогает расследовать убийство, — спокойно пояснил тот. — Три дня назад, считая сегодня, на городском складе один наемник убил другого. Ланс осмотрел место и тело и нашел нестыковки с показаниями задержанного.

— Вы связываете это с подстрекателем? — уточнила она, не отрывая взгляд от Ланса.

— Нет... Не могу сказать. Не было времени разобраться, — покачал головой капитан. — Ланс здесь, чтобы вместе со мной провести повторный допрос.

Хлеб в свертке давно остыл, но аромат все равно заполнил кабинет. Все трое обернулись к нему.

— Наемник, ты не против, если я куплю у тебя этот хлеб? — спросила гвардеец.

Чей-то живот запел, вторя хрусту корочки. Но по лицу самого голодного было не определить.

— Я принес его просто так, — улыбнулся Ланс, отдавая сверток. — Угощайтесь.

Она приняла его с коротким кивком. В ее руках хлеб звучал еще громче. Она глубоко вдохнула аромат выпечки и отдала сверток капитану.

— Рафир, не мог бы ты... — капитан перевел взгляд на лейтенанта. — Чай. Принеси, пожалуйста, чай на всех.

— Я помогу, — вызвался Ланс.

И они с Рафиром скрылись за дверью. Шаги сержанта и наемника стихли на лестнице. Арвис посмотрела на сверток в руках капитана.

— Просьба, не приказ, — отчеканила она.

— О чем вы? — он поднял бровь.

Бумага зашуршала.

— О чае, — последовал звонкий ответ. — Надеюсь, им хватит ума принести стул для чайника. Не в руках же держать.

Капитан скрестил руки на груди и вздохнул. Сверток снова протестующе смялся, оказавшись под локтем.

Арвис прислонилась к стене. Ее руки тоже замкнулись на груди.

— Ваш сержант... Дисциплина отполировала его до блеска. Но этот блеск... не от устава.

— К чему вы?.. — Эвальд покачал головой, отступая к

стене, опираясь на нее спиной. С тихим стуком он откинул голову, глядя на лейтенанта.

Взгляд Арвис смотрел сквозь Эвальда, на картину, что она собирала за окном в ночной тьме.

— Только пытаюсь понять... И наемник. В глазах упрямство, назойливое и глупое. Зачем таких собирать?

— Вы забыли про командира отряда, что пришел из Цитадели, — ответил Эвальд ровным тоном, не меняя выражение лица. — В ее задачи входят установка порядка и контроль над бестолковым капитаном. Но чем она занята? В старом платье хватает преступников на рынке.

Арвис все еще смотрела в окно. Ни одна жилка на ее шее не пришла в движение.

Затем вдох.

И картинка стала четкой.

Ее взгляд вернул ледяной отсвет, в котором задрожал свет лампы.

— Я забылась, — уголки ее губ слегка дрогнули. Она отошла от стены и встала прямо как при докладе. — Для меня честь работать с вами, капитан Фарн, и с вашими людьми. И при случае... — ее взгляд отступил в место, где стоял Рафир, — ...похвалите сержанта. Такая преданность — ценный ресурс. И, как и любой, требует признания.

Ее слова зависли в воздухе, подрагивая от сквозняка, что проходил в оконную щель. Не просьба и не совет. Стратегия.

Но Эвальду показалось, что вместе с этими словами вдох,

что он сделал, попал в место — пустое, которому он еще не дал название.

В коридоре они слышали шаги и стук дерева.

Ланс внес табуреты, держа ножки как букет цветов. Он с грохотом опустил их на пол и расставил кругом. Пятый послужит столом.

Рафир зашел следом, держа двумя руками поднос. Кружки из дерева и железа дрожали при каждом шаге, а из носика чайника тихими плесками грозился вылиться кипяток.

Все заняли места, и Эвальд, отрывая кусочки бумаги от свертка, раздал всем по четвертинке буханки.

Ланс принял свою порцию и начал жевать, пока Рафир разливал чай.

— Итак, что ты выяснил? — поднял голову Эвальд.

Ланс сделал глоток и поставил кружку на поднос.

— Арденскельд помог с пуговицей... То есть, штука, что нашел Двин — это пуговица.

— А Двин — это?.. — поинтересовалась лейтенант.

— Свидетель, — кивнул Ланс и продолжил. — Раз допрос Герта отложился, я решил спросить о нем у знакомых. Бывший наемник сказал, что у Сэвора и Герта было какое-то дело в Северном районе.

Все на время затихли, пережевывая хлеб. Ланс отметил про себя, что вовремя зашел к пекарю — тот уже закрывал лавку, но согласился продать остатки. Низ буханки сохранил следы меда от противня, на котором готовились булочки.

— Сегодня я обошел почти весь ремесленный квартал, — продолжил он, согреваясь. — Нашел кузнеца. Он ничего не знает про наемников, но знаком с заказчиком. Пришлет своего человека через три дня, когда тот вернется в город. Я попросил оставить послание либо сержанту, либо вам, капитан.

— Ты весь день его искал? — взгляд капитана закрывал пар от чая.

— Это... — начал Ланс, и вздохнул. — Вышло не очень. Меня схватили стражники. Но потом капитан Северного направил меня в литейные.

Эвальд поперхнулся.

— Хеймберт тебя отпустил? Даже пару пальцев не сломал?

— Он нашел у меня жетон, что вы дали вчера, — отозвался Ланс, подавая капитану платок, что лежал в сумке без дела.

— Так просто? Жетон — и ты на свободе? — Эвальд вытер подбородок, промакивая короткую щетину.

— Я соврал ему, — признался Ланс, искоса глядя на лейтенанта.

Ее глаза расширились, кружка замерла на полпути к губам.

— Соврал капитану Северного гарнизона? — ее звонкий смех наполнил комнату, позволяя расслабить напряженный живот. — И еще признаешься в этом при гвардейце! Капитан Фарн, — она хлопнула себя по коленке. — Стоит пере-

смотреть с наемником условия контракта. Я бы взяла его на следующее задание.

— Как... следующее? — нахмурился Ланс. — Вы тоже что-то выяснили?

— Мы с капитаном сегодня поймали подстрекателя, — заявила лейтенант, отпивая чай. Она закончила с хлебом и теперь мяла пальцами бумажку. — Все благодаря сержанту Иасану. Он подменил капитана на посту.

Ланс обернулся на Рафира, но тот лишь откусил хлеб, глядя в кружку.

Капитан пожевал щеку, глядя на чайник и заключил:

— Пуговица, сведения из Северного района, двое задержанных по разным делам. Нужно разобраться с Гертом, отправить его в Цитадель и, наконец, освободить эту камеру.

— И еще Илзин, — поднял голову Рафир. — Нужно разобраться в причинах поджога. Если подстрекатель не один, затишье с толпами не затянется.

— Мы можем сразу их допросить? — вклинился Ланс.

— Раз вы собрались заниматься этим сегодня, я бы хотела присутствовать на обоих допросах.

Эвальд закончил с перекусом и отошел с кружкой к окну.

— Командующий разве не приказал гвардии возвращаться на ночь в Цитадель?

Лейтенант кивнула Рафиру и Лансу, благодаря за хлеб и чай.

— Ночь только началась, — ровным тоном ответила она.

— Отряд я уже отправила в казармы гвардии. Поеду, как закончим.

Спустя десяток минут все четверо стояли у входа в подвал. Рафир отнес посуду в столовую, затем передал Лансу куртку одного из стражников. Наемник при допросе другого наемника — лишняя провокация.

— Сначала Герт, — капитан кивком оставил Рафира на входе и обернулся к гвардейцу. — лейтенант, пожалуйста, не заходите в камеру.

Она не стала спорить.

Капитан подошел к двери, единственной деревянной, и открыл ее. Ланс прищурился, пытаясь разглядеть в темноте хоть что-то. Капитан подал ему лампу и они зашли внутрь. Огонек дрогнул, казалось, не от движения, а от запаха пота. Ланс сдержался, чтобы не закрыть нос воротником — спасибо стражникам, что хотя бы меняют его горшок.

Герт сидел в углу камеры на каменном полу, поджав колени руками. Он спал. За синяками и кровоподтеками, что появились в ночь до задержания, Ланс не мог разглядеть его лица.

— Наемник Герт, — позвал капитан. — Просыпайся.

Тот вздрогнул, попытался открыть заплывшие глаза. Через боль ему едва это удалось — узкие щели, что теперь были его глазами, привыкали к свету.

— Вы капитан? — пробормотал он, затем резко подался

вперед. — Почему так долго! Я рассказал все!

— Сержант, — Эвальд пропустил Ланса вперед.

Слово «сержант» прошло от уха в голову недостаточно быстро. Однако, опомнился, взглянув на рукава куртки.

— Да... капитан, — краткий кашель прозвучал в камере.

— Наемник Герт. Мы здесь, чтобы задать вопросы...

— Какие вопросы! Сэвор напал на меня! — он скривился.

Каждое слово — отголосок побоев. — Он сам упал на нож!

Сколько можно повторять?

Ланс сжал конец рукава за спиной, его голос зазвучал тверже:

— На складе я обнаружил разбитый фонарь, — Герт дрогнул от его слов. — Свидетель слышал, как он разбился. Он был на складе до шума драки. И видел третьего человека. Как все было на самом деле?

Герт вжался в угол камеры и обхватил себя руками, защищаясь от холодного пола. Солома под ним смялась с пугливым шорохом.

— Не знаю насчет третьего... Никого там не было. А фонарь... он... я случайно разбил.

— Его выронил Сэвор, когда ты убил его, — медленно выдохнул капитан. — Третий человек потерял кое-что, когда уходил. Мы точно знаем, что там был кто-то еще, — он кивнул в сторону синяков. — Это не Сэвор тебя так избил.

Взгляд заключенного бегал по лицам капитана и «сержанта», но теплом ответила только лампа.

— Тебя наняли? Для чего? Кому мешал Сэвор? — выпалил Ланс.

Он подался вперед, но капитан мягко отстранил его. Герт сжался, когда через открытые двери Свефнир донес с улицы обрывок своего холодного дыхания.

— Я не убивал... Не намеренно. Он бросился на меня...

Ланс вытер проступивший на ладонях пот о края крутки.

— На кулаках Сэвора нет следов — костяшки не сбиты.

Кто избил тебя?

— Я не убивал! — сорвался Герт на крик. — Доска... Он бил меня куском угля!

Капитан вздохнул.

— Твой выбор сейчас простой, — его голос вытеснил холод из камеры, но Герт затрясся сильнее. — Либо ты расскажешь, как было, и сможешь однажды увидеть солнце. Либо будешь натирать камень в темнице Цитадели, пока не увидишь свое отражение.

Ланс стиснул челюсти. «Либо» его не устраивало. Этот мерзавец должен отправиться в черный бастион так или иначе.

Герт задышал быстро и громко. Солома больше не издавала звуков.

— Что со мной будет? — вдруг спросил он.

— Сначала ответы, потом вопросы, — Эвальд сложил руки за спиной. — Рассказывай по порядку.

Герт зажмурился и сжал тунику в руках.

— Напарник... Сэвор снял фонарь и повернулся к ящикам. Ему показалось, что он обронил что-то. Он стоял спиной... и я...

Капитан шаркнул сапогом по полу.

— Вонзил в него нож. Фонарь упал. Дальше.

— Он упал. Из ящика высыпался уголь. И тогда зашел он.

Ланс снова хотел заговорить, но оглянулся на капитана.

Тот не отрывал взгляд от Герта.

— Со мной связались, когда мы приехали в город, — продолжил убийца. — Торговцы оставили грузы и мы пошли в таверну. Сэвор зашел внутрь, а меня окликнули. Кучер попросил сесть в карету поговорить со своим господином, мол, работа есть.

Руки Герта, как и его взгляд, безвольно упали на пол.

— Он не назвался. Сказал, что за работу много получу.

Просил заманить на склад человека и...

— Что за карета? Где тебя подобрали?

— Обычная карета. Деревянная, под черный лак, внутри тоже черная. Улицу не знаю, возле постоянного двора... Там на вывеске — волна как одеяло с подушкой.

— Кто говорил с тобой в карете? Во что был одет? Опиши лицо.

— Говорю же, он не назвался. Сказал, что надо все сделать ночью. Что придет его человек и поможет подстроить драку. А потом мне помогут выйти из темницы и много заплатят.

Ланс не мог больше сдерживаться.

— Ты убил своего друга за горсть золота?!

— Он не был мне другом! — Герт выставил руку вперед, закрывая лицо, опасно глядя на «сержанта» сквозь пальцы. — Я первый раз с ним работал. Сэвора наняли в одной из деревень. Его там не ждет никто!

Ланс поймал взгляд капитана, когда тот нарочито прочистил горло и спросил:

— Что с лицом в карете?

— Обычное лицо! Обычное... Как у холеных богачей. Как вы, наверное... У него не было бороды. Вечером я плохо его разглядел.

— Он сказал что-то еще? Как нужно убить, кто придет, чтобы тебе помочь?

— Больше ничего. Сказал, долго меня держать в темнице не будут. И сколько золотых я получу. Все.

— И ты поверил человеку без имени, что после убийства он поможет тебе? — поднял брови капитан.

— Я сомневался! Но Сэвор сам предложил поработать ночью. Когда мы с ним пришли к стене, я увидел человека в плаще. Он прятался в одном из складов. Тогда и...

— Тот третий на складе. Рассмотрел его? Он избивал тебя.

— Фонарь тогда светил на него со спины. Не знаю кто он. Огромный такой. Лица не разглядел — он не снял капюшон.

Капитан глубоко вздохнул и вышел. Дверь камеры еще не была открыта так долго.

— Что теперь? Что будет со мной? — пробормотал Герт.

— Узнаешь завтра. Надеюсь, крепко спать ты не будешь,

— бросил Ланс и последовал за капитаном.

Дверь камеры со скрипом закрылась.

— Отличная работа наемник, — вполголоса произнесла лейтенант, подавая ему кружку. — Только в следующий раз помни — скорлупу с яйца не снимают за один раз.

Ланс принял воду, чуть не расплескав ее. Щеки горели от признания Герта. Каждое слово все еще звучало в голове.

«...его там не ждет никто...»

Какой жалкий...

— Спокойнее, — положил руку ему на спину капитан. —

Он получит, что заслужил.

— Спасибо. И вам, капитан. — отозвался Ланс. — Но, мы не выяснили ничего.

— Мы выяснили, — подчеркнул Эвальд. — Что ты был прав. Это убийство спланировано. И твоя пуговица, вероятно, поможет найти заказчика.

Арвис разгладила складки на форме и поправила рукоять меча.

— Моя очередь. Надеюсь, Герт орал не сильно, и Илзин еще спит.

Капитан указал на камеру по правую сторону.

— В конце коридора, — сказал он и обернулся. — Ланс, можешь послушать снаружи. Не вмешивайся.

Наемник кивнул. Капитан последовал за лейтенантом, передавая ей ключи. Арвис с силой дернула решетку, оглашая подвал громким скрежетом.

— Подъем, подстрекатель. Пора отвечать за содеянное.

Она зашла внутрь и встала над мужчиной, что сидел на деревянном коробе, свесив одну ногу. Эвальд остался в проходе, держа лампу.

— И правда гвардеец, — посмотрел Илзин исподлобья. — Ваше представление на рынке... Не думал, что дочь...

Лейтенант резко пнула сапогом ящик, отшвырнув к стене. В камере раздался грохот, а мужчина не успел подставить руки и упал на каменный пол.

— Следи за словами, — предупредила она спокойным тоном и встала прямо, глядя в его расширенные глаза. — Ты обвиняешься в подготовке бунта. В поджоге Восточного гарнизона. В причастности к ранениям стражников.

— Лейтенант Лорик... — Эвальд протянул руку.

— Я не закончила, — отрезала она. Ее взгляд вернулся к заключенному. — Из этой камеры я лично доставлю тебя в темницу Цитадели. Суда не будет. Изменников не судят.

Илзин сжал кулаки на полу, сгребая солому.

— Вы не имеете права на такое! — слова проходили через сжатые губы. — Где доказательства? В толпе кто-то ткнул пальцем — и вы уже хватаете первого встречного?

— Мне достаточно свидетелей, — подняла Арвис правую руку, чтобы рассмотреть кольцо на большом пальце. Сереб-

ро исказило в отражении все черты ее лица. — Твой пример покажет остальным, что преступник за нумма может купить себе только камеру поглубже.

Илзин встал и выпрямился, отступая к стене.

— Я не виновен ни в чем! Я напишу жалобу... Вам сделают выговор за задержание без причины!

Лейтенант опустила руку. Ее глаза, слегка прикрытые, вдавили Илзина в камень.

— Попробуй. Выше меня в гвардии только командующий. Ему даже нет нужды читать твою жалобу. Я сама отклоню ее.

Лейтенант коротко вздохнула, поворачивая голову.

— Капитан Фарн, я закончила, — огонек лампы задорно блеснул в ее взгляде. — Можете запирать решетку. Завтра утром я пришлю людей, чтобы забрать это отребье.

Капитан пропустил ее, принимая ключи обратно, они тихо звякнули в его руке. Плечом он прислонился на дверной косяк и сложил руки на груди. Стук каблуков лейтенанта затих.

— У лейтенанта сегодня был плохой день, — начал Эвальд. — Ее отряд разбирался со всеми задержанными нападавшими. Слезы, крики, штрафы, что они не могут оплатить... Но, пока она здесь, я мог бы поговорить с ней. В самом деле, после бунта мои стражники отделались синяками. А в пожаре сгорела только конюшня.

Илзин переступил с ноги на ногу, поднимая глаза на капитана.

— Что вы хотите услышать? Я не виновен. Не раздавал я никому серебро. Зачем мне это?

— И, правда, зачем, — с легкой улыбкой протянул Эвальд, перебирая ключи. — Во всяком случае, все будет так, как сказала лейтенант. Двоих, что хамили ей, она уже увезла. Тем же вечером.

Он еще раз посмотрел на Илзина. К шерсти его жилета прилипла солома, когда тот упал. Носы на сапогах капитана не закрывали металлические пластины, но он бы потерпел боль, чтобы самому пнуть тот ящик.

— Я не звал их жечь гарнизон, — прошептал Илзин, сползая на пол. — Им нужно было только собраться перед воротами и кричать про цены на продукты.

— И чего бы ты этим добился? — Эвальд слегка склонил голову, звякнув ключами в руке.

— Не я. Мне платили. Давали серебро. Говорили, что именно должны кричать люди. Сам я даже не участвовал ни в одном шествии.

Железный звон в руке стал громче, а надменный голос Илзина померк вместе с блеском его ныне грязных сапогов.

— И кто же тебе платил?

Илзин отошел от стены и встал прямо.

— Если я расскажу, вы убедите гвардейцев отпустить меня.

— Смотри, что ты расскажешь, — улыбнулся Эвальд, переставая играть с ключами. — Ты видел лейтенанта Лорик.

Похоже, что она так просто согласится со мной?

Илзин сделал шаг вперед.

— Я назову нанимателя. Вам ведь интересно, кому понадобилось мешать вашим стражникам? Если меня упрячут в темницу, вы не узнаете ничего, а на мое место найдут нового человека.

— Внимательно слушаю тебя, — Эвальд небрежно махнул рукой, но почувствовал, как кожу под формой защекотало нетерпение.

Илзин вздохнул и опустил взгляд в пол.

— Из Южного района за мной приезжал экипаж. Черный. По вечерам. Кучеры всегда разные, я не знаю их имен. Мне дают нумма, говорят что и когда делать.

— И кто в экипаже?

— Мужчина. Он прячет свое лицо, — покачал головой Илзин. — По голосу я, может, узнал бы. Он трижды подбирал меня на улице.

Эвальд отстранился от дверного косяка и шагнул в камеру.

— В одном и том же месте?

Рот Илзина изогнулся в нерешительной улыбке.

— Нет, в разных. Один раз я даже перепутал карету. Не знаю, как он меня находит. Хотя, я не ухожу от своей лавки далеко, может, так...

Брови капитана почти сомкнулись.

— Где именно он останавливался? — почти рыкнул

Эвальд.

Заклученный отпрянул обратно к стене.

— У рва Цитадели, на границе районов Юга и Востока! Там моя лавка, я продаю посуду, он останавливался всегда на соседних улицах, там жилые дома и много кто проезжает.

— И ты не знаешь, есть ли подстрекатели, помимо тебя?

Илзин энергично закивал.

— Переночуешь в камере, — решетка захлопнулась. — Думаю, я знаю, что сказать лейтенанту Лорик.

Эвальд встретился взглядом с Лансом, который стоял в коридоре, прислонившись спиной к стене, и они вышли к Рафиру и Арвис под ночное небо. Сержант и гвардеец обхватили себя руками, дрожа в ожидании. За их спинами стояла Магда, сжимая в руках холщовую сумку.

Капитан посмотрел в лицо каждому.

— Снова экипаж. Черный экипаж, в котором скрытое лицо раздает задания и нумма.

— И мы используем Илзина как приманку? — спросила Арвис, нетерпеливо пританцовывая от холода. — Нужно отпустить его и приставить человека, чтобы не сбежал и не предупредил хозяина кареты.

— Да, используем, — Эвальд убрал руки в карманы. Что-то шершавое кольнуло пальцы.

— Закончим на сегодня? — подал голос Ланс. — Нужно отдохнуть.

— Согласна. Расходимся, — лейтенант направилась к своей лошади, привязанной у самых ворот, но обернулась на Эвальда. — Вы сегодня домой, капитан?

Он кивнул, глядя в темноту.

— Да. Мне нужно подумать. Но я пойду пешком, мой дом недалеко.

Магда робко вышла вперед.

— Лейтенант Лорик, — начала она. — Сегодня я была резка. Надеюсь, вы не обижены.

Рука кухарки опустилась в сумку, а затем она протянула Арвис шерстяной сверток. Черты лица лейтенанта смягчились. Она приняла из рук Магды старый платок и накинула на плечи, как сделала днем.

— Вы помогли сегодня. На что я могу быть обижена? — Арвис плотнее закуталась в теплый подарок. — Теперь я доведу целее.

Она попрощалась с Магдой и ушла.

Ланс обернулся к Рафиру.

— Могу я переночевать в казарме?

Тот кивнул.

Эвальд смотрел, как их спины скрываются в темноте за дверью, и тоже направился к воротам.

Дорога не займет и получаса.

Он увидел своего тихого пепельного спутника, что ступал за ним лишь там, где за стеклом царила тьма. Он не входил в

гарнизон, сопровождал на пути домой, не отвечал, никогда, но в отраженных глазах — упрек, такой же холодный, как Объятие Свефнира. Приговор, в котором не было жестокости. Были имена, написанные золой в его памяти, и капитан носил их с собой как меч, плащ. И ровное дыхание.

Лишь вдоль реки, где отражение мерцало, но не исчезало в ряби полностью, он мог остаться в молчаливой компании чуть дольше.

Вот и река.

Он не стал останавливаться, лишь изредка бросал на поверхность короткие взгляды. В темном течении звезды писали имена, ветер шептал их, со скрипом поворачивая флюгер на крыше.

Эвальд поднял голову к небу. Анвейг любил звезды, всегда старался брать ночные дежурства на стене, несмотря на ворчание сестры. Сигвин принимал ветер в подарок, не глядя чье дыхание его порождало, он радовался и талым слезам Мюркнира, и ледяной буре Глатариса. Унарве ругалась на них:

— Какие вы стражники, вы поэты!

Но не могла отвести взгляд от Магнитного сияния над вершинами северных гор. Он запомнил. Она назвала парящие в небесах сияющие ленты лишь однажды, но он запомнил. Небесный театр.

Вот и дом.

Из окон первого этажа, сквозь сплавленные свинцом стек-

лянные кусочки, пробивался ослепительный свет.

Капитан открыл дверь. Колокольчик звякнул, требуя, чтобы каждый пустой сосуд в зале присоединился к приветствию. Эвальд прикрыл глаза рукой, глядя на смутное очертание алхимика. Тот возился с сиянием, которое настойчиво просилось остаться за веками подольше, даже если закрываешь глаза.

Арденскельд погасил свет и огоньки пламени в лампах вернулись в мастерскую.

— Капитан! Не ожидал вас сегодня. Что-то случилось?

Эвальд снял плащ, взяв его под руку, и подошел ближе к столу.

— Здравствуй, Арденскельд. Ничего, с чем я мог бы обратиться, — сказал он наклонившись ближе к работе алхимика. — Просто решил поспать сегодня дома.

Лампа на столе была почти прозрачным кубом, цельным и слегка мутным, словно при отливке в горячее стекло попала пыль и не сгорела. Эвальд осмотрел куб со всех сторон, но не нашел ни отверстия для масла, ни зубчатого колесика для регулировки огня.

— Это мое новое исследование, — улыбнулся Арденскельд, показывая темный камень в своей руке. — Внутри куба особая руда, которая начинает светиться, если я сделаю вот так.

Он поднес руку к стеклу. И нечто внутри, хрупкое как солнечный блик в луже, отозвалось робким сиянием. Но чем

ближе Арденскельд подносил камень, тем ярче был ответ.

Эвальд мягко отодвинул руку алхимика от его лампы. В глазах еще с первого раза остался слепящий послеобраз.

— Будешь продавать такие?

— Пока нет, — покачал головой Арденскельд и убрал камень в карман. — Долгое воздействие света может убить. Сейчас я нашел только материал, на который откликается лампа.

Эвальд задержал взгляд на его лице.

— А как же ты сам?

— Не переживайте насчет этого, — отмахнулся алхимик. — Короткие вспышки безопасны. И у меня есть это.

Он достал из складок мантии амулет на цепочке — изогнутые серебряные нити собирались в полое веретено.

— Лучше занимайся этим в подсобке, — покачал головой капитан. — И шторы закрой. То, что сейчас ночь, не значит, что кто-нибудь не пожалуется в Доминиум.

Арденскельд опустил взгляд и ладонью пошуршал рукавом мантии.

— Я понял. Спасибо, капитан.

Эвальд начал подниматься, но обернулся.

— В моей комнате есть то, чего мне лучше не видеть?

— Даже чай не выпьете? — Арденскельд слегка поник, затем ответил. — Я убрал инструменты, там свободно. Только холодно — я открывал окно.

Эвальд кивнул ему и поднялся.

Арденскельд действительно разобрал свой склад и даже подмел пол.

Дрова в печи тлели, но их тепло вышло в окно вместе с запахами спирта и трав. Капитан повесил на стену свой плащ — тот соскользнул с крючка, но он не обернулся. Взявшись за край одеяла, что было сложено еще на прошлой неделе, он стянул его с кровати и накинул на плечи, поискал в печи тлеющую палочку и поджег фитиль лампы.

На столе у окна лежали бумага и чернила с пером. И с ними, на пустых листах, его ждало небольшое дело.

Перо вывело начало:

Для госпожи Фарн, предместье Кларандума, дом Тенистой зелени.

Как поживаете? В прошлом письме вы говорили о новой идее для своей...

Перо дрогнуло. Черная клякса накрыла конец строки, вытекая на край стола.

Эвальд вздохнул и поднял голову, глядя в окно. Ясное ночное небо показало ему тысячи звезд. Мерцающие судьбы, далекие и холодные, невозможные для тех, чей путь оборвался в пламени. Невозможные и для него. Гармония замолчала, но явила под конец беспристрастное чудо, показала, что можно совершить сделку с собственной совестью, подарила груз, в котором вина такая же яркая, а невысказанные

слова благодарности такие же далекие как звезды за стеклом.

Ладонь опустилась в карман, в поисках жетона. Но вместо него Эвальд нащупал обрывок свертка, немного липкого от меда с одной стороны.

Тело дрогнуло от спазма, но он задержал дыхание, чтобы подавить его.

Затем глубокий вдох.

Новый лист.

Эвальд написал первые слова:

Здравствуй, матушка...

* * *

Шерсть колола кожу на шее. Всякий раз в разных местах.

Арвис тихо вздохнула. Битва с платком проиграна и продолжать борьбу — только кожу расчесывать докрасна. Но его победа не обязательно должна быть безоговорочной — своими атаками платок закрыл от главного врага. Свефнир начинал дуть ей в лицо тем сильнее, чем ближе лошадь приближалась к бездне. Коридор из черных стен и бездонной пропасти разгонял ледяной ветер до невыносимой скорости.

Четыре инцидента в прошлом году.

Арвис тряхнула головой и спешила, ступая на мост Стальхогг. Лошадь послушно следовала за поводьями.

Четыре инцидента. В переход Свефнира в Глатарис.

Тогда ветер был сильнее. Желваки на щеках заиграли и

она продолжила путь. Почему никто не установил перила для моста? Веревку протянуть от Цитадели в город — дело пары часов. Мост и так держат цепи — достаточно перевязать их между собой.

— И не будет больше инцидентов, — себе под нос проворчала она.

Резкий порыв чуть не сбил ее с ног и она схватила лошадь за шею.

До ворот уже меньше половины пути. Ее гвардейцы добрались и она доберется.

Вой за спиной затих, когда дрожащая нога, наконец, ступила внутрь Цитадели. Арвис глубоко вздохнула, не оборачиваясь, запрыгнула в седло и направилась в казармы.

— Лейтенант Лорик! — светловолосый и улыбчивый сержант Аквенд возник перед ней, когда ее рука снимала с плеч платок. — Командующий ждет вас в кабинете.

Арвис кивнула и пошла к лестнице.

Она распахнула дверь без стука. Командующий стоял возле шкафа, рассматривая золоченые корешки книг.

— Вызывали, командующий? — Арвис прикрыла дверь и выпрямилась.

Фросгарн перебрал пальцами книги и вытащил самую потрепанную. Его голубые глаза, наконец, обратились к ней.

— Да, лейтенант, вызывал. Почему ты не вернулась с отрядом? И твоя вчерашняя выходка. Среди ночи скакать в гарнизон...

Арвис проглотила слюну. Платок в руке сжался сильнее. Но глаза ее не уступили в ледяной твердости взгляду командующего.

— Вы назначите мне новый статус, — отзвенел ее голос. — Вы дали капитану Фарну пятнадцать человек. Я забираю пятерых: Тессена, Микварда, Сокрана, Аквенда и Гракрона. Остальных возвращайте к обычной работе.

Командующий бросил книгу на стол. Его сложенные на груди руки напомнили Арвис узлы веревок, которые до сих пор не предохраняли от падения с моста.

— Я не слышу просьбы, — ответил он с тонкой улыбкой. Веко Арвис дернулось.

— Потому что я ставлю в известность. Поджог в гарнизоне часть заговора. В моих силах распознать замыслы и призвать виновных к ответу.

Командующий молчал. Его взгляд спустился к платку в ее руке. Вряд ли он когда-либо видел настолько грубую серую шерсть.

— Чем тебе так понравился Эвальд? — спросил он, склонив голову набок. Теплый свет лампы не мог окрасить в жизнь его бледную, почти прозрачную кожу. — Он хорош собой, да, но твое появление не сделает синяки под его глазами светлее. И что скажет твоя мать?

Арвис выгнула бровь.

— Можем спросить ее вместе. Уверена, она найдет время, чтобы тебя выслушать.

Лицо командующего не изменило выражения.

— Ты одобрила доставку моего старого стола? — вдруг спросил он, присаживаясь на свой стул. — Мне не жалко, конечно. Но ты выбрала самый дорогой. Не думаешь, что в его, позволь сказать, кабинете он будет выглядеть нелепо?

Арвис почти ответила. Почти подалась вперед, чтобы напомнить, кто она такая. Однако, просто развернулась и вышла в коридор. Обернувшись ровно настолько, чтобы командующий увидел профиль, она бросила:

— Я лишь расчистила склад.

Дверь захлопнулась и стук каблуков по каменному полу огласил конец этого дня.

Глава 8. Отстраненность

Дисциплина — это не холод, а ровное горение. Задача командира — не разжечь костер братства, а отмерять дистанцию, на которой один фитиль может зажечь другой, не опалив его.

— Устав городской стражи, §3 «О должностных обязанностях командующего состава»

Звон.

Девять ударов колокола.

Арвис свела брови, глядя на опоздавшие телеги. Типичная возня неготовых к работе — погрузку пришлось ждать на час дольше, чем планировалось. Она спешила, ее сапоги подняли облачко пыли, которое осело на металлических пластинах. Сняв серебряный шлем, она передала поводья сержанту из своего отряда.

Отвлекаясь от двух повозок, что въезжали во двор, Арвис увидела сержанта Иасана. Тот вышел из столовой и направился к ней — в свете утреннего солнца его нагрудник блестел почти так же ярко, как украшения ее формы. Даже причесаться успел.

— Не на посту, сержант, — прозвенел ее голос, когда Рафир подошел ближе. — Надеюсь, завтрак сегодня отменный и вы оставили мне немного.

Сержант дернул головой и моргнул дважды. Арвис заметила характерные для южан золотые крапинки в его глазах.

— Магда только недавно пришла, — ответил он, спотыкаясь о слова. — Она еще не готовила... лейтенант.

Арвис подавила ухмылку и кивнула. Его взгляд, открытый и внимательный, с тем редким спокойствием, не требующим одобрения. Темные прямые волосы, летнее лицо, ясное, с чертами хрупкого равновесия между мягкостью и уверенностью. Не сержант, а произведение, доведенное до предела простоты, где красота возникает не из излишка, а из точности.

Стоило большого труда отвернуться.

Гвардейцы, тем временем, убрали полотно, что закрывало содержимое телег. Стол доехал, можно облегченно выдохнуть. Теперь бы сгрузить его и поднять на второй этаж.

Рафир резко выпрямился, звякнув пуговицами рукавов о доспех. Арвис проследила за его взглядом — в ворота заходил капитан гарнизона. Волосы немного растрепаны, не строгий зачес назад как при первой встрече. И след на щеке от подушки.

Арвис пошла навстречу.

— Доброе утро, капитан Фарн, — приветствовала она и указала на телеги, — Я доставила необходимое снабжение.

— И вам, лейтенант, — Эвальд снял плащ, взяв его двумя руками. — Сержант Иасан.

Рафир кивнул и пошел в столовую, отдавая по пути ко-

роткие приказы стражникам во дворе.

Эвальд обернулся к гвардейцам. Те выгружали стулья, деревянные коробки и сквозной шкаф. Темная лакированная древесина блестела — Свефнир решил приоткрыть завесу облаков, позволяя солнцу согреть двор золотыми лучами.

Капитан повернулся к Арвис и заметил:

— Не думал, что хорошая погода будет и сегодня.

— Вы ждете туч после ясного дня, — бросила она, поправляя выбившуюся прядь за ухо. — Где же наемник?..

Эвальд всмотрелся в ее лицо, но она не встретилась с ним взглядом.

— Он вас заинтересовал?

— Хороший исполнитель, — она, наконец, обернулась. — Мне понравилось, как он вел допрос.

Почесав щеку костяшкой пальца, капитан подставил лицо к солнцу и зажмурился.

— Поставим его следить за Илзиным?

— Нет. Этим займутся гвардейцы. Наемника я хочу натаскать, раз уж нам предстоит работать вместе.

Затем Эвальд услышал шорох бумаги — лейтенант достала из внутреннего кармана идеально белый лист. Слегка помятый. Она повернула бумагу к нему и указала на красный отпечаток печати командующего.

— Уведомляю — теперь я глава гарнизона. До окончания расследования.

Эвальд хотел отпрянуть. Но заметил, что в солнечном све-

те, ее глаза, прежде ледяные, теперь цветом походили на ясное небо. Спокойная синева без тени высокомерия.

Его пальцы гребнем прошли по волосам.

— Полагаю... — неловко протянул капитан. — Я могу заняться восстановлением бумаг. За новым столом.

Лейтенант небрежно махнула рукой.

Эвальд осмотрел множество ящичков и новую мебель. Мысль, наконец, догнала увиденное.

— Вы говорили про стол. Но здесь целый кабинет, не меньше. И что в ящиках?

Лейтенант скрестила руки на груди.

— Стекло для окна, бумага, письменные принадлежности. — буднично перечислила она. — Должны были еще положить краску для стен. Все необходимое.

— Вы будто обнесли кабинет командующего, — вырвалось у Эвальда.

Он напряг лицо, ожидая резкий ответ. Однако, лейтенант лишь пожала плечами.

— Все так. Но это согласовано.

Капитан подошел чуть ближе. Новый шкаф больше и шире, теперь не придется класть бумаги на полу связками. Четыре стула — все крепкие, из темной древесины, их спинки были достаточно высокими, чтобы даже откинуть голову.

И, конечно, стол. Сейчас обернутый тканью, он лежал столешницей вниз — его край как высунутый язык выпирал из телеги. Он был настолько тяжелым, что двое спускали его в

руки троим гвардейцам на земле, жилы на их шеях вздулись и каждое движение сопровождалось кряхтением.

Лейтенант жестом остановила Эвальда, когда он шагнул к ним, чтобы помочь.

— Пора завтракать, капитан, — махнула она в сторону столовой, затем произнесла вполоборота. — По словам вашего сержанта, Магда готовит что-то особенное.

Сквозь приоткрытую дверь казармы доносились голоса и лязг железа. Ухо, прижатое к подушке, начинало ныть сильнее с каждым звуком. Ланс сел на кровати, вспоминая где он. Плечи затекли от долгого лежания в одной позе.

Еще только утро. Остальные уже, наверное, прибыли в гарнизон.

Ланс спустил ноги на холодные ботинки, вздрагивая, затем обулся и направился во двор. В глазах зарыбило от мелькающих людей и резких световых бликов — гвардейцы, небольшие отряды стражников и служанки разбирались с рутинной: патрули отправлялись, дозоры сменялись, отчеты находили своих адресатов. В сравнении с тихой ночью, сегодня гарнизон походил на жужжащий улей. В груди стало щекотно, когда воспоминание про посиделки в пустом кабинете медовым послевкусием отозвалось на языке.

Глядя на отдающих приказы гвардейцев, мелькнула мысль, что с таким уровнем командования, капитан, должно быть, сможет спокойно разобрать свои дела. Но как он будет

восстанавливать отчеты?

Ланс прижал ладонь к животу, сдерживая растущую голодную тошноту, и зашел в столовую.

— Доброе утро, наемник, — голоса капитана и лейтенанта прозвучали почти хором, едва он открыл дверь.

Троица сидела за одним столом. Перед ними стояли тарелки с хлебом и творогом, перемешанным с зеленью. Теплый ягодный аромат из кружек мягко сгладил предвкушение от кислой еды на завтрак.

— Простите, проспал, — прохрипел Ланс, не успев прочистить горло.

— Садись здесь, — лейтенант похлопала по сиденью рядом с собой. — Надо обсудить планы.

Ланс помедлил мгновение, затем плюхнулся на лавку, а капитан подвинул к нему кружку и тарелку.

— Я не стал будить тебя, — встретился с ним взглядом Рафир. — Подумал, что тебе стоит выспаться после допроса.

Ланс взял двумя руками кружку, отогревая ладони.

— Ты хорошо справился вчера, — отозвался Эвальд, отпивая ягодный отвар. — Погорячился немного, но для первого раза неплохо.

Ланс кивнул, поджав губы, затем опустил взгляд на еду. Ложка оказалась в руке и с усилием двинулась к тарелке, затем ко рту. И вместо кислого, вяжущего язык, творога он почувствовал вкус бульона, что приготовили на птице.

— Очень вкусно, спасибо, — заулыбался Ланс, энергично

пережевывая свою порцию.

Лейтенант закончила есть и отодвинула тарелку вбок. Ее пальцы сцепились в замок и серебряные кольца тихо стукнулись друг о друга.

— Собираем, что нам известно. Черный экипаж появился в двух делах, кажется, не связанных. Я не думаю, что это совпадение, но исключать такую возможность не будем. И наш единственный путь к нему — Илзин.

— Мы отпустим его, но отправим гвардейцев следить за ним, — ответил капитан, собирая бульон со дна тарелки. — Нужно сделать это до вечера, пока хозяин экипажа ничего не заподозрил.

Ланс расстегнул сумку и достал крошечный предмет на нитке.

— Есть еще это. Пуговица, с которой помог Арденскельд.

— Арденскельд это?.. — подняла бровь лейтенант.

— Мой знакомый алхимик, — ответил капитан. — Он живет недалеко и помогает в мелких делах.

Лейтенант глянула исподлобья.

— Еще и алхимик, — словно передразнивая, спросила она. — Капитан Фарн, вы полны загадок. Какие еще звери водятся в вашем лесу?

Тут ее взгляд упал на пуговицу и она наклонилась ближе.

— Наемник, где ты видел пуговицу с одним отверстием?

Ланс слегка отпрянул. Пуговицы ведь пришиваются петлей через два, а то и четыре отверстия.

— Что же это тогда? — мотнул головой капитан.

Лейтенант мягким движением забрала нить из руки Ланса.

— Это так называемая «чешуйка». Видели чешуйчатую кольчугу? Идея такая же, только для платья. Эти блестящие штуковины нашиваются друг на друга снизу вверх.

— И что это значит? — спросил Ланс, представляя как такое платье будет смотреться на девушке, но в голову пришли только рыбы и змейки.

Лейтенант вздохнула с досадой.

— Это значит, наемник, что для поисков владелицы ты, увы, не подходишь. Для роли слуги нужен неотразимый, внимательный и воспитанный молодой человек.

Она медленно перевела взгляд на человека напротив.

— Я? — Рафир выпрямился на скамье словно ошестинившийся кот. — Но, я же... А кто будет играть госпожу?

Ланс подавил смешок, глядя на лицо лейтенанта. Их молчание сопровождал тихий стук ножа о разделочную доску.

— Я. Мне не нужно играть, — заявила она.

Выпрямив спину, лейтенант закинула ногу на ногу и сложила ладони на колене. Черты лица едва изменились. Но даже намек на улыбку, что подали ее губы и глаза, оказалось достаточно, чтобы превратить гвардейца в даму высшего сословия.

— Я из рода Лорик, — произнесла она голосом мягким и ровным. — Это не будет притворством. Я в любом случае

задолжала пару визитов к моим знакомым.

— Госпожа, — улыбнулся Ланс и склонил голову. — Мне тоже жаль, что не выйдет поработать с вами.

Лейтенант ухмыльнулась.

— Не расстраивайся, я найду способ. На одних поручениях ты не удержишься, гарантирую тебе.

Ланс отпил из кружки. Чем меньше оставалось напитка, тем сильнее ощущалась осевшая на дно сладость — он раскусил ягоду и она брызнула кислым соком на язык. Пытаясь разжевать косточку, он сказал:

— Насчет моего дела в Северном районе. Герт признался. Получается, нам не нужно выяснять, чем они с Сэвором там занимались?

Рафир поднял на него глаза, тоже пытаясь справиться с ягодой.

— Нет, мы должны выяснить все, — твердо ответил он.

Ланс мотнул головой.

— Но теперь это не нужно.

— Герт и Сэвор пробыли в городе несколько часов до случая на складе, — Рафир поднял бровь. — Тебе известно, как именно они успели взять поручение и в чем оно заключалось?

Ланс осел на лавке, опустив плечи. И ведь правда. Почему для связи Морлора и наемников понадобился кузнец Грар?

— Заказчик может быть владельцем экипажа, — продолжил Рафир. — Или может знать его.

— Это верно, — кивнул капитан. — К тому же, ты отсидел целый день в камере ради этого. Не стоит под конец бросать.

Ланс потер костяшками пальцев свой подбородок — короткая щетина кольнула кожу, впиваясь в маленькие трещинки. Он задержал взгляд на плече лейтенанта. Лорик... кажется, это семья, владеющая единственным белокаменным особняком в городе. Их дом сиял на солнце так же, как сверкает серебро на ее плечах. Ланс не часто видел это здание — какие дела могли быть у наемника в чистом и богатом Южном районе? И сейчас, сидя в своей старой поношенной куртке, он не мог ни понять, ни прочитать по ее лицу, с чего к нему такой интерес?

Из мыслей его выдернул ее звонкий голос:

— Пора за работу. Давайте поднимем мебель в кабинет. Сержант Иасан, найди плотника среди стражников, нужно заменить окно.

Поднявшись с лавок, они вышли во двор.

У входа в главное здание Ланс замер — мурашки поднялись от его подмышек к шее, когда он увидел огромную темную столешницу на резных ножках. Солнце согрело древесину, позволяя почувствовать слабый сладковато-терпкий аромат. Его мысли сами нарисовали белый лист бумаги и перо.

Тем временем, капитан и сержант подошли ближе, оценивая вес изделия. Они попробовали приподнять стол, но, судя по расширенным глазам, четырех рук могло не хватить.

— Мне кажется, что он не пройдет в двери кабинета, —

заметил капитан, обращаясь к Арвис.

— Распилите, — бросила она. — Из него можно сделать пару. Еще по две ножки приделать.

Взгляд капитана вернулся к столу. Он покачал головой и взялся за края. Ланс, глядя, как краснеют лица от усилий, с облегчением выдохнул — нельзя портить такое изделие.

— Я помогу.

Лейтенант поймала его за локоть и остановила.

— Ты будешь только мешать, — тихо сказала она с ничего не выражающим лицом. Только глаза выдавали в ней человека, что совсем недавно кривился от кислого напитка. — Даже если ты залезешь под стол, весь вес пойдет на того, кто идет по лестнице последним. Позволь им... самим с этим разобраться.

Ланс кивнул, глядя как капитан и Рафир поднимают стол, едва разгибая колени. Столешница вошла в двустворчатые двери и вместе со спиной капитана скрылась в тени.

— Как поднимут, мы поможем занести ящики. Будь здесь, — сказала лейтенант и взяла небольшую коробку.

Под затихающий хруст гравия под сапогами и грохот содержимого в ее руках, Ланс подошел ближе к привезенным из Цитадели припасам. Распахнув глаза, он рассматривал открытые деревянные ящики — даже в лавках, где он работал, не было такого разнообразия и качества. Бумага была не настолько белой как в его тетради, но такой же гладкой и с ровными краями. Чернильницы из металла и покрытой лаком

глины. Деревянный футляр.

Перья и ножи, — предположил он, надеясь, что под его взглядом крышка откроется сама.

Услышав приближающиеся шаги, Ланс отпрянул и обернулся. Лейтенант смотрела на окно кабинета.

— Думаю, они уже наверху. Начнем со шкафа, — сказала она и сразу взялась за боковые стенки.

К своему удивлению, Ланс не заметил, что ей хоть сколько-нибудь тяжело — лишь выступившие сухожилия на запястьях напоминали о прилагаемых усилиях. Поднимая очередную коробку, он не мог не подумать, что дочь маркиза Лорик таскает тяжести. Сама. Она даже не обернулась к стражникам, которые заходили в арсенал, не поручила работу им, не заставила наемника работать в одиночку.

Уже на втором этаже, перед дверью, Ланс положил руку на спинку стула, восстанавливая дыхание. Капелька пота зашекотала бровь. А лейтенант удостоверилась, что внизу ничего не осталось и промакнула лоб платком.

Из кабинета выглянул Рафир.

— Вы уже все занесли, — заметил он, сам весь в поту, осматривая коридор.

— Предлагаю пока оставить вещи здесь, — Арвис указала рукой на коробки, затем заглянула в внутрь. — Нужно сначала покрасить стены.

Пропуская Рафира на лестницу, Ланс тоже зашел в кабинет и окинул комнату взглядом. Бледно-зеленые стены в

дневном свете, измазанные сажей, напомнили ему представление на ярмарке — только здесь, вместо силуэтов кукол, стены покрывали жуткие очертания умершего пламени.

Капитан вытер рукавом шею и сказал:

— Лучше вечером, чтобы краска сохла ночью. А пока, я бы занялся отчетами.

Лейтенант обернулась к Лансу.

— Помоги капитану. Сегодня ты закреплен за ним. Я пойду отпущу Илзина.

Он кивнул и проводил ее взглядом. Его ладонь легла на теплое дерево, скользя по гладкой поверхности стола. В закрытом помещении аромат сандала стал ярче.

— С чего начнем? — спросил Ланс, глядя как капитан вносит два стула. — Предлагаю заполнить самые срочные отчеты. Вы помните, какие дела были важнее других?

Тот вернулся в коридор.

— Можем начать... — протянул он, доставая стопку бумаги. — Да, хозяйственные рапорты. Мы не получим провизию, если палата не увидит отчет по остаткам.

Пока капитан диктовал Лансу шаблоны, он подготавливал формы документов, расчерчивая поля. Освоившись, они начали заполнять бумаги всем, что капитан мог вспомнить: приоритетные маршруты для патрулей; список провизии, пока без количества; задачи для сержантов.

Ланс по опыту сообразил, какие бумаги куда отправятся — торговцы принимали свой товар по таким же накладным.

Незнакомыми были только отчеты по инцидентам и жалобам.

Они работали несколько часов, складывая рапорты отдельными стопками на край стола. Лейтенант так и не вернулась в кабинет, но заходил Рафир, чтобы оставить им кувшин с водой.

Ланс потянулся и зевнул, видя что капитан дописывает список своих стражников — адреса и имена родителей. Почти все поля заполнил.

— Капитан, вам нужно подышать пару минут, — заметил он, подойдя к окну.

Тот сказал что-то невнятное, быстро водя пером по бумаге, а Ланс улыбнулся, глядя на пронзительно ясное небо.

— Не верится, что через пару недель начнется Поступь.

У Объятий Свефнира осталось лишь полмесяца. Нужно выбрать, где переждать приход Глатариса. Может, в гильдии? Там будет людно — весело, но тесно. Ланс вспомнил прошлый год и поежился: запотевшие окна, вечный запах мокрой шерсти, скудный свет, что едва пробивался сквозь ледяную пелену... Нет, только не снова в гильдии. Попроситься в казармы?..

Ладонь капитана с хлопком приземлилась на стол.

— Я закончил, — он встал и потянулся так, что из него вырвалось мычание. — Теперь сержанты... Или гвардейцы займутся составлением расписания.

— Не хотите поесть?

Стук каблуков за дверью заставил их обернуться. Вошла лейтенант.

— Непорядок, капитан, — покачала она головой и указала пальцем в стену. Где-то за ней серебряная колокольня отбивала часы. — Время обеда, а вы не идете. Распорядок нужно соблюдать.

Ланс выпрыгнул из-за стола и усмехнулся.

— Уже идем. Как раз закончили.

— Вообще... Ну ладно, — Эвальд поправил листок и кивнул.

Лейтенант осмотрела стол, кивнула сама себе и повела их в столовую.

Ветер на улице попытался сдуть тепло, что оставило во дворе солнце за первую половину дня. Но у него не вышло.

— Я отпустила Илзина, — отчиталась лейтенант и ступила внутрь здания, перекрикивая гам от собравшихся стражников. — Мой гвардеец, сержант Миквард, переодетый разумеется, уже отправился за ним.

Они сели за утренний стол. Ланс оглянулся — все столы были заняты, но этот почему-то был свободен.

Присаживаясь, он зацепился штанами за скамью.

— Вы начали наблюдение? — спросил он. — Значит, вы с Раф... сержантом Иасаном завтра начнете искать платье?

Арвис покачала головой, взмахивая ложкой.

— На светские встречи нельзя являться, когда вздумается. Нужна подготовка, — она повернулась к капитану и на-

правила ложку на него. — Я одолжила вашего стражника. Он понес письмо в Гард семьи Лорик, чтобы мой дворецкий подготовил все необходимое. Стражник может задержаться, поэтому уведомляю вас.

Капитан кивнул ей, а затем, видимо, заметив то же, что и Ланс, — чернила на тыльной стороне ее ладони, — спросил: — Вы работали здесь? Почему не поднялись в кабинет?

Лейтенант махнула головой в сторону зала — стражники ели, гремели посудой и смеялись.

— Шум помогает сосредоточиться.

Капитан не стал с ней спорить. Он тихо доел свой обед, начал уже вставать, как к нему кто-то обратился.

— Капитан! Хорошо, что вы здесь.

Взгляд Арвис метнулся на говорящего. Мальчишка в мантии на пороге. Это алхимик? Она навоображала себе старца с кожей, зеленой от бесконечных едких паров, а этот бледный юноша еще не успел окраситься в свое ремесло.

Капитан пригласил его сесть за стол.

— Меня зовут Арденскельд, — алхимик протянул руку Арвис. — О! Ланс, и вы здесь.

— Лейтенант Арвис Лорик, — привстав, она пожала тонкую бледную ладонь.

Алхимик присел, открывая сумку. Стеклобаночки внутри звякнули друг об друга.

— Я принес вам чай, — сказал он и протянул банку с перевязанной крышкой капитану. — Подумал, что вы не вер-

нетесь домой еще несколько дней.

Домой? Значит, Эвальд держит алхимика при себе.

Капитан принял банку и поблагодарил алхимика. Арвис бегло осмотрела травы, из которых состоял чай.

— Что это за трава? — указала Арвис на коричневую звездочку, в лучах которой лежали семена. — Я вижу золотой корень, мяту, тысячелистник. Но эту не узнаю.

— Звездный анис, — улыбнулся алхимик. — Я добавляю его в смесь, чтобы аромат дольше держался. Он растет на юге, в Вальдорф добирается долго.

Капитан протянул ей банку. С позволения она открыла ее и поднесла к лицу. Уютное облако окутало Арвис древесным кисло-сладким ароматом. Она принюхалась — за плотной пряной пеленой до нее донесся охлаждающий ветерок.

— Могу попробовать? — спросила Арвис, сетуя, что отказалась от предложения капитана в свой первый день.

— Конечно, я сейчас все принесу, — Эвальд встал и пошел за чайником.

Арвис протянула банку Лансу.

— Ты знаешь для чего эти травы?

Наемник нахмурился, разглядывая золотистые кругляшки и мелкие серые листья, затем взял двумя пальцами круглый сушеный корень.

— Такое я не собирал, но, кажется, это успокаивающий чай.

— Золотой корень — бодрящее средство, — пояснила

Арвис. — Если нужны силы, а сон не вариант — ищи его.

Она довольно кивнула, глядя, как Ланс достал тетрадь и записал ее слова.

— А вы много знаете, — Арденскельд спрятал руки в мантии. — Госпожа Арвис...

— Лейтенант.

— Да, лейтенант... простите, — он отвернулся, словно в поисках Эвальда. — Так вот, лейтенант, не думал, что гвардеец будет увлекаться травничеством.

Арвис выпрямила спину, положив ладони на стол. Шум в зале стихал — стражники закончили обедать и возвращались к работе.

— В определенный момент я нуждалась в этом знании. Оружием может быть не только сталь в руке.

— Вот оно что, — ответил алхимик и поерзал на стуле. — Я подумал, что вы увлекаетесь.

Арвис встретила с ним взглядом.

— Я не слышала о тебе. Чем ты занимаешься? Почему решил приехать в Вальдорф?

— В этом городе свободно, — протянул Арденскельд. — И я могу получать материалы прямо из рудников.

Она едва прищурилась. Алхимик изучает руду. Ответ скромный и не полный, хотя... руду можно изучать по-разному.

За его спиной показался Эвальд, ставя четыре кружки на стол. Кипяток полился из чайника. Арвис отвлеклась от ал-

химика, забирая свой чай и вдыхая аромат, иной, нежели из банки: сначала тяжелый и смолистый, затем освежающий как только сорванная трава. Арвис подняла кружку выше и услышала последнюю ноту — нежная прохлада мяты, окутанная сладким кружевом звездочки со дна банки. Это был суровый аромат, но до трепета живой. Так пахнет прогулка по горному склону с вековыми деревьями в прохладный день.

— Подходит к имени, — пробормотала Арвис и попробовала горячий напиток.

— Что? — переспросил Ланс, тоже взяв свою кружку.

— Это я так, — бросила Арвис и перевела взгляд на алхимика. — С какой целью ты изучаешь минералы?

— Целью? — Арденскельд почесал бровь. — Скорее... ради исследования. Даже обычные камни, в разных формах — пыли, например, в составе раствора, — могут быть лекарствами или...

— Но ты не знаешь от какой болезни? — Арвис подула в кружку, чтобы отогнать от края заварку.

Эвальд, прищурившись, посмотрел на нее, затем на Арденскельда.

— Это верно, — улыбнулся алхимик. Его плечи, как рычаги колодца, пришли в движение. — Но я не занимаюсь лекарствами. Свойства энергии руды куда ценнее и интереснее.

Локти Арвис дернулись, но чай в кружке остался спокойной гладью. Тихим спокойным тоном она заметила:

— Я знаю, что извлекать пользу из руды можно только

переплавкой.

— Не только, — Арденскельд энергично закивал. — Например, я пытаюсь воспроизвести безопасное свечение желтой кристаллической руды.

Арвис перевела взгляд на Эвальда, который спрятал лицо за ладонью. Ланс прекратил дуть на чай и посмотрел в возникшую тишину.

— Какой руды? — все так же тихо, но с отзвуком серебра спросила она.

— Это безопасные исследования, — начал Эвальд, закрывая одной рукой Арденскельда. — Проблем не возникало. Он всегда берет много инструментов, прежде чем что-то делать.

Арвис отпустила кружку и стукнула ладонью по столу.

— Капитан Фарн. Вы понимаете, кого пустили в свой дом?

На улице, за дверью, слышался крик, — приказ или ругань, — но недостаточно громкий, чтобы кто-то из них обернулся.

— Понимаю, лейтенант, — ответил капитан. — Я понимаю и опасность, и пользу. Но общая ценность в его случае, больше чем риск.

— Тогда, — она выдержала паузу, — Это полностью под вашу ответственность.

Мальчишка играет с силами Распада. Однако, капитан, видимо, знает его не первый месяц. Вероятно, алхимик и правда не переходит черту. Она могла бы сейчас же пота-

щить его к Блюстителям, но... Арвис лишь вздохнула и отметила в мысленной карте гарнизона вероятную точку кризиса.

От чая ее отвлек голос алхимика:

— В исследованиях я не раз находил занятные способы...

Арвис дернула бровью.

— Ты играешь с еретической сутью для... забавы?

Ответный взгляд Арденскельда вдруг стал таким же твердым и пронзительным, как и ее собственный. Он вынул руки из под складок мантии.

— Это не игра, — заявил он. — И не обязательно всегда решать задачи. Я знаю о своем ремесле больше, чем написано в догмате.

Эвальд встал со скамьи, забирая свою кружку.

— Лейтенант Лорик, я заберу Ланса и мы вернемся к отчетам.

Она кивнула, не оборачиваясь. Капитан и наемник вышли из столовой, по пути поглядывая на них.

— Догмат был написан задолго до твоего рождения, — твердо сказала Арвис. — Границы знания очерчены не просто так. Я могу прямо сейчас отвести тебя в Доминиум.

Алхимик хмыкнул.

— И тогда мир не узнает, что ножом можно не только порезаться, но и заточить перо.

Она отпрянула. Глядя на него, она не столько пыталась внять аргументам, сколько осознать масштаб его одержимо-

сти.

— На пути развития всегда стояли препятствия, — начала Арвис. — Они помогали видеть слабость, неподготовленность. Препятствия помогают ставить верные цели и решать их. Но ты исследуешь. Любопытство, в лучшем случае, убьет только тебя, а в худшем...

Арденскельд нахмурился, качая головой в стороны.

— Свет знания прописан в догмате так же, как и запреты. Вас послушать, так Корректоры и Цензоры сами еретики! — он сделал паузу и понизил голос. — Стремление к знанию — тоже служение Архитектору. Нет вреда в том, чтобы пытаться сделать опасное безопасным.

Арвис отвела глаза от сердитого алхимика. Столовая совсем опустела — от того, что все закончили есть, или от их спора, лишь пара стражников сидели в дальнем конце и тихо о чем-то говорили.

Она поднялась со скамьи, глядя на Арденскельда сверху вниз.

— Я не согласна. Но капитан Фарн тебе доверяет — значит, считает полезным. Надеюсь, ты не сожжешь его очередной ядовитой вспышкой.

Глава 9. Уязвимость

Светская беседа — это вино, в котором яд сплетни не имеет вкуса. Если пьешь, то оставайся трезвым, дабы извлечь истину, не отравив свой разум.

— Из учения «О воспитании добродетели»

Заря следующего дня осветила уже полностью восстановленный гарнизон. Лейтенант Лорик переняла командование у капитана, оставив того вместе с наемником Лансом заниматься бумагами.

Доклады гвардейцев о передвижениях Илзина не менялись, а подмастерье кузнеца Грара так и не прибыл с новостями. К началу второй половины дня, когда небо укуталось в легкое одеяло из серых облаков, гарнизон еще не ждал вестей.

Рафир зашел в ныне яично-белый кабинет, где легкий запах льна и мела напоминал о проделанной вечером работе. Шершавая, чуть прохладная поверхность стены сама просилась под ладонь, но он сжал пальцы.

Нет, может остаться след — незачем портить.

Он положил на стол бумаги, которые заполнял с самого утра. Стражники повторили ему то, что говорили еще в начале службы: возраст, умения, квартал проживания. Наемник, что сейчас вычерчивал линии за столом, помог правильно

записать адреса. Вдвоем с капитаном они продолжали методично заполнять отчетность и готовить ее к отправке в Цитадель. Они не подняли голов, и Рафир не стал обозначать свое присутствие — лишь убедился, что кружки с чаем, которые он принес утром, почти пусты, и сразу направился к выходу.

Дверь распахнулась у него перед носом. За ней появилась лейтенант, держа в руках вскрытый конверт.

— Сержант! Чуть не ударила вас.

Она прикрыла дверь и похлопала Рафира по плечу. Ее извинительное прикосновение ритмом осталось под ухом — простого слова хватило бы.

— Есть новости? — услышал он голос капитана за спиной.

— Есть, — кивнула лейтенант. — Пришел ответ на мое приглашение. Мы немедленно отправляемся. Я забираю сержанта Иасана на весь день.

Наемник поднял голову, слегка приоткрыв рот.

— Я все еще думаю, что для вашего статуса одного слуги мало, госпожа.

— Тебе уже надоело заполнять бумаги? — поднял бровь капитан.

— Нет, что вы, капитан... — наемник поджал плечи. — Я подумал... Это шутка.

Рафир заметил, что уголки губ капитана и лейтенанта слегка подрагивают. Шутка, но... идея о том, чтобы поменяться, показалась ему хорошей. Наемник выглядит чисто

и опрятно, его речь вежливая без ругани, он внимателен и общителен. Но сержант стражи не станет спорить с гвардейцем. Рафир поправил форму — сегодня без доспеха поверх.

Лейтенант повернулась к наемнику и подняла палец.

— Я обещала, что возьму тебя на другое дело, потому не отвлекайся, — затем обратилась к Рафиру. — Для начала, мы отправимся в Гард Лорик, подготовимся к вечерней встрече. Бери плащ и готовь лошадей.

Он кивнул и, выйдя на улицу, пошел к конюшне. Погладив лошадь по морде, он поправил уздечку. Непривычная легкость движений в одежде без нагрудника отдавалась неловкостью — невесомое седло чуть не улетело прочь, когда он перекидывал его через спину лошади.

Рафир вздохнул, понимая, что на этом перемены сегодня не кончатся — слуги не носят серую форму стражников, значит лейтенант что-то для него приготовила.

Лейтенант тихо подошла со спины, звякая содержимым сумки. Он обернулся на звук и осмотрел ее: все серебряные украшения были отстегнуты, осталась только белая форма с накидкой на плечах.

— Отправляемся, — скомандовала она и запрыгнула в седло.

Он поставил ногу в стремя и поднял глаза на кабинет. В окне наемник, глупо улыбаясь, махал рукой. Рафир ответил коротким кивком и выехал со двора.

Они приблизились к реке, пересекли мост, и лейтенант,

еще до рынка, повернула направо к улице у рва Цитадели. Рафир лишь кратко оглянулся на дом, в окнах которого блестя спаянные свинцом стеклянные осколки.

Плащ плотно закрывал от ветра, но его все равно проняла дрожь. Ладони, что сжимали поводья, слегка вспотели, несмотря на прохладу и свежесть. Он посмотрел на лейтенанта. Она не проронила ни слова за весь путь, лишь хмурилась и играла желваками, словно спорила с кем-то.

Серые улицы Восточного района с маленькими окошками и серой каменной кладкой сменились простором Южного района.

По правую руку черный провал раскрыл свою бездонную пасть, а по левую — разделенные ровными ухоженными аллеями, по которым гуляли ярко одетые люди и холодный ветер, стояли здания из желтого песчаника и красного кирпича. Аккуратное трехэтажное строение с покато́й крышей, в котором коллегия врачей заботилась о больных, — со множеством узких окон, мощеным двориком, журчащим питьевым фонтаном и небольшой теплицей, укрывающей лекарственные растения, — было уже знакомо Рафиру. Знал он также и большую стоянку для наемных экипажей, где кучеры курили трубки в ожидании заказов, огороженную лишь подстриженными пихтами, и узкую улочку, где стояли сплошь одноэтажные лавки с товарами, вроде алхимических настоев и богато оформленных книг, недоступных простому горожанину.

Доехав до моста Стальхогг, маневрируя между гремящими каретами, лейтенант повернула влево на проспект, что ровной вертикальной линией, прерываясь лишь в центре, рассекал Южный район пополам.

Здесь Рафир бывал гораздо реже, поскольку у сержанта Восточного гарнизона не могло быть дел в квартале титулованных аристократов, где особняки, казалось, из-за размеров плотно прижимались друг к другу. Однако, между высоких стен с большими окнами было достаточно пространства для прогулочных садов с плодовыми деревьями и серыми изящными статуями, или широких конюшен, служащих домом для породистых скакунов, а также псарен, откуда доносился довольный лай. Или уютных ротонд, чьи купольные крыши подпирали витиевато-украшенные колонны.

Фонари вдоль дороги и аккуратные деревья, что росли в городе только здесь, уже давно сбросили листья, подставляя ветру колючие голые кроны.

Прямой проспект прервался большим парком, объехав который, лейтенант повернулась к Рафиру:

— Это мой дом, Гард Лорик. Добро пожаловать, сержант.

Впереди он увидел двор без ворот и особняк из белого камня, такого же белого, как и гвардейская форма. Огромная прямоугольная территория, к которой с четырех сторон подходили прямые дороги, без деревьев, статуй и фонтанов.

Белое сердце Южного района.

Рафир повернулся всем корпусом, оглядываясь на черно-

ту стен Цитадели и пронзительный блеск серебряного шпилья. Каково это — жить в доме, в котором, глядя из окна, видишь широкий парк и нависшую над ним древнюю тень?

Он пролистал в голове свои действия за весь срок, что лейтенант была в гарнизоне, — ничего оскорбительного, — кивнул сам себе и пришпорил лошадь.

Подошвы глухо приземлились на мощеную поверхность. Рафир постучал носком сапога о край камня — тот не шевельнулся.

К ним подошел мужчина в черной ливрее. Волосы, скрашенные сединой у висков, открывали ровное, ничего не выражающее лицо. Его рубашка выглядывала из-под черного края белым воротом и тонкими краями ткани у запястий. Слуга забрал поводья и отвел лошадей.

— Сержант, вы можете расслабиться.

Рафир впервые услышал голос лейтенанта, звонкий и поставленный, не посреди серого двора гарнизона или маленького кабинета, но в просторе и прохладе одинокого пространства. Ее тон смягчился, а серебряный тембр влился в свежий воздух и рассеялся в холодном ветре.

Он, как и многие, никогда не был в Гарде Лорик. Только проезжая мимо, направляясь в Цитадель, он мог издали любоваться гладким серым конусом крыши, над центральной частью, резным парапетом на крыльях, напоминающим, что здание некогда было крепостью. Но никогда прежде не подходил к нему так близко.

Они поднялись по чистым ступеням, мимо гладких колонн, молча хранящих покой хозяев, и вошли в особняк. Зрение Рафира на мгновение подвело его в четкости картинки. Много света и тепла, темных цветов, ароматов теплого воска и сладко-острый запах корицы. Но чем больше он всматривался, тем больше видел — роскошь здесь была не ради роскоши. Пол и стены были из того же белого камня, что и сам Гард. Деревянные перила, занавеси ночной синевы были исполнены в глубоких оттенках, воспринимались строго, цельным полотном. Никаких дополнительных деталей вроде узорного края или витиеватых острых окончаний, подставок с вазами или парадных доспехов. Ничего. Только двойная лестница, изогнутые рукава которой словно звали в объятия, казалась чрезмерной. Рафир подчеркнул для себя одно слово, которым мог бы описать замысел — сдержанность.

Лейтенант повела его сквозь тяжелые серые двери в большой зал слева, где основными цветами были зеленый и золотой. Она обернулась на него и Рафир заметил в ее взгляде какую-то искру, но лейтенант лишь сказала:

— Присядь и подожди, — указала она на два дивана в центре комнаты. — Гримстейн отведет тебя освежиться и переодеться.

Рафир кивнул, проводив ее взглядом. Путь к дивану преграждал столик. Из стекла. С металлическими ножками и рамкой для хрупкой столешницы. Рафир мог рассмотреть

сквозь прозрачную поверхность изображение на ковре — зеленые лозы с золотыми гроздьями на черном фоне сплетались в почти движимый узор.

Он тряхнул головой и присел на мягкое сиденье. От странства и тишины в ушах начало звенеть. Где же слуги? Особняк лейтенанта, вероятно, превосходил размерами весь Восточный гарнизон. Для уборки таких больших помещений нужно много людей — тех, кто не сломает и не испортит дорогие ткани и редкую древесину. Однако, пока Рафир видел только мужчину, который не дал отвести лошадей в стойло.

Дверь в зал распахнулась и показался дворецкий.

— Господин, позвольте проводить вас наверх.

Его волосы не шелохнулись при поклоне, а на черной ткани не осталось складок, когда он выпрямился. Рафир последовал за ним, стараясь не отвлекаться на серебряные светильники на стенах. Дворецкий отвел его в комнату на втором этаже.

— Ваша одежда на кровати, — говорил он, сопровождая каждое слово указанием. — Чаши с водой на столике с зеркалом, полотенца — в выдвижных ящиках, используйте сколько потребуется. Вам понадобится моя помощь, господин?

Рафир, выстроив последовательность из предметов, поблагодарил дворецкого. Тот поклонился и вышел, тихо прикрыв дверь.

Пальцы слегка дрожали, расстегивая пуговицы куртки, затем рубашки. Потухшая печь молча наблюдала за мурашка-

ми, что покрыли его тело. Сняв одежду и обувь, он проверил на ощупь воду в обеих чашах. Теплая. Но после касания воды в первой на пальцах словно осталась скользкая пленка, словно в ней растворили мыло. И запах от нее поднимался не как от обычной воды — как если бы цветочную пыль ветром подняло с дороги. Рядом с чашей он нашел мягкую губку и окунул ее в мыльную воду. Начав с лица и шеи, он старался прежде отжать влагу, чтобы ручейки не залили деревянный пол. С каждым новым движением он словно смывал с кожи самого себя, покрываясь кем-то другим, кем-то, пахнущим не дежурствами и расписаниями.

Рафир глубоко вдохнул, стараясь привыкнуть. Дрожь пробрала тело сильнее, но тут же отступила — аромат встроился в цепочку. Для выполнения задачи требуется перевоплощение. Здесь нет противоречия. Чтобы маскировка подействовала, одной одежды недостаточно — человек имеет пять чувств.

Когда пушистое полотенце забрало остатки влаги, взгляд упал на край кровати — на костюм с рубашкой. Рядом была небольшая круглая баночка с пудрой. Записка рекомендовала нанести содержимое на кожу под руками, чтобы лишняя нервозность кислым запахом пота не разрушила роль.

Рафир исполнил рекомендацию, а после начал одеваться под легкий аромат хвои и мяты. Мягкий хлопок приталенной рубашки быстро согрелся от тепла тела, черная шерсть неприлично узких штанов ни разу не уколола кожу.

Поверх рубашки он надел короткую ливрею, к ее нагрудному кармашку была приколата брошь — единственное украшение на гладкой черной ткани. Это была веточка растения, с которой свисала гроздь какого-то цветка. Рафир даже присмотрелся к множеству фиолетовых камешков, инкрустированных в мелкие, похожие на мотыльков, цветы. Глициния, кажется.

С щелчком застегнутого ремня в дверь раздался тихий стук.

— Войдите, — ответил Рафир.

Послышался шорох ткани и стук каблуков.

— Идеально. Я бы сказала, что тебе костюм идет больше, чем форма стражника. Если, конечно, ты не оскорбишься на подобное.

Рафир обернулся и увидел лейтенанта.

Нет.

Перед ним стояла госпожа Лорик. Ее белая форма сменилась небесно-голубым платьем. Строгий гвардейский зачес распустился, и на плечи ниспадали пшеничные волосы, уложенные волнами. Корсаж плотно облегал талию, переходя в юбку, собранную в крупные вертикальные складки.

Арвис улыбнулась. Тонкие серебряные цепочки на открытой линии плеч дрогнули в такт шагам. Она сложила покрытые рукавами до локтя руки перед собой и осмотрела его.

— Вы заметно изменились, лейтен... госпожа.

— И ты, Рафир. Можешь порой ошибаться и называть ме-

ня просто Арвис. В свете привыкли, что семья Лорик хорошо относится к слугам.

Рафир кивнул, выдыхая, и последовал за ней. Они спустились и вошли уже в другую большую гостиную. Алую. Комната с белыми стенами была поделена на функциональные зоны: слева у камина грелись два кресла и диван, у дальнего конца расположились аккуратные шкафы из темного дерева, на полках которых блестела посуда, а справа у окна, открывающего вид на Цитадель, находился большой обеденный стол. На белой кружевной скатерти уже стояли тарелки, а пустые фарфоровые чашки ждали, когда дворецкий выйдет из тени, поднесет чайник и позволит им угостить хозяйку дома.

— Присаживайся здесь, — указала Арвис на стул слева от себя. — Сейчас нужно поесть. В гостях у Сендис ты мог бы перекусить вместе со слугами, но мне нужно твое внимание на встрече с ней.

Прежде чем сесть, он задержал взгляд на том, как дворецкий помогает со стулом госпоже. Она заметила его напряжение и слегка улыбнулась.

— Пока не обращай внимание на этикет. Я прослежу, чтобы ты не попал в неловкую ситуацию.

Рукой она обвела стол и Рафир перевел взгляд на блюда: суп в блестящей металлической кастрюльке, треугольники поджаренного белого хлеба, нарезанное тонкими ломтиками мясо, — все знакомые продукты. Нужны только вилка и ложка, чтобы съесть это.

Он позволил телу расслабиться на стуле, вдыхая ароматы еды.

— Приятного аппетита, — промолвил дворецкий, не нарушая шелковую тишину.

Чашки наполнились золотистым чаем, тарелки — густым кремовым супом из тыквы. Арвис не поднимала глаз от тарелки. Ее руки, вооруженные вилкой и ножом, собирали сложную конструкцию: на острые зубцы она нанизывала салатный лист, ломтик мяса, сыр и хлеб, краешком смоченный в супе. Рафир, прежде не видевший, что суп можно есть вилкой, решил последовать ее примеру. И не пожалел — вкусно и... эффективно? Он мог попробовать разные сочетания, видя, что Арвис не старается следить за каждым движением его приборов.

В конце обеда дворецкий с тихим звоном собрал посуду на стальную тележку и ушел, подчиняясь едва заметному кивку госпожи.

Рафир держал чашку с чаем за стенки, кончиками пальцев. Тонкий фарфор уже не обжигал кожу, а движения привыкли к усилию — достаточному, но не чрезмерному.

— Как тебе еда? — Арвис сделала глоток и поставила чашку на блюде.

— Очень вкусно, спасибо.

Она кивнула с улыбкой, сложила пальцы домиком и начала:

— Есть несколько правил, которые тебе следует соблю-

дать. Дистанция уже вписана в каждый твой шаг. Это хорошо. Однако, обгоняй меня, если нужно открыть дверь. И... старайся не встречаться взглядом со мной или с кем-либо еще — голова всегда должна быть немного опущена.

Рафир кивал, мысленно повторяя эти движения. Рябь на поверхности чая подбадривала его, касаясь стенок одинаковым ритмом.

Арвис взглянула куда-то вверх.

— Что еще... Основные обязанности: подать руку при выходе из экипажа, снять с моих плеч накидку, — это, думаю, понятно.

— Да, спасибо за урок.

— И главное, — Арвис подняла оба указательных пальца. — Стойка смирно отменяется. Ты должен стоять ровно, но расслабленно. Мы идем не штурмовать, — она качнула головой в сторону, закатив глаза. — Не буквально.

Она продолжила наставлять сержанта, каждым словом снимая пластинки дисциплины, что прежде были впаяны в его суть. Под ней начинала проступать черная ткань, блестящая и гладкая. Пока Рафир старался запомнить правила, его тело заполнял почти недоступный ранее азарт.

Он допил чай и поднялся со стула. Форма определяет слугу, но не служение — верность не шьется по мерке портного.

Подходило время встречи, наемный экипаж уже был подан. В прихожей он помог Арвис надеть меховую накидку, после чего они вышли на улицу.

Стук колес слегка покачивал карету. Рафир сидел спиной к передней стенке, напротив Арвис, держа на коленях сумку, что она передала ему при отправлении.

Она задумчиво потерла пальцем мутное стекло небольшого окна и тихо произнесла:

— По правде говоря, твое присутствие сегодня не требовалось.

Рафир оторвал взгляд от цепочки, на которой держалась сумочка. Арвис спокойно продолжила, отвечая на его немой вопрос:

— Это не первая вылазка. Мы с тобой будем добывать информацию и от хозяев, и от слуг. Без сильной репетиции тебя бы выдала строгая выправка. Встреча с Сендис позволит провести такую репетицию сравнительно безопасно.

Рафир кивнул и повел плечом, чтобы поправить рубашку. Его тело уже привыкло к мягкой ткани костюма.

— Кстати, о выправке, — Арвис повернулась к нему. Взгляд ее голубых глаз отличался выражением от того, что обычно льдом пронзал пространство. — Я заметила, что гарнизон для тебя — это не просто служба. Ты привязан к этому двору, к отчетам. Как ты стал стражником?

Цепочка на сумке звякнула, когда колесо кареты попало на кочку. Для Рафира ответ всегда был очевиден, но не сформулирован — никто и никогда не задавал ему прямого вопроса.

— Как и все. Обучение длиной в год и направление в гар-

низон, — последовал его ответ.

Арвис приподняла брови, явно ожидая продолжения.

— Моя служба началась с патрулей и черной работы, — произнес Рафир, перебирая пальцами блестящие звенья. — Я понял тогда... понимаю и сейчас, что кто-то должен этим заниматься. Не знаю, какой ответ вы ждете.

Платье зашуршало складками, когда Арвис устроилась удобнее. Он поднял голову и заметил, что уголки ее губ дрогнули в слабой улыбке.

— Мой случай немного иной. За своей работой я поняла, что не всякая задача стоит усилий.

Рафир попытался прочесть эмоции на ее лице, но наткнулся на непроницаемую маску вежливости и легкой усталости.

— Вы ведь охраняете самых влиятельных людей Вальдорфа. И ваше положение в шаге от вершины командования.

— Вершины, да, — усмехнулась она.

Но без злобы. С грустью? Что-то в тоне ее голоса отличалось от привычной уверенности.

— Что насчет тебя? — спросила она. — Каким ты видишь свое будущее? Уверена, капитаны Синдриан, Хеймберт и Регинальд уже пытались переманить тебя в свои гарнизоны. Возможно, даже старик Азмунд... Почему ты с Эвальдом?

Почему? Рафир слегка нахмурился. Но... Это ведь Восточный район. Капитан кует порядок на улицах уже десять лет. И пять из них Рафир был рядом, чтобы... выполнял свой

долг, организуя работу гарнизона, составлял расписания патрулей, отправлял дозорных. Заваривал капитану бодрящий чай по утрам, следуя указаниям Арденскельда.

Рафир уверенно поднял голову, опуская ладони на сиденье, и четко ответил:

— Я бы не нашел там своего места. Аристократы и так под защитой гвардии. Поля кормят город, но я бы не смог терпеть отношение капитана Ангвиса к фермерам. Сердце города — его люди. Стражник прежде всего обязан защищать жителей.

Арвис тихо рассмеялась, глядя в окно.

— Чаще всего от самих себя.

Рафир тоже не сдержал улыбку, опуская голову и глядя на блестящие украшения на сумке. Он вдруг заметил, что цепочка была сплетена удивительно прочно, звенья одинаковые. Мастер выполнил свою работу качественно.

Их разговор прервался, когда кучер остановил карету.

— Прибыли, госпожа, — послышалось снаружи.

Рафир вышел первым, подавая Арвис руку.

— Дом Сендис из рода Сьерхолт, — объявила она, указывая на особняк, сильно уступающий размерами Гарду Лорик. — Они занимаются изготовлением и продажей стекла. В зеленой гостиной ты видел стол, ее подарок.

Рафир шел позади Арвис, сдерживая шаг, рассматривая композиции из камней и увядших растений во дворе. У входа в дом их встретила служанка и проводила внутрь.

И тут Рафир понял, зачем нужна была подготовка. Не одежда и обед, нет. Дом Сьерхольтов словно старался перекричать богатством строгую красоту и величие белого Гарда. Взамен доминирующего и акцентного цвета в доме лейтенанта, в этой прихожей каждая стена походила на цветочную клумбу. И каждый цветок, будь то картина, ваза или просто штора, не уступали позолотой даже друг другу.

Рафир тряхнул головой, уставившись в пол. Арвис тихо прочистила горло и он расслабил плечи.

Послышался частый стук каблуков и из левого зала выбежала светловолосая женщина. Ее желтое платье как шерсть очень пушистого зверька вздымалось от каждого движения.

— Ах, Арвис! — ее голос щебетанием наполнил зал. — Выглядишь изумительно! Я знала, что ты забудешь меня, стоит только представить тебя графу Хальдрану.

Они взяли друг друга за плечи и обнялись.

— Сендис, ты же меня знаешь. Как бы я променяла твои товары на ворчание старого... графа.

— Язва! — расхохоталась госпожа Сьерхольт. Она всматривалась в лицо Арвис и улыбалась, затем повернулась к Рафиру. — А вот и... кхм, это у нас что за прелесть? Арвис, ты решила уйти со службы? Не припомню слуг подле тебя.

Рафир, не отрывая взгляд от пола, невольно сделал шаг назад.

— Гримстейн не справляется один. Пока я смотрю за домом, решила, что лучше найти ему помощника, — она под-

няла ладонь представляющим жестом. — Рафир. Талантлив и умен, но несколько невнимателен.

— Талантлив и умен? — весело хмыкнула Сендис.

Он почувствовал, что взгляд госпожи Сьерхолт задержался на его лице, но он не поднял головы в затянувшемся молчании.

— Что же это я, — хозяйка дома взялась за платье и пропела. — Приглашаю к ужину! А иначе госпожа Лорик сочтет меня невоспитанной особой и больше не удостоит визитом!

Рафир помог Арвис снять меховую накидку, после чего они проследовали в обеденный зал.

— Когда я получила твое письмо, тут же приказала приготовить стеклянные десерты! — Сендис вскинула руки, заходя в зал.

— Фигурки из карамели, — прошептала Арвис, видимо, чтобы Рафир не подумал лишнего.

Он помог Арвис сесть, пытаясь представить эти сладости, затем отошел на почтительное расстояние к камину, встав рядом с дворецким и служанками.

— Где же твой муж, Сендис? — начала Арвис, ожидая, пока слуга дома подаст первое блюдо.

— Там же, где и твои отец с матерью, уехал в столицу. Я не увижу его до Кведилиса, — махнула рукой Сендис и отпила вино из бокала. — Как снег сойдет, вернется. Наверное... Эти его новые каналы торговли через юг... Я говорила ему направлять товары за море, в Империю.

— Разве вы страдаете от недостатка нумма? — Арвис тоже сделала первый глоток.

— Нет, конечно! Мы даже купили приличный дом в столице. Но попробуй ему докажи.

Слушая, Рафир наблюдал за салатом, который хрустел под вилками. Он узнал зелень, но никак не мог распознать алые ягоды.

Внезапно раздались хлопки в ладоши.

— Раз уж ты здесь, дорогая, ты обязана поделиться своими планами! — сияющая розовощекая Сендис улыбалась Арвис. — У меня собралось столько книг, которые я хотела бы с тобой обсудить. Как твоя служба?

— Ничего знаменательного, — вздохнула та в ответ. — Большая часть знати уехала зимовать в теплые земли. Охранять особо некого — мне осталось только проверять дозорных на черных стенах.

Хозяйка дома покачала головой, исподлобья глядя на собеседницу.

— До сих пор не могу поверить, что ты закопала свои амбиции, не подписав назначение.

Рафир сложил ладони на животе, напоминая себе, что детали жизни Арвис его не касаются, и сосредоточился на звуках, что издавали вилки.

— Ничего я не закопала, — ответила Арвис после паузы, в которой он не заметил ни еды, ни вина. — Я стремилась к влиянию, а не к званию.

— Это верно, влияния у тебя более чем достаточно, — кивнула Сендис, понижая тон на лиственный шепот. — Все эти беспорядки из-за новой таможенной системы... Я, конечно, натерпелась, глядя в окно на эти толпы, — тут она гордо вскинула голову. — Если бы все оформляли декларации правильно, как моя семья, ввод системы вообще не повлиял бы на жизнь города. Когда уже это закончится?

— Уверена, городская стража со всем разберется, — ответила Арвис.

За фразой последовала снисходительная улыбка. Рафир старался не поднимать голову часто, но в краткий миг заметил, что Сендис поджала губы. Она хотела услышать подробности?

— Кстати, про тех, кто остался, — прищурилась она. — Граф Вельмон совсем потерял приличия.

— Он же совсем недавно в качестве главы семьи, — мягко заметила Арвис. — Титул достался ему с потерей отца.

Вилка в руке Сендис вонзилась в мясное жаркое, издав глухой стук.

— О, перестань! Ты же знаешь, что он носитя со своим наследником. Но кто хоть раз его видел? Лискор богат и влиятелен, не спору, но искать невесту для сына, которого не хочешь показывать...

— Я ничего не слышала про наследника, — удивленно произнесла Арвис, скрипя ножом по тарелке. — Что же это за жених с состоянием, но без лица?

Они вдруг рассмеялись, запивая шутку вином. Рафир, недоуменно нахмурившись, старался следить за нитью разговора. Однако, богатые наследники, беспорядки на улицах и книги пока не вели к чешуйчатому платью. К чему столько слов, если лейтенант могла в письме спросить у знакомых адрес и имя портного?

Голос Арвис вывел его из размышлений.

— Я слышала, что Северному району тоже досталось. Ваши мастерские не пострадали?

— Капитан Хеймберт пообещал мне, что лично проследит за сохранностью собственности Сьерхольтов. Но я все равно переживала! Не было никакого времени подготовиться к балу в Миркдагар!

Речь про бал. Может сейчас они заговорят и про платье?

— Ох, еще и Безвременный бал! — тяжело вздохнула Арвис, опуская приборы на стол. — Я совсем забыла о нем. И не вспоминала бы. Альвенгар все пытается свести меня с Инфальком.

— Ха, только ты и можешь себе позволить так думать о герцоге и его сыне! — щелкнула пальцами Сендис. — Уверена, твой портной придумает что-нибудь. Ты всегда являлась в исключительных нарядах! А после все равно сияла ярче всех, даже если не являлась.

Арвис подняла бокал, словно собираясь сделать тост.

— В этом и была задумка, — тут она качнула головой. — Прости, Сендис. Я знаю, что тебе там одиноко, но не могу

себя пересилить.

Госпожа Сьерхолт хитро улыбнулась, прищурив глаза.

— Все верно, госпожа Лорик. В качестве извинений ты можешь одолжить мне господина Скъёфаля на один наряд.

— Я никогда не держала его только для себя! — рука Арвис легла на грудь в показном удивлении.

Сендис хихикнула, затем жестом подозвала дворецкого. Их бокалы снова наполнились.

— Вижу и мечтаю! Моя новая технология по упрочнению стекла принесла плоды. И я обменяю их на платье.

— Он действительно удивительный художник, ткани в его руках преобразуются... — Арвис задумчиво повертела вилку. — Но в этот раз, я бы хотела выбрать что-то необычное.

Рафир напрягся. Рука Сендис с бокалом замерла.

— Еще более необычное? Как насчет гвардейской формы? Белый фрак тебя...

Они снова залили смехом бархатный обеденный зал. Сендис чуть не пролила вино на стоящие перед ней фрукты.

— Посоветуй мне мастера, который занимается платьями-футлярами. Не из шелка, а... как бы сказать, — начала Арвис, играя пальцами, стараясь подобрать слово.

Сендис отвела взгляд и нахмурилась. Рафир гадал, бывают ли платья-футляры, покрытые вышивкой-чешуей. Что такое платье-футляр?

Наконец, мысль щелкнула в голове Сендис и та, с громким «А!», подняла палец.

— Я знаю одного. Он редко бывает в Вальдорфе, так что тебе жуть как повезло! Слышала про змеиный перелив?

Арвис развела руками, притворяясь, что понятия не имеет о чем речь.

— Это... оно безумно красивое. Я видела его мельком, но, поверь, это то, что тебе нужно.

Рафир побоялся, что госпожа Сьерхолт повредит шею от столь энергичных кивков.

— Оно сядет на твою фигуру как вторая кожа. Не уверена, что в таком ты отвадишь наследника герцога, — Сендис сердито стукнула вилкой по столу. — Но я настаиваю, чтобы ты его надела!

— Тогда у меня нет выбора, — Арвис подняла бокал, улыбаясь. — Доверюсь тебе, дорогая. Как зовут портного?

Сендис махнула рукой дворецкому. Тот взял со стола листок и перо, передавая госпоже.

— Он чудо, — ее перо энергично скользило по бумаге. — Вот, адрес я тоже написала. Только, боюсь, просто так к нему не попасть. Даже тебе, Арвис. Если хочешь, я отправлю слугу, чтобы он назначил встречу.

Арвис кивнула. Блюдо перед ней опустело, а приборы с легким стуком опустились в тарелку.

Рафир услышал шаги за дверью и обернулся. В зал вошел слуга, несущий блестящий поднос с крышкой.

— А вот и десерт! — пропела Сендис, танцуя плечами. — Я приготовила на целый пир!

— О, Сендис, — Арвис приложила руку к животу. — Я осилю только один. В последнее время мои порции частые, но небольшие.

Госпожа Сьерхолт отмахнулась от слов небрежным жестом — ее глаза впились в поднос, а ладони сложились в нетерпении.

— Тогда я выберу его за тебя. Возражения не принимаются. Остальное заберешь с собой, — Сендис резко повернулась к Рафиру, щебет стал строгим. — Проследи, чтобы твоя госпожа съела все.

— Слушаюсь, госпожа, — он склонил голову, отводя взгляд.

— Ах, как он смущается! — Сендис откинулась на спинку, позволяя дворецкому разложить десерты. — Арвис, тебе не обмануть меня. Пока не увижу наследника Вельмона, буду представлять лицо этого юноши. Обязательно угости потом десертами и его.

Рафир переступил с ноги на ногу, чувствуя, как щеки наполняет теплый румянец. Внимание, что госпожа Сендис привлекла к его персоне, сейчас переключится на что-то другое. Она вертела беседой, как ветер поворачивает флюгер. Сейчас о нем забудут.

Хозяйка дома выбрала для Арвис самое большое пирожное. Размер не удивил Рафира, но вот форма: бисквит и крем в плену цветных прозрачных стекол, — попробуй доберись. Но Арвис не смутилась. Она взяла маленькую ложку, удари-

ла по вершине конструкции — карамельные стекла лепестками упали на тарелку и разбились, собираясь в рисунок из разноцветных осколков.

— Сендис, это просто чудо, — выдохнула Арвис, глядя на витраж вокруг пирожного.

— Он называется Ледяная госпожа. Я решила, что цвет не помешает.

Мысли Рафира в мгновение собрали карамельные осколки обратно. И через эти мутные, казалось бы, искажения, образ госпожи Сьерхолт стал намного четче. Богатая, да, немного болтливая, но настоящая подруга Арвис. Он даже улыбнулся себе, радуясь, что осилил один из множества намеков в разговоре.

Они еще разговаривали какое-то время, а Рафир, согретый теплом из камина, боролся с сонливостью. Он заметил, что Арвис бросила на него короткий взгляд и обернулась к Сендис.

— Дорогая, время позднее. Пора расходиться.

— Как, уже? Ты даришь мне так мало времени!

Сендис дала знак слуге, и тот заторопился с десертами к выходу. Две госпожи тихо говорили о чем-то, пока ждали, но Рафир не разобрал слов — лишь стуки чашек по блюдам и треск дров.

На пороге перед дверью Сендис передала в руки Рафира глубокую металлическую чашу с плоским дном и крышкой. Внутри зашуршала бумажная упаковка десертов.

— Довезите все и съешьте, — она пригрозила Арвис пальцем. — Когда я увижу тебя в следующий раз?

Та поправила накидку на плечах и взяла подругу за руку.

— Я не думаю, что зима будет насыщенной. Как только разберусь с делами, сразу назначу дату — погостишь у меня.

— Лучше ты у меня. Твой отец... Как можно увозить всех слуг?..

Ее прервал стук в дверь. Три коротких, сильных удара. Все обернулись ко входу и дворецкий открыл дверь.

Рафир замер. Нежданный гость в молочно-белой одежде шагнул внутрь. Сознание вдруг сузилось в сгустившейся тени.

— Командующий Фросгарн! — выдохнула Сендис и поклонилась.

Взгляды Арвис и командующего встретились.

Она не поклонилась, почему? Свет ламп дрожал в их голубых глазах, и Рафир не мог отвести своих. Все его тело напряглось, челюсти сжались. Кот, загнанный в угол, готовый к отчаянному броску во тьму, где стоял невидимый враг. Но он не двинулся. Воздух словно перекрыли. Заморозили.

Это был не контакт. Это была атака.

Рафир с усилием повернул голову и увидел, что госпожа Сьерхолт так и не поднялась из поклона. Ее тело дрожало от напряжения, ожидая, когда гость, наконец, одарит ее словом в ответ.

— Лейтенант Лорик. Кого не ждал увидеть, — произ-

нес он, наконец, и повернулся к хозяйке дома, протягивая ей конверт. — Госпожа Сьерхольт, рад видеть вас в добром здравии. Я был неподалеку и решил лично навестить вас.

Сендис выпрямилась и приняла конверт двумя руками.

— Вы могли отправить письмо посыльным, — ответила она с робкой улыбкой.

— Ну что вы. Мне не трудно. В письме заказ для Цитадели.

Рафир принял пронзающий взгляд командующего, опустив голову. По коже под одеждой проползли остатки холода.

— Не буду вас смущать, — отозвался он гулом через бархат. — Веселитесь.

Дверь за командующим закрылась. Свет вернулся в прихожую, но тепло, что собиралось весь вечер, ушло за ним. Рафир позволил себе расслабить плечи.

— Мы тоже поедем, — улыбнулась Арвис. — Рада была повидаться, Сендис. Теперь отдыхай.

Они покинули дом Сьерхольтов в молчании под скрежет гальки и звуки собственного дыхания. Рафир помог Арвис подняться в карету, затем сел напротив.

— Какой же мелочный дурак.

Рафир дернулся, вместе с трогаящимся экипажем. Арвис оперлась щекой на кулак, хмурясь в окно, а он искал слова для ответа. Для Восточного гарнизона его встреча с командующим не грозила неприятностями — сержант ранее не встречался с ним и тот не мог его опознать. Но для лей-

тенанта...

— Будет теперь припоминать мне, — пробормотала она. — Забудь, ничего серьезного. Пусть для нас вечер закончится на десертах.

Металлическая чаша нагрелась от его рук. Рафир посмотрел в лицо Арвис — легкий винный румянец тронул ее скулы.

— Почему вы так говорите? — начал он осторожно, вкладывая в голос тепло от ладоней. — Он ведь ваш командир.

— Он дитя, обиженное вечным вторым местом, — резко ответила она и убрала прядь волос за ухо. — Словно кто-то соревнуется...

Рафир едва расслышал конец фразы.

Мысли прошлись по началу вечера и зацепились за щебет хозяйки встречи.

— Сендис славная, — улыбнулся он, вспоминая ее восторженные визги.

Арвис опустила руки на колени и ответила на улыбку.

— Ты ей понравился, — в ее взгляде рассеялись остатки ледяных шипов. — Возможно, попытается переманить тебя и обучить торговле, будь бдителен. Но ей можно доверять.

— Тогда зачем... То есть, почему вы прямо не спросили про платье?

— Ну... — Арвис задержала взгляд на его лице, закусывая край губы. — Как ты заметил, Сендис довольно разговорчива. И... да, могла бы проболтаться, что дочь маркиза ищет

портного. При этом, она знает, что мне плевать на платье.

Колеса провалились в очередную яму, отчего металлическая крышка звякнула о чашу.

— Она могла бы случайно спугнуть нашу цель? — Рафир поправил десерты на коленях. — Но теперь она знает, что вам нужно платье.

Глаза Арвис хитро заблестели.

— Она не испортит себе праздник. Не теперь. Наследница рода Лорик явится на бал в платье, которое ей посоветовала Сендис Сьерхолт.

— Это так важно?

— Конечно. В свете важна информация, даже такая. Это будет моим ей подарком за теплую встречу, даже если придется разориться на это платье.

Рафир отдал десерты дворецкому, оставаясь на пороге Гарда. Он только открыл рот, чтобы спросить, куда увели его лошадь, но Арвис махнула рукой на лестницу.

— Переночуем здесь, уже поздно. Иди в свою комнату и отдохни.

Не дожидаясь ответа, она скрылась за дверью алой гостиной. Гард Лорик накрыла ночная тишина.

Рафир поднялся на второй этаж, на ходу расстегивая ливрею. Комната встретила его потрескиванием печи и дрожанием огня ламп. Тело не устало, но почему-то хотелось немедленно упасть на кровать и заснуть. Эта усталость отличалась от привычного истощения под конец дежурства. Он

сложил одежду на стул и рухнул на мягкую постель.

Глава 10. Стойкость

Не жди помощи, но всегда будь готов ее оказать. Стоя на страже чужих надежд — забудь о своих.

— Устав городской стражи, раздел «О порядках в час смуты»

Утренний звон колокола было слышно даже в самых удаленных кварталах, но в такой близости от собора Доминиума, казалось, от каждого удара дрожат оконные стекла. Потому стук в дверь застал Рафира уже полностью одетым. Костюм слуги он оставил на стуле, одевшись в свою серую форму.

В дверях появилась лейтенант в привычном строгом гвардейском обликии.

— Нам пора в гарнизон, — она остановилась на миг. — А, ты уже готов. Извини, но позавтракаем у вас. Если появились новости об Илзине, медлить нельзя.

Рафир кивнул и последовал за ней.

В прихожей перед дверью стоял дворецкий с чашей, которую вчера отдала Сендис. Крышка была крепко примотана веревочкой.

— Возьми, пожалуйста, — кивнула Рафиру Арвис. — Подем верхом и постараемся их довести.

Дорога в гарнизон заняла больше времени, поскольку, ра-

ди сохранности десертов, они не гнали лошадей. Рафир приобнял металлическую чашу, держа поводья правой рукой.

Уже в гарнизоне, поднявшись в кабинет, он поймал заинтересованные взгляды капитана и наемника.

— Мы привезли трофеи, — объявила Арвис, забирая чашу из его рук.

Капитан встал и наклонился над столом.

— Что там у вас? Вы не осилили светский ужин?

— Ваш сержант старался изо всех сил, — гордо подняла голову лейтенант. — К концу вечера ливрея едва на нем сходилась.

Рафир отшатнулся на шаг.

— Арвис, зачем же вы...

Она ухмыльнулась и хлопнула его по спине.

— Не напрягайся, я пошутила, — ее взгляд вернулся к капитану. — Можете гордиться своим сержантом. Его игра превосходно отвлекла хозяйку вечера и мне удалось не только выяснить имя и адрес портного, но и заполучить десерты.

Рафир посмотрел на капитана. Тот мягко улыбнулся и кивнул. И... его лицо выглядело свежее, чем два дня назад: взгляд был ясным, спина прямой. Выходит, отдыхал дома. И, раз наемник здесь, значит, бумаги исправно заполнялись в четыре руки.

— Наемник Ланс, — Арвис поставила чашу на стол и, развязав узелки, открыла крышку. — Сходи, пожалуйста, за чаем.

Прежде чем выйти, наемник заглянул внутрь, широко улыбаясь. Затем вприпрыжку выбежал из кабинета.

— Новостей по черному экипажу нет, — скрестил руки капитан, все еще глядя в открытую дверь. — Илзин осмелел. Начал отходить от своей лавки, но гвардейцы не заметили никаких подозрительных контактов.

— Т-ц, — Арвис отвернулась, глядя на шкаф, отбивая тихий ритм носком сапога. — Но, будем честны, я и не ожидала выйти на него через Илзина. Пожар в гарнизоне и отряд гвардии... Слишком много внимания — я просчиталась.

Капитан плюхнулся на стул и пригласил остальных.

— Мы не были готовы к такому. Это не ваша ошибка, лейтенант.

Рафир, решив поддержать его, добавил:

— У нас еще есть чешуйка и имя из Северного района.

Арвис кивнула им обоим и присела на край стола, наклоняясь над сладостями.

— Сендис, где же ты все это достала, — ахнула она и подняла пирожное.

Помещенный в розовый карамельный шар, темный бисквит держал на себе два кремовых конуса разного цвета, на вершинах которых гордо стояли парные вишни.

Рафир подошел ближе, чтобы рассмотреть — на ужине у Сендис он мог оценить лишь карамельные формы и их цвета, но не содержимое. А сейчас в нескольких дутых скульптурах он разглядел цветы, что не цвели ни под Кистью Виндили-

са, ни в Объятыях Свефнира. Припоминая десерт, который госпожа Сьерхолт приготовила специально для Арвис, ему стало интересно, что именно она вложила в эти.

В коридоре послышались шаги и громохание кружек. Наемник влетел в кабинет, кружки и чайник в руках, во рту — бумажка. Он потянул голову к Рафиру и что-то промычал.

— Морлор, «Горная слеза», — взяв листок, прочитал Рафир. — Весточка от кузнеца? Нужно отправляться.

— Сначала завтрак. Сладости, конечно — так себе еда, но лучше, чем ничего, — сказала Арвис, двигая стулья к столу.

Рафиру достался умеренно-сладкий домик с орехами. Он так и не понял, какой смысл могли содержать хрустящие вафельные стенки, но вкус рубленых сухофруктов в бисквите напомнил ему, что он не навещал родителей больше двух недель.

Чаем он смыл остатки липкого послевкусия. А вот наемник, что шел рядом, перебирал во рту слюну вперемешку со своей недалёковидностью. Нужно поискать бочку или фонтан, чтобы он попил, иначе цоканье не прекратится.

Наемник настоял идти пешком, хотя в стойле еще оставалась лошадь лейтенанта. Рафир помнил, как Ланс потирал ладони еще в первую их поездку, когда они вместе прибыли в гарнизон. Чуть не отморозил руки. Но сегодня Рафир был без доспеха. Станный наемник.

Он искоса наблюдал за ним — за тем, как он озирается

по сторонам и отводит взгляд, как только они натыкались на стражников Северного района.

— Они не станут задерживать тебя, как в прошлый раз.

Собственный голос прозвучал глубже. Рафир на мгновение удивился сам себе, но тут же отмахнулся — сладкое забило связки.

Наемник кивнул и они продолжили путь сквозь тяжелый воздух, что поднимался из мастерских, сопровождаемый оглушающими ударами о железо. Заприметив в одной из кузниц бочку с водой, Рафир попросил владельца передать ему черпак. Наемник жадно набросился на воду.

— Спасибо, — улыбнулся он, вытирая рот рукавом. — Думаю, мы ищем ювелирную мастерскую.

— Почему ты так решил? — нахмурился Рафир.

— «Горная слеза», — пояснил Ланс так, словно это было очевидно. — Ювелиры любят все чистое, с внешним блеском. И ты говорил, помнишь, что за те часы в городе Сэвор и Герт не смогли бы взять заказ в этом районе? Значит, Морлор заранее отправил письмо в столичную гильдию.

Рафир почесал подбородок. Попытка проследить за логикой наемника уткнулась в вопрос:

— И что это дает нам сейчас?

Ланс вздрогнул, словно от укола, сунул руки в карманы и отвел взгляд.

— Ничего. Это я так. Идем.

Рафир смотрел на вывески и заглядывал в каждое поме-

щение. Кузни, гончарная лавка, красильни, а это? Мастерская бронника, в которой раскупили все доспехи. Наемник вел в сторону звуков, точнее, их отсутствия, в более тихий квартал — тонкие работы не требовали большой физической силы.

— Нашли. Грар мог бы и подписать улицу, — проворчал Ланс, глядя на вывеску, на которой горная вершина роняла с белой шапки стеклянную каплю.

Рафир оглядел помещение, своей тишиной укрывшее их слух от грохота района. Небольшое окно прямо в потолке, закрытая на вход стойка, чистый стол с аккуратно разложенными молоточками и напильниками.

Хозяин мастерской стоял к ним спиной, что-то ища на полке.

— Ты Морлор? — сказал Рафир, постучав костяшками пальцев по стойке.

Мужчина резко обернулся и рассмотрел их.

— Я. Добро пожаловать в Горную слезу, — он развел руками, предлагая осмотреть его рабочее место. — Но сейчас могу только заказ у вас принять. В продаже есть не все.

— Мы не...

Ланс заслонил его плечом и вышел вперед.

— Это Рафир, а я Ланс. Подарок подруге сделать хочу. Ты же ювелир? — наемник наклонился над стойкой, чтобы поближе рассмотреть... на что бы он ни смотрел. — Сможешь сделать заколку или брошь из серебра? Но такую, чтобы она

не раскололась от попадания стрелы или под клыками?

— Не для Торгиль ли? — хохотнул Морлор. — Могу конечно. Я тебе даже скидку сделаю — она столько раз меня выручала.

Наемник легонько стукнул ладонями по гладкой столешнице.

— Тогда заколку. Уложимся в пятнадцать серебряных?

— Да и в десять уложимся, — ювелир выпрямился, подперев руками бока. — Но пока не могу ничего сделать. Жду инструмент из столицы.

Ланс вздохнул и сложил руки на стойке.

— А какой? Когда его должны доставить?

— Надфиль алмазный, — почесал бороду мастер. — Мне шлифовать изделия нечем.

Рафир смотрел, как опускаются плечи Морлора.

— Наемники должны были доставить, — продолжил рассказ ювелир. — Герт, кажись... и еще один. Просил знакомого письмо в столицу отправить, в гильдию, с авансом даже. А их все нет.

— Я сам наемник. Могу спросить, что да как.

— Тогда и в девять нумма заказ влезет, — Морлор довольно улыбнулся. — Цветок или птицу сделать?

Ланс подумал мгновение, почесав подбородок кулаком.

— Давай птицу. На твой выбор. Но у меня при себе нет денег... Ничего, если залог не оставлю?

— Мало кто знает, что Торгиль украшения любит, —

Морлор подошел к стойке и хлопнул Ланса по плечу. — Заплатишь, когда забирать будешь.

Из-под стойки ювелир достал тетрадь и начал скрипеть пером.

— А ты не доставляешь украшения? — Ланс наклонил голову. — Может, у тебя ученик есть. Телега или карета?

Рафир от удивления даже отшатнулся от стойки. Вот хитрец! Это Арвис ему успела урок дать или он сам додумался?

Морлор, качая головой, поднял руку и указал на узкую улицу.

— Куда я тут карету поставлю? Нет, конечно. Да и зачем доставка — у меня торговцы заказывают и на рынке продают.

— Ну ладно, — Ланс с улыбкой взял тетрадь Морлора и подставил подпись под своим заказом. — Ты, наверное, пока заготовкой займешься, а я в гильдии выясню, что с твоим инструментом.

Они попрощались, оставляя мастера с надеждой на долгожданный напильник. Людей на улице становилось больше и с боем молотков теперь соперничали громкие голоса.

— Что думаешь? — спросил Ланс.

Он словно старался идти ближе к стене, пропуская шумный поток. Рафир постоянно оглядывался на наемника, рассекая толпу.

— Не похож на заговорщика, — ответил он, мыслями вернувшись в чистую мастерскую. — Что ему даст убийство наемника и подготовка бунтов? Напильник?

— Что тебе надо здесь! — донесся крик из толпы.

Рафиру никто не ответил. Он прошел еще несколько шагов и обернулся, чтобы убедиться, что напарник не отстал.

Но его не было. Где же он? Только что шел и вел ладонью по стене.

— Ланс! Куда ты делся! — крикнул Рафир и двинулся обратно.

Затем резко обернулся — в толпе раздался грохот и треск. Какая-то телега въехала в кузню, протаранив ящики.

— Куда ты смотришь?! — раздался сердитый голос мужчины.

Рафир пробрался через людской поток, к ругани, выставив плечо вперед. Подойдя ближе, он увидел, что телега опрокинула уголь и ящик с деталями для доспехов. Хозяин повозки и кузнец орали друг на друга, ударяя себя в грудь и тыкая пальцами в отвалившееся колесо и сломанную дверь.

— Будь ты здесь, этого бы не случилось! — чуть не плюнул бородатый мужчина.

Рафир подался вперед. Но тут же оборвал импульс — он здесь не для того, чтобы утихомиривать рабочих. Стражники капитана Хеймберта сами разберутся.

Он пробежался взглядом по лицам собравшихся, но наемника здесь не было. Рафир поначалу подумал, что тот зазевался и встрял. Ланс мог бы... наверное? Досадуя, что в потоке люди слишком высокие, он залез на ящики перед кузней и осмотрел улицу.

Это не он, этот тоже... Рафир прищурился: там же, где он потерял его, в узком проходе между домами со стенами, обмазанными побелкой. Что он там делает?

— Ланс! — снова позвал он, ныряя в толпу.

Протиснувшись между людьми, Рафир зашел в переулок. И увидел его.

Наемник прижался спиной к стене. Он дышал часто и тяжело. Ланс не видел Рафира — его глаза помутнели, смотрели куда-то внутрь, а руки, сжатые в кулаки, словно держали у самой груди нечто сокровенное. Что с ним такое? Рафир взял его за плечи и хорошенько встряхнул.

— Соберись, наемник! Что случилось?

Тот не среагировал. Его дыхание участилось. Каждый выдох теперь сопровождал хрип.

Рафир резко отпустил его, отходя на шаг. Он прежде с таким не сталкивался. Это ведь был не страх. Необычный страх. Бесполезно на него кричать.

Как помочь?! Капитан знает... Но времени не было вести Ланса в гарнизон.

Эвальд, что бы ты сделал...

Разум на мгновение перенесся в тишину кабинета, в которой было слышно лишь дыхание и скрип пера. Молчание и сосредоточенность. Воздух, что заполнялся работой и... таким редким порой лунным светом.

Рафир открыл глаза и взял Ланса за плечи. Бережно, но крепко. Мешкая всего мгновение, он оглянулся на людей,

для которых продолжался шумный день.

Шум.

Он встал перед Лансом, закрывая обзор улицы своей спиной.

— Я здесь, — произнес он тихо, но уверенно, вкладывая в слова усилие, с которым его держал. — Слушай меня.

От собственного голоса в голове стало тише.

— Ланс, все хорошо, — спокойно повторял он.

Глядя на него, Рафир не мог понять, помогает или нет. Что еще сделать?

— Смотри на меня. Здесь только я, ничто тебе не угрожает, — произносил он.

И вдруг почувствовал, что сам напрягся так сильно, что не заметил — дыхание Ланса стало тише, начало выравниваться. Его взгляд стал возвращать фокус.

Ослабив хватку, Рафир тихо спросил:

— Ты как?

— Нор... нормально, — последовал хриплый ответ. — Прости... со мной бывает, но... прости.

Глубоко вдыхая, Рафир убрал за спину дрожащие руки.

— Не извиняйся, все хорошо. Пойдем здесь — переулок выведет на другую улицу. Там тише.

Ланс, отводя взгляд, кивнул и пошел вперед, а Рафир стоял и смотрел на пятно побелки на его спине.

Он провел ладонью по лицу, стряхивая свою тревогу. Образ дерзкого и глупого мальчишки потерялся в начале пере-

улка, растворяясь в толпе — остался только он, идущий впереди, только что вынырнувший из какого-то кошмара.

Рафир догнал Ланса и отряхнул ему спину.

— Скоро вернемся в гарнизон. Ты... не переживай. Успеем к обеду — поешь и забудем об этом.

На обратном пути они молчали, постепенно ускоряя шаг. Рафир хотел задать вопрос, но не решался. Он чувствовал, что молчание сейчас замкнет Ланса еще больше — тот и так ни разу не посмотрел на него после переулка. Однако... стоило сказать что-то безопасное.

— Я не ожидал, что ты заболтаешь Морлора. Лейтенант Лорик вчера на ужине поступила точно так же.

Ланс слабо улыбнулся ему и пожал плечами.

— Но обманывать все-таки не хорошо, — не выдержал Рафир и покачал головой. — Сходим к нему потом и ты отзовешь заказ.

— Где я его обманул? — брови Ланса сошлись на переносице. — Выпал шанс, я воспользовался. Мне ведь и правда нужен подарок. А тут еще и цену скинут.

Теперь нахмурился Рафир.

— Твоя подруга — Алая скала Торгиль?

Когда бы Ланс с ней познакомился? Не переставая хмуриться, он осмотрел его. На выдающегося бойца Ланс не похож: не самый высокий, довольно худой, на руках только одна мозоль и та от пера. К тому же, Рафир ни разу не видел его с мечом на поясе.

Но Ланс ободрился и ответил увереннее:

— Она самая. Только отличить порой сложно: подруга, сестра или наседка.

Рафир незаметно выдохнул, глядя как выровнялся его шаг. Разговор отвлек и его самого. Пока они шли, он вспоминал рассказы стражников. Те говорили, что с наемницей Торгиль обозы проходили через Северный лес как через рыночную площадь — никто не терялся и не был растерзан. И каким боком тут Ланс?

Тот посмотрел на замешательство Рафира и ответил на незадаанный вопрос:

— Я с ней в походы ходил. Давно уже, правда. Растерял навык.

Взгляд Ланса снова потерялся в дорожной пыли. Рафир слегка хлопнул его по спине.

— Как-нибудь познакомь с ней. Мне всегда было интересно, как выглядит наемница, про которую стражники рассказывают сказки.

Ланс ответил искренней улыбкой, но, отвернувшись, поджал губы. Лейтенант и капитан ведь не должны отстранить его, когда узнают, что случилось сегодня? Худший боец Ланс. С другой стороны, не было похоже, что Рафир собирается докладывать о его приступе. Тот шел чуть впереди, изредка оглядываясь. Что-то читалось во взгляде. Ланс надеялся, что не жалость.

Рафир не стал издеваться над ним в переулке. Помог вер-

нуться. И заговорил про Торгиль.

Когда они почти подошли к распахнутым воротам гарнизона ладони предательски вспотели и Ланс вытер их о штаны. Слова вырвались сами:

— Позволь мне самому обо всем рассказать. Но... не сейчас.

Ланс напрягся, ожидая ответа.

Рафир удивленно посмотрел ему в глаза.

— Я не настаиваю, — спокойно ответил он. — Это ведь не относится к делу. Расскажем, что выяснили — этого достаточно.

Кто бы подумал, что под маской безупречного порядка сержанта может скрываться такой человек. Подняв голову, Ланс невольно улыбнулся и позволил спине выпрямиться — небольшой жест доверия. Доверия к себе и к тем, кто теперь окружал его.

Глава 11. Правитель леса

Идущий по одному пути с другим — присмотришь в его лицо. Способен ли ты разглядеть незнакомца в товарище, смотрящего в ответ из тех же глаз.

— Трактат «О природе лжи»

Вместо света от тусклой лампы в коридоре дрожали голоса, что доносились из кабинета — лейтенант и капитан спорили о чем-то.

— Нельзя такое спускать! Что вообще значит — одна десятая?!

— А что вы прикажете, лейтенант... — вздохнул капитан.

Они обернулись на их шаги. Пройдя в кабинет вслед за Рафиром, Ланс постарался оценить напряжение спора, но... в нем не было конфликта.

— Вот и вы. Что-то долго, — она в три шага преодолела кабинет. — Что случилось?

— Все уже хорошо, — кивнул Рафир и вытянулся как натянутая нить. — Мы выяснили, что Морлор — обычный ювелир. Нет никаких причин его подозревать: экипажа у него нет, наемников он лично не знал, заказ оставил заранее.

Лейтенант прищурилась, затем отступила на шаг.

— Что ж, ладно... — на ее лицо вернулась невозмутимость. — Значит, это тупик.

— Капитан, — подал голос Ланс, посчитав, что все-таки дело не совсем тупик. Не для всех. — У Герта при себе было что-нибудь, кроме оружия? Сумка или сверток? Он и Сэвор везли особый инструмент из столицы.

Капитан почесал висок и посмотрел на сержанта.

— Помнишь что-нибудь?

— Проверю в арсенале, — Рафир бросил на Ланса краткий одобрительный взгляд и скрылся в дверях.

А он невольно улыбнулся уже ему в спину, забыв на мгновение свой кошмар в переулке, но взамен понимая, что, вероятно, только сегодня по-настоящему с ним познакомился.

Обернувшись к капитану и лейтенанту, Ланс спросил:

— Вы говорили о чем-то?

— О чем-то! — всплеснула руками Арвис и жестом пригласила глянуть на предмет ее возмущения. — На содержание Восточного гарнизона Цитадель выделяет одну часть из десяти. Гарнизонов пять, Восточный район самый большой, а капитан Стенмар даже не дает Эвальду новобранцев.

Капитан, закусив губу, взял перо со стола и спрятал его за спину.

— «Задержка поставки провизии», — прочитал Ланс и нахмурился.

— Пришло, пока вы были в Северном районе. — сверкнула глазами Арвис. — Палата даже причину не указала.

— Азмунд... — начал Эвальд, — капитан Стенмар распределяет людей по...

— Что?! — рыкнула Арвис. — По заслугам?

— Так происходит каждый год в одно и то же время.

Он выглядел так обреченно, опустив взгляд и пытаясь подобрать слова, что Ланс не мог не вмешаться.

— Если вы сделаете мне пропуск в Цитадель, я мог бы выяснить в чем дело, — предложил он и забрал из рук Арвис отчет о поставках. Пришлось приложить усилие. В гневе она даже не заметила, что они чуть не разорвали бумагу. — Я работал с Продовольственной палатой. Не могу похвастаться связями, но точно не потеряюсь там.

Арвис долго смотрела на документ. Ланс только сейчас заметил, что она выпустила из пучка волос пару прядей — они обрамляли ее лицо, смягчая острый взгляд.

— Что думаете, капитан? — уже спокойнее спросила она. — Я бы не отпускала наемника в Цитадель одного. Но свободных гвардейцев нет, а рядового стражника отправлять с ним нет смысла.

Арвис снова обернулась. Внимание было таким пристальным, ощутимым, что Ланс невольно отвел глаза, прислонив руку к носу. Что она пыталась найти?

— У нас есть только сержант Иасан, — ответил Эвальд. — Но он может понадобиться вам в любой момент, лейтенант, а визит в Цитадель может затянуться. Я мог бы...

Арвис хлопнула ладонью по столешнице.

— Нет. Я не для того... — она откашлялась. — Сидите в кабинете, капитан.

Они обменялись взглядами. Ланс отметил, что капитан не отпрянул. А потом он обратил внимание, что его лицо уже не было болезненно осунувшимся — Ланс провел с ним последние два дня, не отрывая взгляд от кончика пера, потому не заметил раньше.

Так лейтенант заперла его тут с бумагами...

Мысль с беззвучным хлопком расколола грозный образ Арвис-гвардейца. Ланс проморгался. Каждое ранее сказанное ею слово он пропустил через новую призму.

Уверенно подняв голову и не в силах сдерживать улыбку он сказал:

— Тогда... В смысле, все будет хорошо. Не съедят же меня там.

Капитан и лейтенант не улыбнулись последним словам, их тяжелые взгляды читались предельно ясно.

— Лейтенант, — начал капитан и подошел к Лансу. — Я благодарен вам за... возможность спокойно разобраться с делами. Считайте это бумажной работой на выезде.

Она прислонилась к столу и сложила руки на груди. И пока она сомневалась, Ланс попытался дожать идею:

— Вы ждете весточку от портного. Да и гвардейцы все еще следят за Илзиным. А пока ждете, можете проверить документы, что мы подготовили. И если найдете ошибки, — он расплылся в улыбке. — Заставите капитана все переделывать.

Лейтенант, наконец, признала поражение тяжелым вздо-

хом. Она села на место капитана и, взяв листок, быстро записала что-то, а возникшая из внутреннего кармана печать оставила на бумаге темно-синий оттиск. Ястреб с расправленными крыльями, облаченный в доспехи.

— Это, — Арвис протянула бумагу капитану, — На случай, если в палате не захотят разговаривать вежливо.

Ланс и Арвис обменялись взглядами.

— Мы туда и обратно.

Эвальд оседлал коня и перед выездом осмотрел гарнизон. Всего несколько дней назад казармы были способом сократить путь ото сна к службе, а здание с его кабинетом — бумажной тюрьмой. Но почему-то, когда лейтенант заперла его там и приставила энергичного надзирателя, Эвальд отреагировал не протестом, а... облегчением. Бесконечные отчеты превратились из громоздкой цепи в ветвистое дерево — да, все еще большое и требующее ухода. Но Ланс знал много способов, как превратить этот процесс в интересное занятие. Каталоги, заранее подготовленные формы, — система, которую Эвальд и так знал, но не находил ни времени, ни сил ее применить.

Бывший кадет и случайный следователь. Капитан тихо усмехнулся, глядя на Ланса, который уговаривал свою лошадь перестать фыркать и встать спокойно. Может, стоило раньше его нанять?

Эвальд выехал за ворота, Ланс последовал за ним, подни-

мая ворот куртки. Свефнир укрыл небо рваным серым покрывалом и выпустил на улицы свежий ветер, навевающий дрему.

Они держались края дороги, чтобы не спорить о праве проезда с телегами и рабочими.

— Ваш прошлый визит в Цитадель обернулся пожаром, — услышал Эвальд из-за спины. — Но теперь, когда там гвардейцы, никто не посмеет напасть на гарнизон.

— Это точно, — подметил капитан, ощущая непреднамеренный укол в этих словах. — Лейтенант Лорик запугала задержанных в тот вечер — всего несколько ее слов вытащили из них имя Илзина.

— Она лично их допрашивала? — Эвальд увидел округлившиеся глаза Ланса, когда тот поровнял с ним свою лошадь.

Он пожевал щеку, подбирая слова.

— Ты слышал про горную заставу в горах Драум-Халь?

Ланс нахмурился, придерживая ворот одной рукой, закрывая шею. Эвальд заметил, что у застежки не было пуговицы.

— Если речь про рабочую деревню у подножия рядом с рудниками, то да, — наемник все пытался мысленно найти крепость за границей очерченной карты.

— Там нет заставы, — подсказал Эвальд, поворачивая лошадь на улицу с пропастью. Разум тщетно пытался облечь в слова события того вечера. — Лейтенант, сказала... я точно

не смогу повторить. Если кратко, она их провела.

Эвальд тяжело вздохнул. История отказалась собираться в шутку и Ланс, подождав еще немного, ожидая продолжения, опустил голову.

Чем ближе к Цитадели, тем сильнее к звукам голосов и шуму улиц примешивался немой рокот пропасти. Эвальд проверил листок с печатью Лорик во внутреннем кармане плаща. Лейтенант указала их имена — потеряй капитан эту бумагу, нашедший не воспользовался бы ее властью. Однако, терять не хотелось, не сегодня, когда для плавания по бюрократическому морю ему нужна была веревка, чтобы вернуться на берег.

— Капитан, а вы часто бываете в Цитадели? Мне всегда было интересно, чем занимается Центральный гарнизон, — Ланс разглядывал лавки и дома и говорил, словно сам с собой. — Я о том, что аристократов и важные здания уже охраняет гвардия. Зачем там стража?

Эвальд открыл было рот, чтобы ответить. И ответ был — где-то в разных частях головы. Его лошадь фыркнула, усмехаясь над простотой и сложностью вопроса.

— Я бы сказал, что роль капитана Стенмара более... административная. Его гарнизон насчитывает около сорока человек, — капитан смотрел вперед, на дорогу, собирая мысль. — Подразделение, которое больше про документы, чем про дежурства и патрули.

Сказанные слова еще какое-то время вертелись на язы-

ке. Сорок человек... В то время, как его собственный гарнизон насчитывал едва ли семьдесят, только вот размер подконтрольной территории у Эвальда был в десять раз больше.

Подразделение про документы... Будто для подписей бумаг нужно столько людей: в Центральном гарнизоне даже нет офицерского крыла, соответственно, нет столько столов. Стражники-посыльные — хватило бы и десяти человек...

Через плотно сжатые зубы о себе напомнил стыд. Эвальд должен испытывать благодарность к Азмунду, который выполнял его вынужденные просьбы, а никак не возмущение.

Должен?

— Капитан? — Ланс наклонился, чтобы рассмотреть его лицо. — Вы разозлились? Я не хотел. Если вы подумали...

— Просто задумался, — Эвальд попытался выдавить улыбку. Шум города снова заполнил голову. — Как ты заметил, прошлая поездка вышла не совсем удачной.

— Тогда вы сделали невозможное — вывели гвардейцев из черных стен, — одобряюще усмехнулся Ланс.

Его лошадь дернулась и он принялся гладить ее по шее.

— Это было решение командующего, — рука потянулась к затылку, но Эвальд опустил ее. — Но ты прав. Правда, заплатить пришлось кабинетом и конюшней.

— Арвис... то есть, лейтенант, уже покрыла эти расходы, — засмеялся Ланс. — Особенно столом. Я бы днями за ним работал. Спасибо, что позволили разбираться с вами документы. А еще, я видел обновки на кухне — Магда из рук не вы-

пускает новые ножи.

Эвальд глянул с недоумением. Спасибо? Новые ножи? Арвис решила отплатить Магде за тот платок? На сколько направлений работает лейтенант? Все ее командование за последние дни походило не на наведение порядка, а... на заботу. Зачем ей это?

Капитан так сильно погрузился в размышления, что даже не заметил затихающего городского шума.

— Через Стальхогг я еще не ходил, — покачал головой Ланс, глядя на мост. — Западный мост шире, там удобнее и тише, а тут как-то зябко.

Эвальд поднял взгляд на Цитадель. Она все так же смотрела на него. Черные стены неясными углами без движения словно содрогали воздух вокруг. Непроницаемая, не освещаемая солнцем древняя крепость. И еще — красивая. В своей монументальности и отчуждении. В ее ломаных изгибах читалось величие самой природы — естественность и чуждость в одних и тех же линиях.

Эвальд услышал щелчок — Ланс подвел лошадь ближе и застегнул сумку на его седле.

— Только сейчас заметил. Вы ехали всю дорогу с открытой.

Капитан мягко улыбнулся и кивнул.

— Спасибо тебе, Ланс.

— Пустяки. — отмахнулся тот. Затем его взгляд ушел на

мост и он пальцем указал на массивные цепи, что держали его. — Смотрите, веревки. Кто-то сообразил, что ехать по открытому мосту опасно. Меня самого однажды чуть не сдуло.

Эвальд вспомнил про Арвис. Она так яростно доказывала необходимость разобраться с Продовольственной палатой, что у капитана не осталось сомнений и слова вышли сами:

— Уверен, это лейтенант постаралась.

Ланс согласно кивнул. Тоже не сомневается?

Потоки воздуха сегодня гуляли по бездне вверх и вниз. Цепи свистом разрезали ветер, а пропасть отвечала утробным гулом. Капитан продолжил, повысив голос, чтобы перекричать ветер:

— Мосты сделаны для тяжелых повозок и экипажей. Видимо, никто не подразумевал, что в Цитадель будут ходить пешком.

Они быстро пересекли мост, закрывая уши. Гвардейцы пропустили их через входную арку, как только Эвальд назвал цель визита.

— Ты уже бывал с этой стороны? — капитан обернулся к Лансу.

Тот, приоткрыв рот и не глядя на дорогу, не мог оторвать глаз от серебряного шпиля собора Доминиума.

— Один раз, кажется. — ответил тот, отвернувшись, наконец, от колокольни. — В гарнизоне, стражнику что-то относил. Меч или... не помню.

— А ты давно в гильдии наемников?

Ланс нахмурился, вспоминая, пока лошадь медленно уводила его к обочине. Что-то пробормотав, он перехватил поводья и вывел ее на середину дороги.

— Почти пять полных лет. Мне нужны были деньги. Я брал простые задания, когда позволяла подготовка к работе стражником. А вы? Вы сразу стали капитаном? — Ланс расплылся в улыбке.

Его глаза сияли той же чистотой, что и серебряный шпиль.

— Нет, конечно, — хохотнул Эвальд. — Хотя, почти сразу. Я уже как десять лет на посту.

— Десять! Как так вышло, что я с вами не пересекался? — Ланс нахмурил брови, разглядывая его лицо. — Не сказать, чтобы я часто бывал в Восточном гарнизоне, но посещать приходилось. Рафира, помнится, видел мельком.

— Стоило хулиганить почаще! — снова засмеялся Эвальд. Лошадь обернулась на него и фыркнула. — Я почти не выхожу из кабинета. В гарнизоне, помимо меня, только сержанты Иасан и Ревис умеют работать с документами. Они помогают с отчетами, но чаще отправляют патрули и меняют дозорных.

Ланс вдруг так серьезно посмотрел на него.

— Теперь я понимаю, почему бумажной работы накопилось так много. Дело ведь даже не в пожаре.

— Не в пожаре, — согласился капитан.

Ланс обернулся к седельной сумке и достал два свертка.

Два куска хлеба, взятые из столовой.

— Хотите?

Эвальд принял угощение. И пока жевал, осматривал внутреннюю Цитадель: здания высокими серыми островками стояли на просторных площадях; черные стены впивались в небо зубцами разной остроты, приспособленные гвардией под смотровые башни деревянными надстройками.

— Каждый раз задаюсь вопросом — зачем ее построили? И почему бросили?

— Моя подруга рассказывала мне, что Цитадель вроде склепа, — буднично сообщил Ланс.

— Склеп? — нахмурившись, переспросил капитан.

— Не буквально, — последовал ответ и шорох сминаемой бумаги. — Тут не хоронили. А может, хоронили? В общем, по легендам, Цитадель — это хранилище.

Ланс подавился и стал отбивать кулаком в грудь.

— Ты хоть жуй, — усмехнулся капитан и протянул ему флягу.

Пока наемник запивал ком из хлеба, Эвальд заметил скопление карет перед Продовольственной палатой и неразличимую громкую речь.

— Спасибо. Так вот, — продолжил Ланс. — Под нами должны быть кучи древних артефактов т`улниров, но входов в подземелья никто так и не нашел.

Эвальд опустил глаза на мостовую, по его спине прошелся легкий холод, когда он представил огромные залы, над кото-

рыми, возможно, они сейчас вели лошадей. Древние технологии прямо в центре города. Захватывает и пугает.

— Твоя подруга т`улнирка?

— Наполовину. Ее мать с юга. Речь про Торгиль, если знаете такую.

— Что-то слышал, — кивнул Эвальд. Торгиль... Алая скала? — Ты, наверное, с ней ходил за стены Вальдорфа? Почему решил работать с бумагами в городе?

Эвальд обернулся. И понял, что спросил что-то не то — взгляд Ланса потерялся в гриве лошади.

Что-то случилось в Северном лесу? Наверное, не стоит давить.

— Мы прибыли, — позвал он, но наемник не отозвался.

— Ланс!

Сапоги тяжело стукнулись о камень площади. Эвальд, держа поводья, подошел и посмотрел на него.

— Спускайся, я отведу лошадей.

Тот очнулся от своих раздумий, кивнул и спешился.

Эвальд шел к конюшне, задаваясь вопросом, который не станет озвучивать. За городом много всякого происходит, от нападения тварей до засад разбойников. Испугаться не стыдно. Капитан старался не допускать мысли, что за прошлым Ланса стоит что-то темное — он бы так не старался, расследуя убийство Сэвора. Или именно поэтому...

Он только передал лошадей конюху, его окликнул Ланс, указывая пальцем себе за спину:

— Экипажи! — его лицо, как у просящего еды кота, звало обратно на площадь.

Эвальд мгновение строил ассоциацию.

Черный экипаж!

Он взял Ланса за плечо и повел за угол палаты, где они, пригнувшись, высунули головы. Четыре кареты. Если считать вон ту, темно-серую, пять.

— Почему мы прячемся? — сказал Ланс, глядя снизу вверх. — Они же не знают, что мы их ищем.

— И верно.

Эвальд вжал голову в плечи. Чего это он сразу за угол?

— А это кто?

Услышал он Ланса, но не ответил, пытаясь разглядеть хозяев, что могли выйти из экипажей.

— Капитан Фарн, — раздался над ухом до омерзения знакомый голос. — Чего это вы шаритесь в мусоре?

Синдриан. Его появление сегодня, вероятно, было еще более нежелательным, чем даже встреча с командующим. Эвальд выровнял лицо, пряча презрение — взаимное, но разнородное.

Западный капитан скользнул взглядом по Лансу.

— А, теперь вижу. Действительно, вам для пополнения кадров стоит прочесать все подворотни.

— Что-то нужно? — спокойно спросил Эвальд, замечая, что Ланс почти оскалился.

— Нет, от вас, конечно, ничего. Жду свой экипаж. У меня

назначена встреча с графом Вельмоном.

— Смотрите, не налегайте на его чай, — бросил Ланс, упирая ладонь в спину Эвальда. — Иначе потом неделю струя будет синей.

Наемник вытолкал своего капитана из-за угла, подальше от мерзкого типа. Эвальд взглядом проехал по лицу Синдриана, одновременно оскорбленному и удивленному.

Когда они уже поднимались по ступеням, он спросил:

— Откуда ты?..

— Не знаю. Наверное, заказ как-то видел или накладную, — резко отмахнулся Ланс, перегоняя капитана. — Кто это был?

Эвальд скривился и сбавил шаг.

— Капитан Западного гарнизона, Синдриан Ангвис.

Ланс обернулся. Хмурый, с покрасневшими щеками.

— И это его терпит генерал Роскирн?

— Ты знаешь об этом? — Эвальд запнулся, но восстановил равновесие. — Армия герцога в полях, так что да. Синдриан разными способами пытается заслужить внимание генерала.

Ну, да, Ланс же работает с бумагами. Наверняка, фермеры делятся с ним сплетнями. Однако, эта колкость про чай, она вообще была адресована Синдриану?

Эвальд окликнул Ланса, чтобы тот подождал, и, поравнявшись, снова посмотрел на него — то же лицо, что и после допроса Герта. Столько энергии на пустяки.

— Спасибо, что вступился. Однако, он не только неприятный человек. Синдриан влиятельный, постарайся не попадаться ему на глаза.

Ланс кивнул. Прилив гнева сошел с его лица вместе с краской. Эвальд продолжил:

— Прием в палате займет много времени. Если хочешь, можешь пройтись и подышать.

— Нет, — озорство снова блеснуло в его глазах. — Арвис потом сделает мне выговор. Сегодня я ваш помощник, капитан.

Пропустив выходящих из здания людей, Ланс зашел вслед за капитаном в просторный приемный зал Продовольственной палаты и осмотрелся. Светлые деревянные панели, которые делили высокие стены пополам, все еще намекали, что помещение изначально задумывалось двухэтажным. Однако, поскольку людей здесь всегда было много, это улучшение вряд ли когда-либо осуществится. Ну, хотя бы мебель переставили: вместо одной длинной стойки теперь стояло множество высоких столов и секретарей стало больше. Может и не придется тут весь день торчать, пропитываясь запахом чернил и холодного пота.

Они подошли к свободной стойке у левой стены.

— Я капитан Восточного гарнизона, Эвальд Фарн. Утром я получил сообщение о задержке поставок. Хочу уточнить причину и решить вопрос.

Тонкий мужчина с очками и в жилете поверх бледно-зе-

ленной рубашки смотрел на капитана. Зажатые губы и глаза в вечном прищуре. Ланс невольно скопировал его выражение. Он с родными так же разговаривает?

— Бранви! — рявкнул секретарь. — Принеси документы по Восточному району.

Возникший словно из-под стола мальчик кивнул и метнулся к дальнему концу зала, уворачиваясь от людей. Дверь архива быстро закрылась и Ланс не успел разглядеть изменилось ли расположение шкафов там.

— Сразу скажу, пока ждем, — мужчина поправил очки, глядя в глаза капитана. — Вы можете ругаться и кричать, но ничего не изменится. Ваше начальство принимает решения и заверяет документы. Я лишь ознакомлю с ними.

— Кто-то уже ругался? — капитан переглянулся с Лансом.

Секретарь пожал плечами.

— Капитан Хеймберт устроил скандал пару дней назад.

— Ему тоже что-то не довезли?

Ланс обошел капитана и встал сбоку, а мужчина сощурился еще сильнее и начал собирать разложенные на столе бумаги. Удалось прочесть лишь пару строк из книги посетителей.

— Я не занимаюсь Северным районом. Вроде, он говорил что-то насчет сырья.

Эвальд кивнул секретарю, а Ланс обернулся к другим столам: фермеры, даже парочка знакомых, стражники с гвардейцами, торговцы. По краям зала кто-то заботливо расста-

вил стулья. Правда, почти все были заняты.

Наконец, появился Бранви с охапкой бумаг в половину его роста и гулко приземлил их на стол.

— Теперь иди, помоги Райнгриму, — строго сказал секретарь, забирая документы. — Глупый мальчишка принес за весь год. Еще раз, что вам надо?

— Поставки, — Эвальд прочистил горло. — Восточный гарнизон...

— Да-да, смотрю, — перебил мужчина, просматривая даты документов. — Хёстидис, Виндилис... Свефнир. Да, вы получили верный отчет — задержка поставки.

— И-и? — протянул Ланс, приподнимаясь на руках, чтобы заглянуть в отчет.

— Что и-и? — секретарь отдернул руку, закрывая содержимое. — Ресурсы перераспределили. Получите продовольствие после пересчета. Вы предоставили отчет по остаткам?

— Да, я вчера его отправил, — ответил капитан.

— Вчера! — возмущенно взмахнул рукой мужчина. — Позавчера была последняя дата подачи. Чем вы занимались?

Капитан отпрянул, затем попытался оправдаться:

— В гарнизоне был пожар. Мой кабинет сгорел.

Секретарь медленно поднял глаза на него и поправил очки.

— Значит, стоило отправлять заранее, не так ли?

Ланс медленно отошел от стойки. В зале много людей, все заняты. И вроде никто на него не смотрит. Секретарь, увле-

ченный своим триумфом над капитаном, не заметил его ухода.

«Простите, капитан. Постараюсь побыстрее».

Ланс достал из сумки свою тетрадь, сделал вид, что что-то пишет, и направился прямо в архив. Пришлось подождать, пока стоящий на входе гвардеец не отвлечется на разговор с очередным растерянным фермером, прежде чем прошмыгнуть в приоткрытую дверь.

А проветрить тут стоило бы. Ланс осторожно ступал между шаткими стеллажами, заденет — свалит целый ряд. И ладно документы упадут, поднимется кошмарное количество пыли. От беготни мальчишки Бранви тут до сих пор невозможно было дышать. В прошлый раз, когда Ланс подрабатывал в палате, архив был чище. Год уже прошел?

Он прикрыл нос рукавом и начал изучать названия секций.

— Западный, центральный... — пробормотал он, — Южные ворота. О! Даже нижний квартал теперь со своей полкой. А где же...

Какой плохой каталог! Тут жизни бы не хватило разобратся!

Изучив несколько проходов, он, наконец, нашел нужный. На одной из полок не было пыли — отсюда и взялись документы на стойке. Ланс начал искать отчет, который капитан отправил вчера. Он клал листы на пол, чтобы потом сложить их обратно в том же порядке.

Итак, отчет. Подпись и печать капитана, а рядом с ними — печать и подпись Продовольственной палаты. Они обработали документ после даты подачи!

Улыбка расплзлась на лице, когда он представил лицо секретаря. Но тогда в чем же дело?

Ланс прибрался, взял отчет и встал. Тут он вспомнил про утренние слова Арвис. Одна десятая... Куда тогда идет остальное? Мысли начали выстраивать цепочку из сведений: для начала, несправедливое распределение людей и припасов; затем, отговорки и обвинения капитана в нарушении сроков подачи.

В голове зазвучал отвратительный голос: «Шаритесь в мусоре, капитан?»

Синдриан! Он же пытается понравиться генералу. А тот, как и любой ответственный человек, любит исполнительность. И этот подхалим наверняка пытается перед ним выслужиться.

Ланс вернулся к шкафу с надписью «Западный гарнизон». Взгляд прошелся по верхним документам — печать капитана, но в подписи другие имена. Конечно же, сам он не тратит время на такую ерунду, как организация жизни гарнизона. Тут доклады по инцидентам, копии прав владения полями.

А вот и снабжение. Отчеты Синдриана, в отличие от бумаг капитана, были двойными — сам документ и еще приложение. Обычное заверение с печатью, но без подписи. Чья это печать?

Ланс снова присел на пол, раскладывая перед собой просмотренные бумаги. Отчет по остаткам за этот месяц он нашел. Кстати, тоже поданный не в срок.

Он быстро перебирал пальцами стопку. Поднятая пыль заставила его чихнуть. Ланс поднял голову, вытер проступившие слезы и проморгался, фокусируя зрение. Коробка в соседнем шкафу. Бумага выглядывает, а на ней такой же обезличенный оттиск. Он подполз к полке, вытащил документ и прочитал: «Зерновые сделки». В таблице, в колонке торговец: «Кампания Хельвег». Получатель пустой, только заметка «в столицу». Но, когда Ланс дошел до количества отправленного из Вальдорфа зерна, тело замерло на вдохе. Такие объемы! В обычный год это грозило бы городу голодной смертью. Может, урожай в этом году больше? Фермер Вердар что-то такое говорил...

— Вот и ты, — прозвучал за спиной стальной незнакомый голос.

Ланса в один рывок на ноги подняла сильная рука. Он повернулся и встретился взглядом с гвардейцем. Как он так тихо подкрался?

— Я тут... это... меня попросили.

Но по его лицу Ланс понял, что отговорки не сработают. Гвардеец потащил его на выход.

Эвальд переминался с ноги на ногу у стены, пытаясь понять, что он мог сделать с поставкой продовольствия. Мель-

кающие в зале лица, раздраженные ожиданием и озабоченные своими проблемами, не могли дать ответ на его тревожное замешательство. К чувству собственного бессилия перед высокомерными секретарями, что обидным комом застряло в горле, капитан не привык и вряд ли когда-либо сможет. И Ланс пропал. Вот куда он делся? Может, не выдержал и все-таки вышел на улицу?

Капитан обернулся на шум в дальнем конце зала.

— Да говорю же! Меня отправили за отчетом!

Гвардеец тащил сопротивляющегося и кричащего Ланса.

Куда он вляпался?

— Капитан! — наемник махнул свободной рукой.

Эвальд вышел перед гвардейцем, подняв подбородок.

— Это мой помощник. Причина задержания?

Взгляд из-под серебряного шлема не дрогнул.

— Он пролез в архив. Я отведу его в Центральный гарнизон, там разберутся.

Эвальд поежился от тона его голоса. Точь-в-точь как у Арвис в вечер после пожара. Что же делать?

Ланс вдруг остановил попытки разжать руку гвардейца и кивнул на плащ Эвальда. И точно ведь, они пришли не с пустыми руками. Почему сегодня он такой рассеянный? Капитан запустил руку во внутренний карман и достал бумагу. И если он разыграет ее верно, то сможет решить сразу несколько проблем.

— Ты нашел что-нибудь?

— Ага, — улыбнулся Ланс.

Эвальд развернул записку Арвис и ткнул ее в нос гвардейцу. Тот застыл и отступил на шаг. Его взгляд прилип к оттиску печати Лорик, словно читал свой приговор.

— Меня послала лейтенант Лорик. Полагаю, знаешь такую? — он попробовал имитировать Арвис. Однако, без звона ее голоса эффект, конечно, не тот. — Я послал своего помощника в архив. Что ты нашел?

Ланс отнял руку с бумагами из ослабшей хватки и протянул ее Эвальду.

— Как видите, ваш запрос на поставку обработали, — начал он, пока капитан пролистывал документы. — Отчет капитана Западного гарнизона подписан палатой от той же даты.

— Значит мы оба должны были остаться без продовольствия, — кивнул капитан и поднял голову.

Гвардеец смутился.

— Я прошу прощения за недоразумение! Если позволите, я пойду.

Эвальд посмотрел на ровное белое лицо. Затем на отчет. Его стражникам грозила нехватка еды, а гарнизон Синдриана имел излишки и делился с и без того обеспеченной армией. Глухая дикая вспышка поднялась из груди и окрасила зал в красный цвет. Вот, что испытывал Ланс?

— Не позволю. Идешь со мной.

Эвальд заметил, как на лице Ланса расплывается улыбка.

Он не улыбнулся в ответ, только сжал челюсти, направляясь к очкастому секретарю. Дыхание вдруг стало таким горячим.

Капитан с силой швырнул на стойку отчеты.

— Как это понимать! — гнев вырвался криком. Громче, чем представлялось. — Оба отчета подписаны после окончания даты подачи! Что, в Западном гарнизоне тоже был народный бунт?

Секретарь проморгался, делая шаг назад.

— Я ведь говорил вам. У меня нет возможности повлиять... Вы можете ругаться, но я...

Эвальд ладонью прихлопнул к столешнице записку Арвис. Глаза секретаря округлились, когда он увидел печать.

— Восточный гарнизон сейчас под управлением Арвис Лорик, — процедил капитан. — Мне стоит вернуться и сообщить ей, что вы ни на что тут не способны?

— Но я... Можно обратиться к заведующему, — промямлил секретарь в ответ. — Если он одобрит заявление, то склад рассмотрит...

Эвальд резко повернулся к гвардейцу.

— Все слышал?! Продовольствие должно прибыть завтра. Если к вечеру повозок не будет, Арвис явится сама.

Уже снаружи, держась за стену, Эвальд пытался отдышаться. Распахнутые глаза смотрели на переулок, но не видели его. Волна возмущения сошла, оставив после себя трепещущее осознание. Тревога и стыд смешалась с триумфом,

и разум напрочь отказывался отделять одно от другого.

Ланса похлопал его по спине и Эвальд вспомнил, где он находится.

— Капитан, получилось! — лицо наемника сияло словно первый луч солнца, оглашающий приход весны. — Гарнизон получит продовольствие. Вы не просто бумагу показали — вы им разнос устроили!

— Да уж, — Эвальд выпрямился и прокашлялся. — Только... давай, я сам доложу лейтенанту.

— Как скажете, — улыбка не сходила с лица Ланса. — Можно отправляться или есть еще дела в Цитадели?

Эвальд отряхнул ладонь и кивнул в сторону конюшни.

— Пойдем. Если бы дела и были, боюсь, меня на них уже не хватит.

На обратном пути Эвальд старался смотреть на дорогу, хотя мысли так и норовили закрыть обзор города. И Ланс, разговаривая обо всем сразу, заглушал внутренний голос капитана. Теперь, например, Эвальд знал, что вот в этой лавке с уличной витриной можно заказать хлеб с южными специями, а у этого торговца, чей прилавок стоял у южного входа на рынок, можно купить фрукты почти весь год.

Капитан, который следил за районом и знал только его серую сторону, учился видеть освещенные солнцем улицы и лица людей.

Ланс свесился из седла, указывая на вывеску торговца

всякой мелочью.

— А вот здесь можно оставить шаблоны отчетов и размножить их.

Эвальд увидел сквозь кусочки спаянного стекла шкатулки, свечи и лампы.

— Дорого берет?

— Если принести ему бумагу, то нет, — покачал головой Ланс. — Один медный за лист. Хотя, раз формы отчетов почти пустые, можно договориться за ту же цену на три или четыре листа.

— Надо будет запомнить, — Эвальд кивнул в сторону удаляющейся лавки. — И совсем недалеко от гарнизона.

Капитан услышал мычание и обернулся на потягивающегося Ланса.

— Я уже начал составлять список полезных лавок, — все еще из зевка ответил наемник. — Он на третьей полке, возле... Покажу, как приедем.

— А пекарню с тем ароматным хлебом ты указал? — ухмыльнулся Эвальд.

— Конечно, — Ланс упер руку в бок. — Она на другой странице. Рядом с торговцем одеждой и сыроварней.

Эвальд одобрительно хмыкнул и повернул лошадь.

— Быстрее, чем я думала.

Эвальд встретился взглядом с Арвис. Казалось, она даже позу не сменила с их отъезда, держа в руках пачку бумаг.

Правда проверяла отчеты на ошибки?

— Капитан там... — начал было Ланс. Лейтенант вскинула бровь. — Я пойду... пить захотелось.

Эвальд улыбнулся, взглядом провожая его из кабинета.

— Так что же «капитан там»?

— Мне удалось возобновить поставку продовольствия, — не опуская уголки губ, сказал Эвальд. — Спасибо вам, лейтенант.

Она изучала его лицо какое-то время.

— Мне-то за что. Надеюсь, вы показали им мою печать с порога, — в ее глазах заиграли огоньки ламп. — В палате любят, когда я прихожу. И мне нравится там бывать. Гвардейцам даже разнимать нас приходится.

Она мечтательно вскинула голову. Эвальд хмыкнул, представляя эту картину.

— Не совсем. Мы... Ланс пролез в архив. Я достал бумагу, когда отбивал его у гвардейца.

— Даже так! — протянула Арвис, подаваясь вперед. — И что дальше?

— А дальше этот гвардеец обеспечит заполнение всех форм и проверит, чтобы продовольствие завтра было во дворе.

Она подошла, протягивая ему руку.

— Вы просто герой, капитан Фарн, — ее тон не был насмешливым.

Эвальд благодарно ответил на рукопожатие.

— Но я... как бы сказать, — его рука против воли оказалась на затылке. — Я довольно сильно надавил вашим авторитетом. Простите, если...

— Моим авторитетом нельзя сильно надавить, — Арвис пожала плечами. — Для бездарей это всегда болезненно.

Эвальд с облегчением выдохнул. Тело внезапно расслабилось, отпуская последние оковы тревоги. Под удивленным взглядом лейтенанта он непослушными шагами добрался до стула.

Арвис отступила к дверям. Он уже не слышал стук каблучков ее сапог.

— Отдыхайте, капитан. Вы хорошо потрудились.

Глава 12. Постоянство

*Светлые пряди скрывают лицо.
Счастье в груди сохраняет тепло.
Но руки и шаг забирают цветы —
И ветер лишь воет, не скроет следы.
— Ласточка у земли*

Северная стена гарнизона отбрасывала плотную тень, в которой прятался длинный склад. Масляная лампа едва справлялась с тьмой. Рафир осмотрел углы и дальний конец помещения, убеждаясь, что подготовил место для припасов. Уборка, правда, затянулась — каждое поднятие ящика или мешка сержант сопровождал медленным и глубоким дыханием, чтобы тело не разогрелось, ведь лейтенант в любой момент могла отдать приказ, и рабочий день продолжится уже не в гарнизоне, а в изящной гостиной.

— Рафир, ты здесь? — в дверях показалась голова Ланса.

— Да, почти закончил. Лейтенант зовет?

Дверь скрипнула. Рафир не успел предупредить — на входе послышался глухой удар и тихая ругань.

— Как ты видишь тут?

Ланс подошел ближе, отряхивая руки от соломы и пыли.

— Я привык, — Рафир пожал плечами и поднял лампу выше. — Аен занимается арсеналом и подвалом, а за мной

склад, так что...

Ланс потер руки, поежившись от холодной влажности.

— Новостей пока никаких. Арвис и капитан в кабинете, а я вышел размяться, — когда его глаза привыкли к темноте, он осмотрелся. — Ты уже перенес остатки к дверям? А я думал помочь.

— Если повозки приедут сегодня, можешь помочь занести, — с улыбкой предложил Рафир. — Давай на улицу, тут все готово.

В островке дрожащего света они пошли к выходу, стараясь не споткнуться.

Снаружи первый же вдох показал Рафиру, насколько густым и землистым воздухом он дышал в темноте. Он повернул голову к тусклому полуденному солнцу и закрыл глаза.

— Сегодня последний день с гвардейцами, — зевнул Ланс и потянулся. — Хорошо, что отряд Арвис остается.

Рафир заразился зевком, мышцы по бокам даже заныли от усилия. Опустив руки, он поправил форму и посмотрел на двор.

— Они здорово помогли, — заметил он, затем головой указал на проходящих стражников. — Обучили ребят помогать горожанам и правильно отчитываться.

— Тебе с капитаном проще теперь будет, — кивнул Ланс.

Рафир оглянулся на него. Взгляд наемника гулял по гарнизону. У сержанта был вопрос, который он держал в голове со вчерашнего дня. После того, как Ланс и капитан вер-

нулись, Арвис заперла кабинет и запретила туда ходить. А после отпустила наемника и сообщила Рафиру, что припасы доедут вовремя и приказала готовить склад. Капитан показался только вечером и сразу же ушел домой, даже не поужинав.

Рафир посмотрел на свои сапоги, переминаясь с ноги на ногу.

— А как... — начал он, подбирая слова. — В Цитадели вчера... Расскажи, пожалуйста, как все прошло.

Ланс обернулся к нему, распахивая глаза.

— Ты не знаешь? — он вдруг широко улыбнулся. — Спорю, что вчера мы могли переплюнуть вашу с Арвис вылазку в Южный район. Десертов, конечно, не захватили, но шуму навели.

— Даже так? — Рафир не стал скрывать удивление. — Вы ругались с секретарями?

— Не только, — Ланс гордо вздернул подбородок. — Поздоровались с капитаном Ангвисом, поболтали с ним в подворотне.

— Вы побили его?!

Проходящие стражники обернулись на возглас. Рафир прочистил горло и махнул головой — нечего развешивать уши.

— Конечно, нет, — усмехнулся хитрый мальчишка. — Но хотелось... Он пытался хвастаться своими важными встречами, вот я и припомнил кое-что забавное про одного из его

друзей.

Рафир понял, что с его лица не сходит улыбка. Когда он последний раз так свободно болтал?

— А потом секретарь что-то бубнил о просроченном отчете, — продолжил Ланс, складывая руки на груди. — Как будто пожар в гарнизоне устроили специально. И я пролез в архив.

Рафир слушал историю, почти открыв рот. Слова Ланса рисовали в голове образы, словно сон про незнакомых людей. Людей, которые, наконец, смогли потребовать от порядка, которому они служат, подобающего отношения.

Он решил поделиться теплом, которое Ланс подарил своим рассказом, и ткнул его кулаком в плечо.

— За что?

— Чтобы поменьше влезал в неприятности, — улыбнулся сержант.

— Ха, — Ланс потер плечо и, отведя взгляд во двор, сказал почти отстраненно, — Кстати, о неприятностях, ты нашел алмазный надфиль? Тот, что везли ювелиру Герт и Сэвор.

— Да, я уже отнес его. Он передал, что через неделю сможешь забрать свой заказ.

Ланс поднял брови, мгновение глядя на сержанта.

— Спасибо. Теперь, это дело точно закрыто.

— Ага, — Рафир почесал затылок. — И... если у меня получится, я бы с тобой сходил. Мастер, что чинит мое сна-

ряжение, предупредил, что уезжает, мне нужно поискать нового. Поможешь?

Выражение лица Ланса напомнило Рафиру его собственное, когда старший брат предлагал отправиться вместе в поездку или пройти по лавкам. И это сходство, несмотря на закрытое облаками солнце, сделало день немного светлее.

— Капитан, что насчет этого? — Арвис передала Эвальду ночной график патрулей границы Северного района. — Люди Хеймберта стоят достаточно плотно, чтобы реагировать на угрозы. Можно перевести часть ваших стражников с этих постов на центральные улицы, ближе к рынку и внешней стене.

Капитан протянул руку, забирая расписание. Арвис скользнула взглядом по его лицу, убеждаясь, что ее присутствие не охлаждает комнату.

— Здесь такое дело, — Эвальд почесал затылок. — Северные патрули не всегда справляются с зачисткой зверей, которые проникают в город.

Он развернул карту Вальдорфа, проводя линию по границе районов.

— Здесь мои стражники стоят стеной из огня и шума. Лесные твари не приближаются к свету от факелов, идут обратно, и стражники Хеймберта их убивают.

Умно. Свои люди и жители в безопасности, а тот, кто умеет разбираться с лесной угрозой, продолжает ее устранять.

— Можно ли установить факелы на шести? — Арвис провела пальцем по той же линии. — И оставить несколько людей следить за пламенем?

— Я пробовал, — Эвальд поднял голову. В его взгляде она не увидела ни замешательства, ни усталого раздражения. — Звери не глупые. Если они не слышат голоса и лязг металла, им плевать на свет. Худшего в тот раз удалось избежать, но стрелохвоста мы потом три дня ловили.

Он усмехнулся, складывая карту.

Арвис представила тушку стрелохвоста, которую гвардии как-то показывали на собрании. Лисица с черной шерстью. Нет, больше чем лисица. И еще этот хвост с торчащими костяными иглами. Лейтенант поежилась, отгоняя воспоминание о жуткой вони от крови. Она бы и без оружия справилась с таким зверем, однако, хорошо понимала — не каждый смог бы вовремя отреагировать на бросок из темноты.

— Капитан, вы были в Северном лесу?

— Да, — Эвальд удивленно поднял брови. — Давно, правда, дело было. Еще сержантом я ходил к рудникам. Наш отряд должен был... уже не помню, что там случилось. А почему вы спрашиваете?

Она махнула ладонью в ответ, опуская глаза на документы.

— Если вам интересно, бился ли я с чудовищами, — Эвальд встал и подошел к окну. — То, увы, не могу поделиться ничем интересным. Нас сопровождал отряд наемни-

ков. Они использовали колокольчики и ловушки с запахом — по дороге никто так и не встретился. Никто опасный.

— В этом мы с вами похожи, — вздохнула Арвис и тоже поднялась со стула, чтобы посмотреть во двор. — Но я ни разу не была в экспедиции к подножию хребта Драум-Халь.

Свет из чистого нового окна играл на гладком серебре ее колец. Арвис сделала попытку отследить его источник и пошевелила пальцами. Однако, облака бумажным колпаком закрывали солнце, рассеивая лучи. В Северном лесу сейчас так же светло? Насколько древние кроны затемняют узкие тропинки?

— Там красиво, — мягко вздохнул Эвальд.

— Хотите чай? — Арвис резко развернулась и направилась к шкафу. — Этот разговор напомнил мне про вашего еретика с его травами.

Обернувшись, она увидела замешательство на лице Эвальда. От предложения или от слов о подопечном?

— Я даже не... Арвис, он не еретик.

— В тот раз ваш чай напомнил мне... — она пощелкала пальцами. — Я была как-то у восточного побережья, встречала послов из империи в порте Квархолт. Берег там обрывистый, на скалах растет много разных деревьев. Когда вдохнула аромат отвара, я будто вновь оказалась там.

Уголки губ капитана приподнялись. Он немного склонил голову, встречаясь с ней взглядом.

— Это очень поэтично, лейтенант.

— Да, — она пожала плечами. — Вынужденное умение. Без романтики я бы тоже... То есть, я бы задохнулась на посту.

Забирая банку с полки, Арвис повернулась к Эвальду.

— Тогда я приму предложение, — он кивнул, прикрывая глаза.

Арвис вернулась из столовой с готовым чаем и села вполоборота, положив руку на стол рядом с кружкой. На периферии ее взгляда Эвальд раскладывал отчеты по полкам шкафа.

— Бросьте, капитан, — она жестом указала на стул. — Я знаю, как тяжело признавать, что работа закончилась.

Эвальд обернулся. Пачка бумаг в его руках опустилась на стол, и затем он сам плюхнулся на сиденье.

— Расскажите мне об алхимике. Какая история свела капитана стражи и... — она выгнула бровь, замечая, как он смотрит исподлобья. — Арденскельда.

— Моя мать знакома с его родителями. Он не прижился в столице, — пояснил Эвальд и усмехнулся, глядя в ее прищуренные глаза. — Он не преступник, правда! Предложил свои услуги, попросил помочь освоиться в городе. Я поселил его на первом этаже своего дома, поэтому мне по карману его алхимия.

— Интересно, — Арвис подула на чай и сделала глоток. — Двухэтажный дом... Я что-то слышала про семью Фарн: неожиданный финансовый крах, исчезновение главы семьи

и наследник, который отказался восстанавливать имя рода через расчетный брак.

— Очень емко, лейтенант, — Эвальд держал деревянную кружку двумя руками. — Все верно, это про меня.

Арвис получила ответ ровным тоном. Слова шли не из шипастой брони, а от мужчины, что сидел перед ней.

— Это смело, капитан, — кивнула она сама себе. — С образованием вы могли бы выбрать любое ремесло, но стали стражем улиц.

Он лишь согласно покачал головой.

На лестнице раздались шаги и Арвис обернулась к двери.

— Госпожа Арвис.

— Гримстейн, есть новости?

Он пересек кабинет и отдал ей записку.

— Госпожа Сьерхольт прислала слугу. Передала, чтобы я как можно скорее известил вас.

Она, прищурившись, осмотрела своего дворецкого. И, глядя на аккуратно приглаженные волосы и ровное дыхание, заподозрила, что тот вовсе не торопился. Однако, раз дело было серьезным и не касалось их небольшого соревнования, Арвис не стала язвительно комментировать и, развернув бумагу, увидела ровный строгий почерк Сендис.

— Капитан, я за Рафиром, — она встала и сняла с крючков серый платок и два плаща. — А вам я бы предложила взять гвардейцев, пока есть возможность, и устроить тренировку для стражников.

— Здесь разделимся, — Арвис поправила перчатки и махнула вправо. — Отправляйся в Гард и переоденься. Я к портному. Поговорю с ним и подожду тебя.

Рафир кивнул и пришпорил лошадь.

— Надо было захватить ему пару комплектов одежды, — проворчала она себе под нос.

Знакомая улица прямым проспектом спускалась к южным городским воротам сплошной стеной из каменных двухэтажных зданий. Позади Гард, впереди серый и желтый песчаник и красный кирпич, бесцветные витражные окна с изображениями цветов из каждого первого сада, — безликая улица победила в состязании за индивидуальность. Арвис осматривала вывески, кусая край губы. Теперь различить бы среди изящных дверей нужную мастерскую.

Порыв ветра откинул ворот плаща и прохлада коснулась шеи. Спасибо, не сегодня. Ее руки завязали колючий платок и застегнули плащ до самого носа.

Чайная лавка по левую сторону, в которую, вероятно, она так никогда и не доберется; аптека, почему-то закрытая сегодня, где можно попробовать добыть луковицы стойкого к морозам лилового безвременника.

Арвис тяжело вздохнула, глядя на невыразительные окна лавок — список покупок постепенно терял свои пункты. Бумаг с собой у нее предостаточно — карманы гвардейского фрака выпирали от наполняющей их власти. Только вот,

свободного места для чайной на них не было.

— А вот и портной.

Она спешила напротив аптеки, кивая в ответ на приветствия проходящих мимо патрульных, привязала поводья к коновязи, вошла внутрь. И не увидела ни одного платья на витрине. Так быстро раскупают?

Свежий запах зеленых листьев и сладких цветов встретил ее в темном помещении. Деревянные панели на стенах, рулоны из шелка и атласа рядом с большим шкафом, — никаких фильтров и прессов. А ведь Арвис на миг поддалась иллюзии, что зашла в парфюмерную лавку, где ароматы добывают холодным отжимом.

Она расслабилась всего на мгновение, позволив себе насладиться кисловато-горьким облаком базилика и нежной мелиссы. Справа от двери хозяин мастерской поставил два кресла и небольшой стол, а ближе к стойке — подиум с зеркалом. Где же он работает?

Она поискала взглядом подсобку и увидела лестницу и две двери: видимо, швейная и примерочная.

— Добро пожаловать, госпожа... гвардеец? Что-то случилось?

Невысокий худой мужчина показался из-за зеркала, держа в руках измерительную ленту.

— Ох, нет. Прошу прощения за свой вид, — она мягко улыбнулась, снимая плащ. — Я с личным визитом, Арвис Лорик.

— Госпожа Арвис! — портной раскинул руки, с интересом и некоторым беспокойством рассматривая ее сапоги. — Госпожа Сьерхолт предупредила, что вы навестите мою скромную мастерскую. Даже угрожала мне, если честно, и я перенес несколько встреч. Меня зовут Бломар Тальгард.

— Ах, не обижайтесь на Сендис! — рассмеялась она в ответ, проходя ближе к подиуму. — Рада с вами познакомиться. Вы распродали все изделия?

Портной провел пальцами по щеке, его брови мечтательно приподнялись.

— Я провел летний сезон в столице. Вернулся в Вальдорф чуть больше недели назад. Мой помощник занимался мастерской, поэтому сейчас, увы, не могу показать вам свои работы.

Арвис на миг не удержала вежливое выражение на лице, ее веко слегка дрогнуло. В столице, значит. Среди всех ее знакомых не нашлось бы человека, кто променял бы южное солнце на приход Поступи Глатариса на северной границе королевства. Ну, разве что Сендис... А затем на ум пришел еще один человек — она сама.

— Очень жаль, — тяжело вздохнула Арвис и подошла к рулонам. Ее ладонь прошла по гладкой прохладной ткани. — Как прошла ваша поездка? Удалось посмотреть на Бастион Света?

Мужчина покачал головой, заходя за стойку, и провел рукой по раскрытому каталогу.

— Нет, госпожа. Он по-прежнему закрыт на ремонт, все еще в строительных лесах — ни подойти, ни полюбоваться хрустальной крышей. От Мюркнира, как я слышал, до Виндилиса — восстановление длится почти год!

— Как печально. Я и сама планировала весной прогуляться по его залам, — Арвис обернулась к нему с улыбкой. — Уверена, в столице вам не дали отдохнуть. И очень надеюсь, что вы привезли с собой свежие идеи.

Портной ответил на ее улыбку и достал из-под стойки большую книгу. Он пригласил ее ближе, указывая на страницы.

Арвис прошлась по рисункам — наброски платьев и накидок. Водная краска не выходила за края линий при таких мелких деталях. Выполнено достойно. Стоит добавить мерки и перед ней были бы не эскизы, а чертежи. Она с интересом пролистала несколько страниц, остановившись на бледно-розовом платье.

— Как интересно. Вы вдохновлялись пустынными цветами? Этот набросок... словно бутон королевской протеи.

— Артишоковой, но... удивительно! — мужчина распахнул глаза, отстраняясь. — Все видели лишь магнолии и георгины. Как вы?..

Бывают еще и артишоковые... Однако, Арвис не смутилась и указала на позу, в которой была изображена женщина. В резких линиях, слегка прикрытых глазах и приподнятой от локтя руке читались сила и гордость.

— Я бы предложила добавить украшение, скажем... подвеску или пояс, на котором бы красовалась стальная безделушка, — она небрежно махнула рукой. — Грубая деталь к нежному образу. Некоторые задумки, как мне кажется, стоит объяснять чуть более явно.

— Это потрясающе, госпожа! Для меня будет честью, если вы позволите сотворить для вас это платье.

Этого не было в планах, но куда теперь деваться. Арвис пролистала еще несколько страниц, но золотистой кольчуги так и не нашла.

— Скорее, это будет честью для меня, — она закрыла книгу и бережно передала ее в руки Бломара. — Я рада, что последовала совету Сендис. Однако, не торопитесь с платьем-протеей. Я бы надела его в день Первого поцелуя солнца. А вот к Безвременному балу я уже кое-что присмотрела.

Портной, уже держащий в руках тетрадь для заказов, замер.

— Госпожа? — его взгляд приобрел решительный блеск. — Каким бы ни был ваш мастер, клянусь, я сделаю лучше. Миркдагар только через месяц. Вы сможете полюбоваться на мою работу за неделю до бала.

— Вы не так поняли! — Арвис рассмеялась, глядя на растерянного Бломара. — Этот мастер — вы! Как только Сендис рассказала про змеиный перелив, я не могла себя представить больше ни в чем.

— Ах, вот в чем дело! — портной несколько раз моргнул.

— Но его уже купили. Мне так жаль! Графиня Тальси поджидала меня у входа и не оставила выбора. Я привез змеиный перелив из столицы и это платье — все, что было к продаже.

Арвис медленно подняла руку, глядя в кольцо на большом пальце. Искаженное отражение, как обычно.

— Лирвейн Тальси? Мне нужен ее адрес, — произнесла она, стараясь придать голосу безразличие холодного серебра. Не вышло. Снова этот повелительный тон. — Я желаю получить это платье.

— Конечно, — Бломар потер пальцем висок и раскрыл тетрадь. — Я напишу вам адрес графини.

Перо побежало по строчкам. Однако Арвис заметила улыбку, с которой портной выводил слова. Неужели она первая, кто разглядел его задумки?

— И еще кое-что, — Арвис приняла записку с адресом. — Вы выезжаете на примерку? Понимаете, я на службе. Мое расписание не всегда позволяет уделять время себе.

Бломар покачал головой.

— К сожалению, госпожа, я не покидаю мастерскую. Я в осаде бесконечных заказов.

— Я бы не сказала точнее, — улыбнулась Арвис, обращившись к зеркалу на подиуме.

Гвардейский зачес совсем распустился. Может, стоит собрать волосы в хвост?

Портной начал выходить из-за стойки.

— Мы могли бы выбрать дату, если желаете. И я...

— О, не переживайте об этом, — резко перебила она, и записка с адресом исчезла в кармане. — Вы очень заняты, и я не посмею вас отвлекать. Пришлю своего слугу. Прелестный юноша. Когда он сможет застать вашего помощника?

— Сильвин здесь каждый день. Сегодня я отпустил его — какое-то личное дело.

Арвис мгновение смотрела на портного.

— И, пожалуй, раз я всерьез решила выиграть битву за змеиный перелив, подскажите, кто-нибудь еще видел платье? Может, примерял его?

Портной понимающе кивнул и подошел ближе, встав за ее плечом.

— Только я и Сильвин. Еще госпожа Сьерхольт лишь мельком успела заглянуть в швейную, но, судя по всему, этот миг оставил у нее яркое впечатление, — он обошел подиум и посмотрел Арвис в глаза через отражение. Голос портного стал глубоким, зазвучал в такт шелеста его тканей. — Платье уникально. Его даже не нужно подшивать — ткань эластична. Не беспокойтесь за свой образ, своим появлением вы обязательно озарите Безвременные Сумерки.

Слова Бломара заворожили Арвис. Одержимость портного своим искусством была пронзительно искренней. И заражительной.

— Это прекрасно, — она вздохнула, приложив руку к груди. — На этом, пожалуй, я закончу свой визит. Рада знаком-

ству, господин Тальгард.

— Как? Уже уходите? — портной растерянно смотрел, как она застегивает плащ. — Прощу вас, погодите минуту.

Он не дождался ответа и побежал в примерочную, Арвис успела увидеть в проеме несколько горшков с растениями. Портной вернулся почти сразу, дверь даже не успела закрыться, и протянул ей длинный предмет, обернутый розовым шелком.

— Хочу, чтобы она была у вас.

Бломар откинул верхний край, открывая цветок с острыми нежно-розовыми лепестками. Цветущая протeya. Ее бутон едва раскрылся и был похож на шишку.

— Я привез горшок с ней из столицы. Раз уж вы первая, кто разглядел не только форму, я бы хотел поблагодарить вас.

Арвис приняла подарок. Цветок на длинной ножке весил почти как пустые ножны. И не обладал ароматом.

— Зачем же вы срезали ее?

Она смотрела на бутон, которому только предстояло явить миру нежную сердцевину. Закрытую сейчас броней из кожистых лепестков.

— Взаимное признание требует от меня подобных жестов, госпожа.

Выйдя на улицу, она некоторое время смотрела на цветок.

— Рафир, — мягкая улыбка еще не сошла с ее лица. — Почему ты не зашел внутрь?

Он дрожал даже в плаще. Еще одна протeya.

— Я не хотел мешать, — Рафир бросил взгляд на шелк в ее руках. — Удалось что-нибудь выяснить?

— Прыгай в седло.

Арвис аккуратно убрала подарок в седельную сумку и взобралась на лошадь.

— Сомневаюсь, что портной — владелец черного экипажа.

Бросив короткий взгляд назад, она убедилась, что за ними никто не идет — улица была пуста.

— Платье выкупили неделю назад, — продолжила Арвис. — Мы едем к новой владелице, графине Тальси. Выясним, причастна ли она к делу с экипажем. Или ее муж.

Рафир приподнял плечи, спрятав голову за воротником.

— Вы не будете переодеваться и отправлять сообщение до визита?

— Моя форма может сыграть нам на руку, — улыбнулась Арвис через плечо. — Я попробую убедить ее продать мне платье.

Они повернула к улице с нужным адресом. За углом их поджидал Свефнир, бросивший в лица пронизывающий ветер с гнусно холодными каплями. Арвис заметила, что Рафир сильно задрожал. Так спешил, что вспотел?

— Прости, я должна была сказать, чтобы ты не торопился.

— Все хорошо, — простучал он зубами.

— Здесь недалеко, согреешься в особняке. Сегодня мы

работаем раздельно.

Сержант повернулся к ней, нахмурившись, а она попыталась представить дополнения к его роли, прежде чем их озвучить.

— Я займусь хозяйкой. Как подам знак, ты пойдешь общаться со слугами. Будь вежлив и улыбайся. Они расскажут все, лишь бы тебе угодить.

— Угодить? — он тряхнул головой. — Зачем кому-то мне угождать?

Арвис приоткрыла рот. На мгновение она даже не поверила, что так бывает. Разве ясное ночное небо не обжигает одиночеством далеких звезд? Неужели предвестие морского шторма не станет обрушиваться на согретый солнцем песчаный берег вой ветра и стену дождя?

Как получилось, что человек, чьи зелено-золотые глаза и мягкая бронзовая кожа тождественны красоте цветущего сада, а в чертах лица читается нежность Гармонии Архитектора, не осознает могущество, которое дает его внешность?

— Как давно ты смотрелся в зеркало? — вырвалось у нее.

Ответом было непонимание на лице сержанта, столь невинное. Отпечатала бы в глине и поставила в алой гостиной.

— Рафир, ты... — Арвис подавилась смешком. — Поверь мне, служанки и рабочие в доме выложат тебе все. Главное, улыбайся и спрашивай про платье: кто видел, кто трогал.

Дом главы Торговой палаты, графа Тальси, — серый особняк с крышей, что поддерживали голубые колонны, — встретил их желтым камнем светлой прихожей, где темно-синие вазы и металлические перила не давали пространству стать однородным. Рафир хотел внимательнее рассмотреть композицию из напольных канделябров, но чуть не подпрыгнул от громкого голоса:

— Прибыла дочь маркиза Лорик! Острие Совершенства, госпожа Арвис, — прокричал дворецкий семьи Тальси.

Тепло особняка с боем выгоняло из тела сержанта остатки дрожи. Непослушными пальцами он помог лейтенанту снять плащ.

Но тут его руки замерли. Так это она — Острие Совершенства?! Тогда не удивительно, что она не стала кланяться командующему Фросгарну. В голове тут же зазвучал голос госпожи Сьерхолт: «... закопала свои амбиции, не подписав назначение...» Обернувшись, он не заметил у Арвис никакой реакции на перечисление ее титулов. А капитан и Ланс знают о ее статусе?

Решив придержать свое любопытство, Рафир передал верхнюю одежду дворецкому и обернулся на стук каблуков. По лестнице спускалась молодая женщина в серо-голубом платье. Совсем как колонны снаружи. Видимо, хозяйка дома.

— Госпожа Арвис? — глаза графини расширились в ужасе. — Но я... Я не получала новость о вашем визите!

— Графиня, простите за вторжение. Сама не ожидала. Времени так мало, что я решила опустить формальности.

Тон Арвис вовсе не был извинительным. Рафир отвернулся, понимая, что не в силах сдержать усмешку. И замер с этим выражением лица. Нет. Это скорее ухмылка. Вот Арвис и капитан улыбаются мягко. Однако, их улыбки искренние, они улыбались друг другу не для того, чтобы добиться чего-то или выведать.

Уличный холод или комплимент Арвис все еще лежал рюмьцем на щеках, напоминая, что он еще не выиграл битву со своей совестью. Ему предстояло...

Рафир повернулся к графине на ступенях, затем к дворецкому. Вот у него легкая улыбка, вежливая, и он не обманывает — его работа заключена еще и в том, чтобы выглядеть приятно.

Он незаметно кивнул сам себе — если вежливость будет неверно истолкована, то это проблема толкующего...

— Что-то случилось с моим мужем? — графиня, наконец, спустилась к лейтенанту. — Он в порядке? Его снова увела гвардия?

— Нет, графиня, — Арвис прикрыла глаза и выставила руку вперед. — Уверена, ваш муж в порядке, пока не распускает руки. Я по личному делу.

— Ах... — застывшая графиня только заморгала, словно пытаясь улететь из прихожей. — Тогда я... Тогда вы...

— С удовольствием выпью чай, спасибо, — улыбнулась

Арвис.

Дворецкий кончиками пальцев взял графиню за плечи и повел в гостиную. На пороге комнаты, пока две госпожи занимали места в обитых дымным бархатом креслах, Рафир осмотрел длинную комнату. По размеру — почти как склад в гарнизоне. Но одни только большие окна, впускающие тусклый свет, отсекали бы у других подобное сравнение.

— Ваше появление застало меня врасплох, — пролепетала графиня, поправляя подол платья.

— Я уже поняла, — с улыбкой ответила Арвис.

Взгляд лейтенанта не смягчился. В этот раз она собирается говорить прямо?

— Ах да, чай, — Лирвейн жестом подозвала служанку. — Какой вы предпочитаете?

Арвис приложила ладонь ко лбу.

— Знаете, я так забегалась, — тут она резко повернулась к Рафиру. — Ты же помнишь? Ягоды шиповника, черный чай, немного мяты. Как заварится, процеди три раза, добавь ягоды земляники. В чашку — щепотку розмарина.

Рафир кивал. Шиповник, мята... три раза пролить через ситечко. Или не важно, что он сделает — главное, как можно дольше его заваривать?

— Понял, госпожа.

— Вы же не против? — Арвис словно опомнилась. Ее ладони издали звонкий хлопок. — У вас найдется что-нибудь из перечисленного?

Графиня, кажется, все еще спускалась по лестнице в мыслях, и только кивнула.

— Я провожу вашего спутника, госпожа Арвис, — вызвалась служанка с рыжей косой.

Рафир обернулся и увидел на лице девушки то, о чем говорила лейтенант: распахнутые глаза и едва заметные веснушки искрились от смеси удивления и восторга. Стоило ему приподнять уголки губ, как служанка заметно вздрогнула, затем, поманила жестом, проговаривая едва слышно:

— Прошу за мной.

Коридор без окон, уводящий вглубь особняка, освещало множество настенных ламп, однако, темно-зеленые стены поглощали теплый свет, создавая лесной полумрак.

Рафир замедлил шаг у небольшого зеркала, пытаясь поймать отражение. Удалось лишь мельком. Привычное лицо, знакомые черты. Зеленые с золотом глаза. Может, всмотришься он лучше, заметил бы, что черная ливрея делает его другим, непривычным... открытым. Но что бы это изменило? Внутри оставался сержант, не способный ложно улыбнуться без щелчка челюстей совести за ухом.

— Ты давно служишь Острию Совершенства? — обернулась девушка, тряхнув косой. — Как зовут? Я Даена.

— Рафир. Госпожа Арвис учит меня помогать дворецкому.

Он незаметно выдохнул. Не так уж и сложно говорить, не отвечая на вопрос.

— Наверное, тяжело с ней, — служанка указала на поворот. — Нам сюда.

— Вовсе нет, — мягко ответил он, следуя за ней в более освещенную часть особняка. — Она строга, но справедлива.

— Я слышала, что твоя госпожа... — Даена обернулась и Рафир разрешающе кивнул. — Слышала, что она живет одна. И что в Гарде Лорик не топят печи, потому что госпожа Арвис любит холод.

Рафир не стал удерживать смешок. Служанка подняла на него голову и расплылась в улыбке.

— Это не правда. Арвис обычный человек.

Конечно, не обычный. Если она и правда способна расколоть меч противника парой ударов...

Рафир подумал, что утоление интереса Даены — это плата за сведения. Арвис не будет против, ведь он не станет болтать лишнего.

— Мы пришли. Если хочешь, я помогу тебе приготовить чай.

— Будет здорово, спасибо.

Два повара обернулись на новое лицо. Они делали заготовки овощей и мяса, мастерски орудуя длинными ножами, наполняя кухню размеренным стуком лезвий. Служанка провела его дальше — нос защекотал аромат луковой заправки с чем-то уксусным и нутро предательски запело. Рафир невольно накрыл живот ладонью.

— Ты голодный? — Даена подбежала к поварихе. — У

нас осталось что-нибудь с завтрака?

— Опять ты клянчишь, — проворчала женщина, вытирая руки о серое полотенце.

Даена облокотилась на высокий стол, не отступая под сердитым взглядом поварихи.

— Я же не для себя! Это слуга госпожи Арвис Лорик.

Повара подняли на Рафира распахнутые глаза. Одно лишь ее имя...

— Опять отпаивать травами графиню, — строгая женщина закинула полотенце на плечо и в ее руках появилась закутанная в ткань буханка. Даена в это время отошла к шкафу с деревянными коробочками. Стопка быстро росла в ее руках, после чего девушка разложила их на столе.

— Шиповник, черный чай, мята, земляника и розмарин, — с улыбкой сообщила она, указывая за коробочки.

— Большое тебе спасибо!

Даже не пришлось притворяться, потому что часть списка потерялась еще на выходе из светлой гостиной. Он поискал глазами чайник и повернулся к Даене.

— Да, точно, еще же вода, — спохватилась она и побежала к печи, ставя на огонь небольшую медную кастрюльку. — А зачем прибыла твоя госпожа?

— Она хочет выкупить у графини платье, — его взгляд прошелся по лицам, замечая удивление только у Даены. — Змеиный перелив, видела его?

— Конечно, — кивнула служанка и обернулась проверить

воду. — Очень красивое. Но... она примерила его всего раз.

— Даже так. Почему?

— Госпожа показывала наряд друзьям графа и почему-то очень расстроилась.

Даена аккуратно поставила перед Рафиром горячую кастрюльку и побежала за фарфоровым чайником. Повариха в это время протянула ему тарелку с хлебом и сыром.

— Угощайся, юноша, — коротко бросила женщина и вернулась к работе.

Рафир благодарно кивнул, взял еду и обратился к Даене.

— Может, с платьем что-то случилось? — прожевывая, начал он, — Как я слышал, оно сшито из множества деталей.

— Не знаю, — плечи Даены опустились. — В тот день госпожа выгнала всех из комнаты, а граф потом долго ее успокаивал.

Возможно, чешуйка оторвалась именно тогда. И как она оказалась на складе у городской стены?

Рафир доел и начал собирать чай, сдерживая легкую дрожь в руках.

— Уверен, друзья твоей госпожи не со зла. Что бы там ни случилось, — он пропустил воду через сито в чашку, затем вылил обратно в чайник. — Граф ведь не стал бы издеваться над женой.

— Ты добрый, — покачала головой Даена. — Но тут другое. Хальвен и Вальрик... Ой, то есть господа Маскенфер и Дроск хорошо относятся только к графу. А госпожа не лю-

бит, когда они проходят.

— Тогда зачем графиня вообще показывала им платье?
— нахмурился Рафир, в третий раз процеживая чай.

— Она не хотела, но граф настоял, потому что известный портной привез его из столицы. — и наклонившись ближе, почти шепотом добавила, — Он вовсе не хотел его покупать.

Даена говорила, не отводя взгляд от его лица, однако, что-то на столе привлекло ее внимание и она удивленно заметила:

— Рафир, ты кажется добавил слишком много шиповника.

Арвис услышала шаги и бросила взгляд на дверь — не Рафир, слуги графини что-то носили по коридору. Госпожа Тальси пила ромашковый чай с медом и старалась не смотреть в глаза гостю.

— Кроме того, я предлагаю вам своего портного, господина Скъёфаля, — добавила она к предложению о покупке платья. — Его услуги я, конечно, оплачу.

Графиня вздрогнула, словно кто-то открыл окно, ее взгляд блуждал по полу.

— Это очень щедро, госпожа Арвис.

— Тогда не вижу повода для отказа.

Краем глаза она заметила, что слуги переглянулись, а хозяйка дома все еще размышляла, кусая губы.

Наконец, графиня выпрямилась.

— Госпожа, могу ли я... узнать, почему вы желаете заполнить именно змеиный перелив?

Арвис откинулась на спинку кресла.

— Ах, Лирвейн, это же очевидно, — ее губы исказила улыбка. — Мой выход в свет обязан быть ярким. И творение господина Тальгарда, привезенное из столицы, как мне кажется, превосходит мои привычные наряды.

— Платье и правда производит впечатление, — задумчиво произнесла графиня.

Где же Рафир? Выдуманный предлог для его отсутствия уже стал необходимостью.

— Вы уже... — Арвис пришлось прочистить горло. — Уже показывали его кому-то?

Графиня робко кивнула.

— Помимо графа, только паре его друзей.

— О, поделитесь, что они сказали, — она придвинулась ближе, сев почти на край.

— Графу не очень понравился облегающий силуэт, — Лирвейн медленно подняла голову, затем продолжила бодрее. — Однако, господин Дроск похвалил задумку. Ему понравились детали — пластинка к пластинке, простой, но интересный узор. Сказал, будь платье пышнее, напоминало бы сложенные крылья мотылька.

— Вы о Хальвене Дроске? Интересно... Он не уточнил почему?

— Он что-то говорил про чешуйки на крыльях...

— Как бы я хотела посмотреть на его коллекцию... — улыбнулась Арвис. Одновременно и графине, и Рафиру, который, наконец, принес чашку с бредом, что она сочинила.

Взяв чай, она заметила плавающие на поверхности розмариновые иголки. И сделала самый кислый глоток в своей жизни, который пошел не в горло, а в зубы. Вкус был настолько ужасным, что напрасные жертвы земляники и мяты даже не пытались исправить этот абсурд.

— Спасибо, Рафир. То, что нужно, — выдавила Арвис прямо из этого ощущения.

Он виновато отвел взгляд и отошел к стене.

— Госпожа Арвис, — графиня подалась вперед. — Вы, правда, позволите мне надеть творение Эрунда?

Арвис отложила наполовину пустую чашку.

— Он подберет лучший вариант.

Он увидел двух удаляющихся всадников — темные фигуры мелькнули за изгородью и скрылись за поворотом. С каких пор Лирвейн принимает гостей, пока граф отсутствует?

Дорожка от кованых ворот была одолена за несколько мгновений под тяжелые гулкие шаги за спиной. Он постучал в дверь, осматривая пустой двор.

— Вы вернулись! Я как раз хотела... — выглянула улыбающаяся графиня. Но с ее лица тут же сошло все тепло. — А, это ты. Граф в Цитадели.

— Графиня Тальси, — ответил он мягким голосом. — С

кем встречались?

Пришлось придерживать тяжелую дверь — графиня пыталась захлопнуть ее.

— Чего надо?

Как невежливо. Нужно рассказать графу. Может, урежет ей расходы на следующий год.

— Так кого вы проводили? Будет так некрасиво, если граф узнает, что вы пускаете в его дом проходимцев.

Графиня стиснула зубы.

— Это и мой дом тоже, не забывайся. Меня посетила госпожа Лорик со своим слугой. Можешь рассказать мужу, он будет только рад.

— Маркиз с женой в столице, — хмыкнул он, просунув сапог в открытый проем. — Когда бы они успели вернуться?

Лирвейн презрительно скользнула взглядом по его лицу и навалилась на дверь.

— Это была их дочь, Арвис, глупец. Догони и спроси ее сам.

Кто-то тихо подошел к графине и наклонился к ее уху. Он расслышал шепот и дверь открылась под сердитым взглядом хозяйки, за спиной которой стоял дворецкий.

— Так-то лучше. Но я не воспользуюсь вашим радушием, уж простите. Хагард просил передать, что сегодня ночует в Цитадели, — его рука тут же поднялась, отсекая вопросы. — Сам потом расскажет, я не знаю.

Он развернулся и зашагал прочь. Ветер распахнул плащ и

бархатные полы ударили по спине.

Арвис Лорик. Что она забыла здесь? И Лирвейн, такая недалекая. Зачем граф на ней женился? Эти выходки, эти покупки, особенно платье. Бломар не художник, а неумелый поделщик: увидел ящериц и давай нашивать чешую на тряпки. Вот если бы портной сделал узор из живых...

Он усмехнулся, представив извивающийся наряд. Но не время смеяться — гвардейцы на улицах Восточного района, наверняка что-то вынюхивают. Арвис же не появлялась в Цитадели дней... семь? Значит, и она с ними.

Надо выяснить, что она задумала.

Глава 13. Корона без цветов

В каждой проблеме сокрыта причина. Твоя задача — искать, спускаться по ветвям. Но прежде чем рвать, убедись, что обнажаешь верный корень.

— Устав городской стражи «О порядках в час смуты»

Арвис не обмолвилась и словом за весь путь. Рафир поглядывал на ее задумчивый профиль, закрывая шею воротом плаща.

На пустеющих улицах Восточного района перед мостом они перевели лошадей с рыси на шаг, и ветер милосердно разрешил всадникам согреться, затихая в узких переулках.

Рафир еще раз обернулся. Арвис беззвучно проговаривала мысли, устремив взгляд за черепичные крыши, выше дымоходных и вентиляционных труб.

С чаем некрасиво вышло. Она ведь не обиделась? Хотя воспоминание о взгляде, которым она одарила его после первого глотка, будет теперь являться перед сном.

— Арвис, простите за чай. Мне следовало...

— Так это не месть была? — она резко обернулась, брови сомкнулись. — Я хотела похвалить за дерзость и узнать причину.

— За что мне вам мстить?

Арвис усмехнулась и махнула рукой в сторону закрытого

домами гарнизона.

— Помнится, вечером после пожара я ворвалась в кабинет, думала, застану трусов и бездарей, начала хамить Эвальду.

Рафир отвернулся, теряясь взглядом в каменной кладке. Он не справился в тот день. Можно ли винить ситуацию? Или стражников, которых едва ли было двадцать в те минуты? Западная сторона с конюшней, проход без стены — пяти человек хватило бы, чтобы не пустить бунтовщиков. И он не додумался до этого.

Онемевшие от холода пальцы сжались на поводьях. Лицо капитана в тот день...

— Вас можно понять, у Восточного гарнизона не лучшая репутация, — пробурчал он в ответ.

— Я наслышана, да. Но! — Арвис подняла палец и Рафир повернулся к ней. — Ну что за взгляд?.. Ты отчитался тогда, отстоял честь гарнизона. Ты же заменял Эвальда на посту?

— Капитан был на совете в Цитадели.

— Знаешь, сколько сержантов способны защитить доверенный гарнизон? Я знаю одного.

Она не отводила взгляд, пока Рафир не вздохнул.

— В вашем отряде каждый способен на чудеса, — его голос прозвучал словно из пропасти между стражей и гвардией.

— Это ты, Рафир.

Он замер на выдохе. Слова лейтенанта окатили его ледя-

ной волной. Ледяной ясностью. Острие Совершенства видела на пожарище не провал, не недосмотр.

Лейтенант улыбнулась, видя меняющееся выражение на его лице.

— Изначально я думала, что все гарнизоны равны и только капитаны определяют их эффективность. Считала, что Эвальд ленивый и глупый, раз запустил район и терпит все слухи и насмешки, — Арвис подъехала ближе и положила руку на его плечо. Голубые глаза, обычно столь опасные, сейчас являли закрытую под этим холодом жизнь. — Но как тогда в гарнизоне появился такой офицер? Ты слишком правильный, чтобы терпеть сомнительные приказы и глупость. И потому твоя верность капитану Фарну — одна из самых удивительных вещей, что я когда-либо видела.

Эта искренняя и мягкая улыбка не принадлежала госпоже Лорик. Не была одобрением лейтенанта гвардии. Это улыбалась Арвис.

Рафир опустил взгляд.

— ...Спасибо.

Она хлопнула его по спине и отвела лошадь.

— Пожалуйста. Но, получается, теперь я должна тебе за чай у графини Тальси.

— Тогда, — Рафир невольно усмехнулся и почесал затылок, — Можете провести урок по этикету за столом?

— Это отличная идея, — протянула Арвис, заглядывая за угол. — Достаточно полезно и неприятно.

Показалась знакомая улица — граница между его жизнью и внешним городом. Пыльная дорога приветствовала возвращение сержанта хрустом гравия под копытами лошади. Еще немного и можно будет обсудить результаты дня с горячей кружкой в руках.

Тут Рафир посмотрел на свои руки. Из-под черной ткани рукавов выглядывала белая рубашка.

— Арвис, моя форма осталась в Гарде.

Лейтенант медленно обернулась на него.

— Верно, мы же не возвращались, — мгновение, и она расплылась в улыбке. — Как раз узнаем, права ли я насчет костюма. Уже вижу выражения на лицах Ланса и Эвальда.

Внешний вид, да. Одежда и светские маски. И лейтенант... меняет поведение, просто поворачиваясь другой стороной. Но можно ли спросить насчет титула? Арвис не показывала эту грань.

— Могу я... — Рафир медленно поднял голову. И слова на быстром выдохе решили не дожидаться его смелости. — Насчет вашего титула. Острие Совершенства.

— О, — Арвис дернула бровями — лишь краткое изумление. — Ты разве не знал?

Рафир мотнул головой.

— Я слышал про поединок, но прежде не интересовался.

— Ничего примечательного, — лейтенант направила взгляд на приближающиеся ворота гарнизона. — Герцогу стало скучно в тот день и он решил, что пост главы гвар-

дии должен достаться сильнейшему, — она вздохнула. — У Фросгарна не было и шанса. Он хороший боец, но... В общем, не надо было меня злить — я разбила его меч своим.

— Это особый прием?

— Мы приехали, потом расскажу.

— Лейтенант. Сержант. — Эвальд остановил взгляд на Рафире.

Словно... взрослее стал? Видеть его не в серой форме с доспехом было непривычно.

Сержант передал поводья стражнику в конюшне.

— Капитан, — последовал ответ. Чуть тише, чем обычно.

— Смотрю, вы уже разгрузили повозки, — Арвис посмотрела Эвальду в глаза, кивнула себе и расстегнула седельную сумку. — Мы очень голодные. Давайте перекусим.

В ее руках появился шелковый сверток. Края ткани опали, открывая какой-то шипастый цветок.

— Поднимайтесь, — Эвальд качнул головой в сторону кабинета. — Я заберу Ланса со склада и мы присоединимся.

Он на миг остановил взгляд на их спинах. Сквозь закрытое облаками чернеющее небо пробился слабый луч. Но солнце уже как час ушло за горизонт.

Эвальд пропустил Ланса с подносом, придерживая дверь. Арвис, уже что-то записывала за столом, пока Рафир просматривал отчеты на полке. Аромат грибного супа зашел в

кабинет раньше них.

— Вся провизия на месте, — начал Ланс, раскладывая тарелки. — Аен и Магда помогли правильно все разложить.

— Спасибо тебе, — улыбнулся Эвальд и отодвинул стул. — А бумаги?

Ланс достал из внутреннего кармана сложенный листок и протянул ему. Капитан заметил в начале каждой строки едва заметную точку, поставленную карандашом.

— Прости, что тебе самому пришлось, — вздохнул Рафир. — Почему-то я думал, что повозки приедут завтра утром.

— Ешьте, — сказала Арвис, не поднимая взгляд от тарелки.

— Лейтенант, этот цветок нужно поставить в воду? — протянул руку Эвальд, но остановился, почти коснувшись стебля. — Можно?

Она отпила ягодный отвар и кивнула.

— Портной, что создал змеиный перелив, подарил. Если кувшин или банка найдется, можно поставить. Но без воды. Сухая протeya тоже очень красива.

— Похоже на... — Ланс разглядывал бутон в руках капитана, откусывая хлеб. — Трaва еще есть такая.

— Артишок, да. — улыбнулась Арвис. — Это артишоковая протeya, растет на юге. Ума не приложу, как портной довез ее до Вальдорфа, — она протянула руку, и Эвальд передал ей цветок. — Рафир, ты видел такие раньше?

— Мои родители переехали на север еще до моего рождения, так что нет.

Эвальд обратил внимание на осанку и интонации сержанта. Различия столь незначительные, заметные лишь человеку, который последние несколько лет прямо или краем глаза, подмечая каждое движение. Подмечал?

И лейтенант разговаривает свободнее. От начала трапезы с ее лица не сходит улыбка.

— Вы в хорошем настроении, — начал капитан, откинувшись на спинку стула. — Что удалось выяснить?

Арвис макнула кусок хлеба в суп, только край, видимо, чтобы мякоть не упала в тарелку.

— Мы были в гостях у владелицы платья, графини Лирвейн Тальси. Ее муж — глава Торговой палаты, но... — лейтенант фыркнула. — Он человек вспыльчивый и недалекий. Будь перед их особняком даже три черных экипажа, я бы все равно не поверила, что он наш заговорщик.

— Значит, запишем его в конец списка подозреваемых, — ответил Эвальд. — А сама графиня? Илзин и Герт говорили про мужчину в карете. Но, может, она наняла кого-то, чтобы скрыть лицо?

Арвис покачала головой, слегка хмурясь.

— Она не в том положении.

— Могу я спросить? — Ланс задумчиво разламывал картофелину ложкой. — Есть некий заказчик смерти Сэвора и наниматель Илзина. Что он имеет с этих дел?

— Голодные бунты, — подсказал Эвальд. Мысли вернулись к разбору отчетов недельной давности. — Торговая палата и совет готовят новые таможенные правила. Серому и черному рынку перекроют воздух. И, кажется, что цель заговорщика — настроить жителей против этого закона.

— Стражники докладывали о шествиях горожан, — кивнул Рафир, отодвигая тарелку. — В начале толпа кричала про закон и цены на еду, а после убийства на складе люди стали злее.

Эвальд одобрительно покачал головой и произнес:

— И мы возвращаемся к чешуйке. На склад ее мог принести только человек, который контактировал с платьем...

— И, когда мы его найдем, нам не придется рыться в налоговых декларациях всех дельцов Вальдорфа. — закончил Ланс.

Арвис достала листок из-под кружки, на котором начертила схему и положила в центре стола.

— Именно. Мы с Рафиром получили три новых имени, — она указала на первую чернильную точку. — Помощник портного, Сильвин. Пока хозяин мастерской был в столице, этот парень был в городе.

Ланс приподнялся со стула, читая записи.

— Портной точно не врет, что был в отъезде?

— Он привез протею, — Арвис указала на цветок. — Растение здесь не дало бы бутон даже в теплице, — она сделала паузу, оглядывая лица, затем перевела палец на второй

пункт. — Дальше, Хальвен Дроск. Друг графа Тальси, торгует рудой. У него есть склады на границе Северного и Западного районов.

Ланс достал из сумки тетрадь и начал писать, бормоча:

— Дроск крупный торговец, он мог бы скрывать часть дохода.

— Я тоже так подумала, — вздохнула Арвис. — Но поток руды контролируется Доминиумом. Блюстители проверяют повозки, есть ли там элементы Распада. Хальвену пришлось бы сильно постараться, чтобы спрятать даже пару телег.

— Еще есть некий господин Маскенфер, — подал голос Рафир, доставая со дна кружки вареные ягоды. — Служанка графини рассказала мне, что в день примерки в особняке были он, граф Тальси и Дроск. По ее словам, графиня была расстроена, прогнала гостей и спрятала платье в шкаф.

Арвис усмехнулась.

— И расстроилась Лирвейн скорее всего, потому что они оторвали одну чешуйку, — предположила она. — То-то она сомневалась, когда я предложила купить платье.

Эвальд решил уточнить:

— Лейтенант, вы знаете Маскенфера?

— Вальрик Маскенфер. Состоит в совете правления. Вероятно, один из тех, кто работает над законом и мог бы пустить слухи по улицам. Только вот... Вальрик не занимается торговлей.

— Они могли сговориться? — вклинился Ланс.

— Чтобы накинуть проблем графу Тальси? — спросила Арвис у пустой кружки. — Дроск и Маскенфер зависят от него...

— Они довольно важные люди. — Ланс сложил руки на столе и опустил на них подбородок. — Арвис, ваших связей достаточно, чтобы добраться до них?

— До Маскенфера, да, а вот с Хальвеном Дроском будет сложнее. Его семья придерживается странных взглядов по отношению к женщинам. Я как-то пыталась встретиться с ним, чтобы познакомиться с редкими коллекциями, но... в общем, он неприятный тип. Кому-то из вас придется взять его на себя, — она вдруг задорно прищурилась, — Наемник Ланс, сможешь сыграть избалованного аристократа?

Ланс не поладит с ним. Хальвен — человек с закрытым характером...

— Мне кажется, что на эту роль подойду я, — произнес Эвальд. На него поднялись три пары удивленных глаз. — Некогда я был знаком с Хальвеном. У нас был... Мы учились вместе. Арвис, мы недавно говорили про мою семью — я могу связаться с ним под предлогом восстановления имени.

— Эвальд, — лейтенант напряглась. — Ты уверен?

Тут он почувствовал руку на плече. Ланс зашел за спину и улыбнулся:

— Капитан справится!

Рафир нерешительно поднял голову, но во взгляде не было и тени сомнения.

— Арвис... могу я пойти с капитаном?

Ланс и Рафир направились в столовую, прихватив пустую посуду. Арвис стояла у окна и отстукивала ритм костяшками пальцев по подоконнику.

Эвальд, спиной чувствуя напряжение, пытался изучать нарисованную схему плана.

— Капитан, — начала лейтенант. — Позвольте озвучить одно замечание.

Он обернулся, положив руку на спинку стула. Арвис все еще смотрела в окно.

— Да, лейтенант. В чем дело?

— Наша команда... Мы прекрасно дополняем друг друга, — она медленно повернула голову и остановила взгляд на бумаге в его руке.

Пауза затянулась и Эвальд нахмурился.

— Что-то не так с сержантом? Если вы планировали взять его на встречу с Маскенфером...

Арвис тряхнула головой, отмахиваясь от его слов.

— Это вовсе не та мысль, нет. Он прекрасно подготовлен и я рада, что он сам вызвался пойти с вами. А я, наконец, поработаю с Лансом.

Эвальд перебирал в голове варианты, глядя, как она собирается с главным вопросом.

— Я не знаю, что произошло в вашем прошлом, капитан. Сейчас вы кажетесь собранным и уверенным.

— Благодаря вашей помощи, в том числе, — улыбнулся он.

— Это верно, — кивнула Арвис.

Она сделала глубокий вдох и произнесла:

— Я спрошу так, вы готовы к заданию? Не как капитан, — выражение ее лица смягчилось. — Как человек, который будет лгать, который будет... искренним.

Эвальд приложил палец к виску.

— Лейтенант, вы волнуетесь за меня?

— Можете смотреть на это так, — она снова отвернулась к окну. — Вы не последовали моему совету.

— Разве... какому?

— Что ты сказал Рафиру после пожара?

Что сказал? Воспоминания о том вечере состояли не из разговоров. В носу был только запах дыма, а в глазах — всполохи тлеющего огня.

— Наверное, ничего.

— А после?

Тоже ничего. Лишь приветствия и приказы. Рука с листом опустилась.

— Он расстроен? — осторожно спросил Эвальд.

Арвис обернулась, и он встретил ее взгляд. Режущий лед, который она, возможно, и не хотела сдерживать.

— Я сказала ему то, что должен был ты. И тем обесценила эти слова в тысячу раз. Прощу тебя, пойми, его верность — это твердь, на которой ты стоишь. Простых слов достаточно.

Раздался стук в дверь. Эвальд и Арвис почти хором ответили:

— Войдите.

Вернулись Рафир и Ланс, а с ними гвардеец, заместитель Арвис.

— Лейтенант Лорик, отряд готов к отбытию в Цитадель. Вы с нами?

— Благодарю, лейтенант Тессен, но нет, — она обошла стол и взяла в руки перо. — Ланс, я бы хотела обговорить с тобой встречу с Маскенфером.

Тот проверил содержимое поясной сумки и застегнул куртку.

— Вы предлагаете поехать с вами в Гард Лорик?

— Нет, переночуем в казарме, а в Гард — завтра.

Она обернулась к гвардейцу, передавая записку.

— Беллан, найди утром Вальрика Маскенфера и передай ему это.

Гвардеец кивнул и спрятал листок во внутренний карман.

Арвис перевела взгляд на Эвальда. Его руки, собранные на столе в замок, сжались чуть сильнее.

— Капитан... Не задерживайтесь допоздна.

Гвардейцы и Ланс покинули кабинет, но воздух только сгустился. Сержант стоял у стены, ожидая приказа.

— Рафир... — мышцы на шее капитана напряглись, не позволяя выпустить воздух. Лишь собрав обрывки мыслей,

удалось произнести. — Иди отдыхай. Ты хорошо сегодня постарался.

Тот кивнул и вышел. Затихающий звук его шагов на лестнице позволил ночи окончательно войти в кабинет.

* * *

Прозвенел колокол.

Серебро и звон давно стали спутниками рассвета. Утро осторожно касалось холодными солнечными лучами обрывков тени и сна. Эвальд пришел из дома совсем недавно, озноб еще не покинул тело, пальцы не до конца освоились с пером. Рафир уже склонился над отчетами, вписывая слова в графы с той же методичностью, с какой отправил первые патрули. Пар от свежесваренного чая танцевал в линиях света над столом.

Капитан, занимая свое место, даже подумал сесть боком, чтобы стул не закрывал спину — ее бы согрело солнце. Опустив взгляд на отчеты, он с небольшим беспокойством прочел доклад о вспышках недовольства горожан. Шествие на рынке, громкая толпа у гильдии наемников, — они могли перерасти в очередной бунт. Он продолжил читать и, почти слыша в голове голос лейтенанта Беллана Тессена, чье перо вывело строки, начал отпускать тревогу. Заместитель Арвис провел воспитательные беседы с недовольными — объяснил им словами и капитану через доклад, почему таможенные

правила необходимы и даже полезны, рассказал каким образом новые пошлины помогут выровнять дороги и добавить на рынок товары. Стоит попросить его научить стражников отвечать так же.

Улыбнувшись, Эвальд переложил листок в обработанную стопку и взял из рук Рафира следующий. Драка у постоялого двора. Видя в именах дебоширов знакомые лица, он уже мысленно прикидывал, кого пошлет взимать штрафы за разбитые окна, но обнаружил, что отчет об инциденте не пополнял список проблем, лишь уведомлял. Гвардеец Корват Аквенд разнял пьяных мужчин и заставил их расплатиться с хозяином дома за битое стекло.

Отряду Арвис понадобилось меньше одной недели, чтобы подобрать тон для разговора с горожанами — тон, в котором не звучали угрозы и избиения.

Отложив отчет, Эвальд перевел взгляд на закрытую дверь. Сверкающие серебром гвардейцы, чье предназначение — служить высокофункциональным украшением, патрулировали оживленные улицы Восточного района и выполняли обязанности сверх тех, что предписывал им устав. И капитан стражи, намереваясь под видом светской беседы допросить старого друга, тоже выйдет за рамки своей роли. Лейтенант вчера озвучила сомнение... и беспокойство. Однако, Эвальд готов.

Старый друг. Хальвен... Знакомый с самого детства, любитель собирать редких жуков и бабочек. Он по-прежнему

их собирает? Наследник беднеющего рода. Удалось ли ему, как он и хотел в юности, использовать то небольшое, что ему досталось, преумножить это? Доволен ли он сейчас? Счастлив?..

Ладони похолодели, задрожали. Эвальд смотрел на запертую дверь. За ней были десять лет молчания, связь, которую разорвал он сам. Готов ли он? Восстановить ее, быть искренним.

Кого он пытается обмануть? Насколько он искренен сейчас, как капитан гарнизона. Перед самим собой? Ни насколько, раз он не способен выразить благодарность.

Капитан взял следующий отчет. Живот сжался. Он больше не чувствовал солнечного тепла на спине, мысли спутали слова на бумаге, и даже кружка, опущенная на стол, своим стуком не рассеяла нарастающее смятение.

Он поднял голову, хотел предложить сержанту сделать перерыв, обсудить расписание, но... не смог произнести ни слова.

Прядь.

Одна единственная, выбившись из безупречного строя, упала Рафиру на лоб. Темная, мягкая, она лежала на коже безмолвным укором всему уставному порядку. Он не заметил. Его перо скрипело, брови сведены к переносице, сознание блуждало по чернильному лесу, и беспорядок на собственной голове был ему неведом.

А Эвальд смотрел. И внутри него, поверх усталости, по-

верх густого тяжелого полотна, родился импульс. Вытянуть руку. Поправить. Жест был таким ясным в его воображении, таким легким. Палец, касание — и порядок восстановлен. Прядь вернется в строй, и все в мире снова встанет на свои места, подчиненное воле и смыслу. Он даже перенес тяжесть тела, чтобы подняться.

И остановился. Не потому, что это было недопустимо. Не потому, что испугался. А потому, что не смог.

Его разум все еще в растерянности, привыкший раскладывать реальность по полочкам причин и следствий, не справился. Он понимал, как разнять драку, как расставить дозорных, как разбить отряд на смены. Последовательности же для такого простого, человеческого жеста у него не было. Между желанием и действием зияла пустота, которую он ничем не мог заполнить.

Эвальд мог бы приказать поправить волосы. Это было бы логично. Но он не мог сделать это сам. Это было бы... что? Неуставным отношением? Нарушением дистанции? Нет. Это было бы чем-то гораздо более простым и оттого совершенно невозможным.

Он так и не сдвинулся места. Только сжал руку на колене, ощутив, как ладони задрожали от напряжения еще сильнее.

А Рафир так и не поднял головы, не зная, что на него смотрят, не подозревая, что по ту сторону стола целый мир рухнул в пропасть, не в силах совершить движение длиной в ладонь.

— Капитан? — спросил сержант, глядя как Эвальд поднимается со стула и направляется к дверям.

— Мне... работай. Я выйду на воздух.

Уже не замечая обеспокоенный взгляд, он почти выбежал в коридор, затем пустился вниз по лестнице.

Об этом говорила лейтенант? Прежде чем надеть маску, нужно найти свое лицо. И обличить сейчас себя было важнее.

Где же она? Вероятно, уже в столовой.

Он открыл дверную створку. Разговоры и смех хлынули навстречу, еще ярче распалая рассвет. Но Эвальд не смотрел на солнце ни в окне, ни в улыбках.

Нужно рассказать. План не сработает. Не с ним в качестве главного лица.

— Капитан! — помахал рукой Ланс, привставая со скамьи.

Арвис обернулась, но увидев его, улыбка сошла с ее лица.

— Что случилось? — спросила она.

— Мы можем выйти? — выдохнул Эвальд. — Мне нужно поговорить с вами, лейтенант.

Она кивнула, что-то сказала Лансу и последовала за ним к выходу.

Эвальд остановился у подвала с камерами, положив руку на холодный камень.

— Насчет моих вчерашних слов, — начала Арвис, вставая спиной к стене. — Об этом поговорить?

— Думаю, лучше все-таки Лансу пойти на встречу с Халь-венном.

Она наклонилась, чтобы поймать его взгляд.

— Почему ты так решил?

— Насчет этой роли, — Эвальд кратко зажмурился и повернулся к Арвис. — Я вдруг понял... я капитан. И был им долгое время. Я не смогу вести разговор, притворяясь кем-то иным.

— Ты же сейчас не про расследование?

Капитан неопределенно мотнул головой.

— Давай вот как поступим. Ты завтракал? Нужно поесть для начала, — она положила руку на его плечо. — Отставить панику, капитан. Ты уже сделал первый шаг и должен гордиться собой. Не у всех хватит смелости осознать свою уязвимость.

На улицах Южного района совсем никого, не считая патрулей стражников. Погодка, конечно, ветренная, но Ланс не мог понять, почему никто не гуляет по ухоженным аллеям — солнце же. Серый Глатарис и бурый Наттлумен не будут радовать ясным небом.

— Наемник, ты так громко гремишь зубами, что я перестала слышать стук копыт. Почему ты так легко одет?

Он повернулся, встречая взгляд лейтенанта. Она ехала впереди всех, указывая путь к своему дому.

— У меня есть только эта куртка. Обычно я не работаю

на улице, — пояснил Ланс, проталкивая слова через дрожь, которая вовсе его не смущала.

— Переоденем тебя. Заболеешь, что мы будем делать?

Она повернула в огромный двор без ворот.

— Не припомню, когда в моем доме было столько гостей за один раз, — кратко улыбнулась она.

— Гард Лорик... впечатляет, — услышал Ланс за спиной голос капитана. — Лейтенант, разве ваши родители не устраивают приемы?

— Конечно, устраивают. Во дворце герцога в Цитадели, — усмехнулась та в ответ.

Они спешили перед ступенями. Дворецкий в черном костюме поприветствовал гостей и начал уводить лошадей. Арвис поднялась ко входу и распахнула двери, оглашая эхом пустые залы.

— Господа, штаб на время переносится. Чувствуйте себя как дома.

— Но... как же гарнизон? — спросил Рафир.

— Доверься лейтенанту Тессену, — Арвис похлопала сержанта по спине. — Ты же видел его и остальных четверых за работой — они точно не развалят гарнизон за несколько дней.

Рафир кивнул, забрал у всех верхнюю одежду и повесил на металлическую стойку — та не качнулась от веса. Ланс невольно засмотрелся. В черной ливрее Рафир словно не прибыл в Гард, а вернулся. Арвис, заметив его взгляд, улыб-

нулась.

— Тоже думаешь, что костюм ему идет больше? А какой чай из шиповника он готовит.

Рафир отвернулся, но скрыть усмешку ему не удалось.

Озираясь по сторонам, Ланс отметил, что в белой прихожей не было ни одной картины или портрета — не типично для дома аристократов. Текстуры материалов сами по себе служили украшением: каменные плиты расположили таким образом, чтобы естественные прожилки сходились в рисунок; деревянные перила лестницы стояли без позолоты и оттого только резче оттеняли светлое помещение. Полотно, на которое нанесли только самые необходимые мазки.

Семья Лорик несла сквозь историю не только знамя основателей города — в Гарде ощущалось присутствие самого времени. Такое странное чувство, ведь бывшая крепость была слишком белой, слишком пустой?.. Однако, именно в этой пустоте ему было проще представить, как именно сто лет назад выглядела жизнь переселенцев, для которых и Цитадель, черная каменная корона, еще необитаемая, и неизвестные прежде твари из леса, рыскающие в окрестностях, были тем кошмаром, в честь которого назвали северные горы.

— Предлагаю сразу на кухню, — Арвис указала на дверь слева, возвращая мысли Ланса в прихожую. — У Гримстейна много работы, не хочу отвлекать его.

Он улыбнулся сам себе. Кухня Гарда.

В Южном районе сливные каналы регламентировались жестче — сточные воды не могли смешиваться с грунтовыми. Есть ли в Гарде колодец? Резервуар для сбора дождевой воды? Вряд ли маркиз ждет, когда рабочие притащат ведра от общественного фонтана.

— А где все слуги? — спросил Ланс, все еще обдумывая логистику.

— В столице, — подняла одну бровь Арвис. — Нам придется самим о себе позаботиться.

— О, я вовсе не... — Ланс прикусил губу. — Просто подумал, про воду...

Но лейтенант ответила не презрительным взглядом. Она мягко улыбнулась и открыла блестящую от лака гладкую дверь, пропуская всех в кухню.

— Уверена, мы разберемся с печью и кладовой.

Ланс сдавленно выдохнул, не замечая, как открывает рот — взгляд утонул в помещении из белого камня, пронизанного теплыми лучами. Блики из большого окна играли на холодных гранях, скользили по деревянным поверхностям из темной и светлой древесины. Ланс прошел дальше, проводя ладонью по высокому столу в центре кухни. Полированная воощеная столешница сохранила следы готовки: небольшие царапины от ножей, круглый обод от чего-то большого и горячего.

Арвис подошла к шкафу и открыла дверцы.

— Капитан, зажжете печь? — попросила она и, поискав

что-то, но, видимо, не найдя, тяжело вздохнула.

Эвальд присел на корточки у очага, высекая искры из кремния. Рафир зашел в темную комнату слева от дверей.

— Арвис, лейтенант Тессен передал ваше сообщение Маскенферу? — Ланс услышал его из кладовой. — Когда вы сможете поговорить с ним?

— Хоть сейчас, в самом деле, — она вернулась к баночкам в шкафу. — Но мы выйдем позже. Я хочу застать его у себя в кабинете, а не в толпе клерков.

Рафир начал выносить продукты, складывая тряпичные узелки на столе возле печи. Ланс подошел ближе, изучая содержимое: два вида сыра — один мягкий, почти жидкий, в тонкой корочке; подкопченная грудка птицы; еще овощи, хлеб и брусок сливочного масла.

Арвис в это время достала небольшую сковороду и поставила ее на огонь вместе с медным чайником.

— Я могу чем-то помочь? — спросил капитан.

Рафир, мягко отодвинув Ланса, взял в руки нож, приготовил разделочную доску.

— Мне только все нарезать и поджарить хлеб, капитан, — ответил он.

— Эвальд, — поправила Арвис, обращаясь к Рафиру. — Привыкай называть по имени. Вам, конечно, не нужно скрывать от Дроска должность капитана, но нельзя давать ему понять, что ты сержант из того же гарнизона.

— Понял.

Арвис поочередно переглянулась с ними, но не добавила ни слова.

Ланс наблюдал. Видел, что утреннее напряжение в капитане стало иным, непохожим на задержанный вдох, который делаешь перед прыжком в холодную воду. Ритм его движений, дыхания, не отбивался нервным постукиванием, но ровным строевым шагом, которым патрульные обходят ночные улицы. В этом была некоторая неизбежность, почти обреченность, если бы не взгляд. Эвальд не смотрел ни в прорубь, ни сквозь рутинный обход города во тьме — он смотрел в окно, за которым светило солнце.

Проявит ли Свефнир щедрость и завтра? Будет ли встреча старых знакомых такой же ясной, как небо сегодня?

Ланс поймал на миг взгляд Рафира и улыбнулся. Тот не даст капитана в обиду, поэтому не стоит забивать голову, ведь Арвис знает, что делает. Знает? Он посмотрел на нее, на серебряные кольца, ослабленный воротник рубашки и пшеничные волосы, свободно спадающие на плечи. Она заваривала чай с тем же пронзительным взглядом, с каким, он был уверен, могла казнить преступников. Острие Совершенства, женщина, по слухам, обладающая силой, перед которой Торгиль пришлось бы взять железные щиты в обе руки, держала медный чайник и ворчала что-то насчет меда. Она могла за шкурку оттащить его в Цитадель, знай кто его ищет, но... Ланс больше не был в этом уверен. Лед во взгляде рассеивался, когда она отдавала приказы, пронзительная синева

сменялась ясностью. Ясностью неба в солнечный день.

Он занял стул рядом с капитаном. Вылазка в Цитадель с бумагой, подписанной дочерью семьи Лорик, показалась прогулкой — что же будет, когда с людьми заговорит она сама? В сиянии серебра он будет закрыт самой плотной тенью. Наверное, сейчас это главное.

Арвис добавила масло на разогретую сковороду и уютное шипение разбежалось по кухне. Рафир подавал ломтики хлеба и сыра, а лейтенант собирала из них многослойный перекус.

— Вот и готово, — объявила Арвис. — Ланс, если есть идеи, можешь пока придумать что-нибудь на ужин.

Все заняли места. Вроде ничего необычного — жареный хлеб с кучей вкусных ингредиентов сверху, сытно и полезно.

Ланс поднял голову, осматривая лица. Вот и хлеб, что лежал в кладовой пустого дома, забытый, на грани того, чтобы зачерстветь навсегда. Вот и масло, что всегда рядом — берешь и не замечаешь, но стоит проявить лишь каплю внимания и тепла, как оно раскроет свой аромат и позволит готовить чудесные вещи. Еще сыры — твердый и мягкий, связующее звено, способные сочетать почти несовместимые вещи. Ланс не сдержал смешок. Скорее уж раскаленная сковорода. Брось на нее что угодно, оно зашипит и превратится в нечто новое. Может, сказать ей?

— Спасибо за еду, — выдохнул Ланс, опадая на стуле.

Обед оказался сытнее, чем он решил поначалу. Рафир отпил из чашки и повернулся к Арвис.

— Сегодня вы с Лансом встретитесь с Маскенфером. Как быть нам с Дроском?

— Полагаю, тебе придется отнести приглашение, — кивнула она. — Надеюсь, он не станет игнорировать Эвальда.

— Не станет, — покачал головой капитан. — Но как объяснить, что я вдруг решил восстановить имя?

— Нумма? — брякнул Ланс.

— Хальвен может решить, что Эвальд пришел побираться, — не согласилась Арвис и посмотрела на капитана. — Если не против, можешь представить меня своей... покровительницей.

Капитан моргнул чуть дольше положенного.

— Как же ваша репутация?

— Мне это даже на руку, — широко улыбнулась Арвис. — Покровительница — не невеста, но люди могут додумать всякое.

— Наследник герцога?.. — осторожно заметил Рафир.

— И он в том числе, — кивнула лейтенант, залпом допивая чай. — Эвальд, постарайся ничего не отрицать. Говорить прямо тоже не обязательно. А сплетни... — она небрежно махнула рукой. — Ни к чему не обязывают.

Рафир отправился в особняк Дроска просить встречи для господина Фарна. Арвис нашла подходящую одежду для ка-

питана, показала комнату на втором этаже и вернулась на кухню. Ланс не заметил ее, прислонившуюся к дверному косяку, пока разглядывал раковину.

— Тебя бы тоже переодеть, — услышал он ее голос и обернулся.

— Как вам удается ходить столь тихо?

Она лишь пожала плечами.

Покидать кухню не хотелось. Тепло печи и солнечный свет настойчиво просили остаться и вздремнуть прямо за столом.

Что же, в другой раз.

Они поднялись по изогнутому рукаву лестницы в светлый коридор. Арвис открыла дверь, приглашая внутрь, и Ланс шагнул в небольшую гостевую комнату.

— Гримстейн не подготовил теплую воду, — указала она на чашу на столе с зеркалом. — Если хочешь, можем разогреть.

— Это не проблема, — улыбнулся Ланс.

Арвис достала из шкафа темно-коричневый костюм, положила его на кровать и зашла за плотную ширму.

— Ты не против, что я здесь?

— Нет, все в порядке.

Ланс нашел губчатый брусок с полотенцем и начал раздеваться.

— Я думала насчет твоего участия в разговоре с Маскенфером, — голос Арвис прозвучал поверх водного плеска,

будто подхватывая мысль. — И выбрала, мне кажется, лучший вариант.

— Судя по камзолу и его цвету, я буду не слугой. А что насчет вас?

— Не слугой, верно. Есть один предлог, чтобы мое присутствие на встрече было уместным, — она мгновение помолчала. — И так вышло, что обстоятельства сейчас на нашей стороне. Из-за беспорядков в Восточном районе меня назначили наблюдателем в гарнизоне, почти надзирателем. А Маскенфер — один из тех, кто рассматривает закон, который привел к беспорядкам.

Ланс вздрогнул от движения воздуха, что коснулся влажной кожи на спине.

— То есть... мы почти с порога будем давить на него?

— Этим займешься ты, но не сразу. Я буду говорить от имени гвардии и герцога. Составлять отчет. А ты подхватишь в нужные паузы, можешь даже черный экипаж упомянуть.

Вода с плеском упала в чашу из отжатой губки.

— Это рискованно... Мы не спугнем его?

— Нет. Мы покажем, что пришли обсуждать недоработки в законе, а не искать заговорщика.

Ланс сидел на скамье в узком коридоре. Одной рукой держал тетрадь, другой — перебирал пальцами ворот подаренного темно-зеленого пальто. Арвис стояла неподвижно, про-

рубая взглядом дверь. Блики вечернего солнца от серебряных украшений гвардейской формы резали стены, обитые деревянными панелями. Похоже, терпение не та добродетель, которой ее одарил Доминус. Посетители и секретари пятились из прохода, едва завидев ее лицо. Как и на входе в Законотворческую палату. Там Ланс старался идти уверенно, придав лицу скучающий вид, но большое скопление людей, смотрящих на него, путало шаги, и колющее ожидание преследовало до самого коридора.

— Полагаю, скоро наша очередь, — не оборачиваясь, тихо сказала Арвис.

Два мужских голоса за дверью громко прощались. Тетрадь чуть не выскользнула из мокрых пальцев и Ланс достал платок из внутреннего кармана, промакивая ладони. Жаль, что пришлось оставить в Гарде поясную сумку — тетрадь не поместилась в карманы камзола и ехала до Цитадели в руках.

Кабинет открылся и в коридор вышел улыбающийся мужчина средних лет. Ланс отметил высокое качество ткани его одежды, но в остальном внешность не была примечательной. Мужчина скользнул удивленным взглядом по Арвис, но лишь приветственно кивнул ей и ушел.

— Прошу, входите, — послышался голос из кабинета.

Лейтенант зашла первой, отстукивая каблуками каждый шаг, Ланс — за ней с ровным, ничего не выражающим лицом.

Советник Маскенфер сидел, склонившись над своим сто-

лом, за баррикадой из документов. Темные волосы собраны в короткий хвост, подвязанный белой шелковой лентой; черты лица выразительны как выразительны должны быть слова того, чей голос звучит поверх пустой болтовни в палате — глаза черные, следящие за кончиком пера, скулы и подбородок острые как и внимание, которым следует обладать человеку его положения. Он подписывал лист за листом, шурша бумагой. В углу кабинета спиной к ним работал другой крупный мужчина в простом коричневом костюме, складывая документы по папкам. Ланс приподнял брови — поначалу он решил, что Торгиль взяла подработку, но это была не она. Еще один полукровка?

— Приветствую, по какому вы вопросу? — спросил советник, не подняв головы.

Арвис сложила руки за спиной.

— Вальрик, я отправляла тебе сообщение утром.

— О, дочь Эсиля! — он расплылся в улыбке и встал. — Я получил записку, все гадал, чем я могу...

— Разве я не указала? — перебила Арвис.

Вальрик нахмурился. Его рот изогнулся в неуверенной улыбке.

— Н-нет, — тут он вытянул руку. — Присаживайтесь, прошу.

Ланс бросил еще один взгляд на мужчину в углу, затем взял два стула за спинки и со скрежетом протащил их к столу.

— Благодарю, — кивнула Арвис.

Они присели и советник, наконец, позволил себе вернуться на место.

— Вы, возможно, не знаете, но я провожу проверку в Восточном гарнизоне стражи, — Арвис положила два пальца на эфес клинка. — Беспорядки на улицах достигли точки пожара. Буквально.

Ланс, приготовив карандаш, исподлобья смотрел на Вальрика. Тот переводил взгляд между ними, его лицо выражало лишь недоумение.

— Господин Маскенфер, что вы знаете о беспорядках? — поинтересовался Ланс.

Тот не отпрянул от вопроса, лишь коротко улыбнулся.

— А вы будете?..

— Мой секретарь, — бросила Арвис. — Я занимаюсь составлением отчета для герцога. Таможенный закон только на стадии принятия, но уже причиняет немислимое количество проблем. Хочу узнать, какие меры готовит совет для урегулирования беспорядков.

Брови Вальрика медленно поднялись. Он взял перо в руки и, повертев его, отложил на край стола.

— Что ж... Я попробую помочь вам, госпожа Арвис.

— Для начала, — кивнула она, не прерывая зрительный контакт. — Уточни, когда закон вступает в силу?

— Ну... не уверен, что смогу ответить точно. Совет планировал закрыть вопрос к середине Глатариса. Это помогло

бы внедрить новые правила при низком товарном потоке перед зимой, но в Торговой палате настаивают на переносе.

Ланс сделал запись: «По плану совета: осталось чуть больше двух недель».

— Полагаю, вы столкнулись с нехваткой кадров, и торговцы предлагают научить стражников сверять накладные? — продолжила Арвис.

Вальрик широко улыбнулся.

— Все верно. Закон довольно амбициозный. Его влияние на городскую казну сопоставимо со сложностью. Боюсь представить, сколько нумма нужно потратить, чтобы обучить всех стражников читать и писать.

— Господин Маскенфер, — вклинился Ланс, — Пожалуйста, объясните, какие именно злоупотребления таможенной призван пресечь закон?

— Как бы сказать... — начал он и стал искать что-то в документах. — Попробую. Одна из целей — полное налогообложение. Часть торговцев провозит через Восточные и Северные ворота много товаров, за которые, предварительно, никто не платит пошлины.

— Звучит не очень сложно, — отозвалась Арвис.

— Да, — неловко подтвердил Маскенфер. — Кажется, что да. Но прошу вас не сравнивать себя с обычными людьми, госпожа. Некоторые рабочие, не говоря про стражников, вообще не понимают, зачем им предъявлять у городских ворот какие-то бумаги.

— Полное налогообложение, — повторил Ланс. — Это удар по серой торговле. Что насчет черной?

— Если верить отчетам Торговой палаты и брать в расчет донесения стражников... А что вы имеете в виду под черной торговлей?

— Опасные товары, — ответила лейтенант.

Маскенфер ни разу не дернулся от присутствия Арвис. Ланс поймал себя на том, что подозрительно нахмурился, и тут же расслабил лицо.

— Вы же знаете, что Доминиум не допустит таких нарушений, — заверил советник. — И, позволю себе закончить мысль, по сведениям от капитана Хеймберта, нет никаких причин считать, что в Вальдорфе есть рынок с Распадом.

Арвис цокнула языком.

— Это только один капитан из пяти. Что насчет капитана Фарна? Он докладывал о подозрительных движениях товара?

Маскенфер откинулся на спинку стула.

— Вы же знаете слухи про капитана Восточного гарнизона.

— Знаю. И еще, я знаю его лично. Так что с донесениями?

— Я не в курсе, простите, — он развел руками.

— Расскажите про настроения в совете, — смягчившись, продолжила Арвис.

— Не могу сказать за всех, — протянул советник. — Слухи о беспорядках в Восточном районе до пожара не сильно

влияти на решения. Но после нападения на стражников в совете рассмотрели некоторые правки.

— Да? И какие же?

— Поэтапное введение. У отсрочки закона появилось больше сторонников.

— Патрули Восточного гарнизона докладывали о подозрительных экипажах, — начал Ланс, внимательно следя за выражением лица Вальрика. — Думаете, это как-то связано с новыми таможенными правилами?

Тот нахмурился.

— Считаете, это связано с новым законом?

— Кто-то может готовить мятеж.

— Это неразумно, — он взял в руки крышечку от чернильницы. — Кто может пойти на такое? Госпожа Арвис, вам удалось что-нибудь узнать?

— Пусть этим занимается стража, — вздохнула она, на мгновение повернувшись к окну, затем, уже мягче, произнесла. — Работай я с каждым народным волнением, мать с отцом давно бы забрали меня из гвардии.

Маскенфер рассмеялся.

— Как они поживают? Я слышал, Гард Лорик сейчас пустует. Вы справляетесь?

— С одиночеством? — Арвис вскинула брови. — Ох, брось, я привыкла.

— Господин Маскенфер, я хочу задать еще пару вопросов, — снова вклинился Ланс и приготовил карандаш. — Какая

категория торговцев первой пострадает от принятия закона?

Советник повернулся в его сторону, крышка от чернильницы вернулась на место.

— Не уверен насчет слова «пострадает», — медленно начал он. — Но если смотреть с такой точки зрения, то крупнейшую долю рынка занимает руда. Вальдорф, как вы вероятно знаете — горнодобывающий центр королевства. Крупнейший узел.

Ланс сделал запись.

— И почему же они пострадают?

Глаз Маскенфера заметно дернулся.

— Ввоз руды через Северные ворота сейчас не контролируется. Количество считают только при выгрузке на склад. Полагаю, подсчет не всегда точный, скорее — на глаз.

Арвис постучала пальцами по эфесу, затем повернулась к Лансу.

— У тебя остались вопросы?

Он написал одну фразу и закрыл тетрадь.

— Благодарю за уделенное время, — сказала Арвис, вставая со стула. — Могу я в будущем к тебе обратиться?

— Всегда рад помочь, госпожа, — вставая, Вальрик протянул ей руку. — Вы знаете, где меня найти.

Ланс вышел из кабинета, следуя за стуком каблуков, борясь с желанием обернуться и проверить, не сошла ли вежливая улыбочка с лица советника. Расшифровывая безликие формулировки, он отстал от Арвис, хотел извиниться, и уже

открыл было рот. Однако, она, остановившись на лестнице, потрепала его за плечо и, игнорируя любопытные взгляды вокруг, сказала тихо:

— Молодец.

Отойдя к конюшне, вне пределов чьего-либо слуха, Арвис обернулась к Лансу.

— Как тебе Вальрик?

Он собирал мысль недолго:

— Думаю, он либо очень вежливый, либо у него стальные... нервы.

Глава 14. Обещание

Старый дом способен дать приют — ты только свет в него пусти.

И занавесь отбрось, поднимет пыль она.

Дышать не бойся — распахни окно.

— Из сборника «Слово странника»

Капитан весь день провел в комнате, привыкая к новой одежде. Темно-серая ткань камзола, с нитью тончайшего плетения, почти не блестела на свету, но при движении поразному его ловила. Лейтенант на вопрос, откуда в Гарде одежда разных размеров под любой социальный статус, ответила:

— Отец довольно удачлив и не выбирает, кого обыгрывать.

Обещала показать коллекцию — склад трофеев Эсиля Лорик.

Первым вернулся Рафир, передавая согласие на встречу от Хальвена Дроска. Уже завтра он готов его принять. Следующими вернулись Ланс и Арвис. Эвальд хотел было спросить про Маскенфера, однако не смог вклиниться в их перепалку в прихожей — они, перебивая друг друга, обсуждали поведение советника.

— Почему он так спокойно выдержал ваш взгляд? —

упрямо твердил наемник. — И как он перевел разговор на ваших родителей.

— Вальрик — советник, — парировала лейтенант. — Он общается и с моим отцом, и с герцогом.

Эвальд перевел взгляд на красное лицо Ланса.

— Его ответы — сухие выдержки из отчетов. Он не ответил прямо ни на один вопрос.

Арвис повесила верхнюю одежду на стойку и указала на кухню.

— Он темнит, согласна, но его уклончивость — не обязательно ложь. Так говорят все политики.

— Как насчет клерка в углу? Много секретарей, размером со шкаф, работает в Законотворческой палате?

Эвальд положил руку ему на плечо.

— Ланс, полегче.

Но тут капитан заметил улыбку, с которой шла Арвис.

Немного после он стал свидетелем того, как дворецкий Гримстейн отчитал свою госпожу, выпроводил всех четверых из кухни и заставил занять места в алой гостиной, дожидаться ужина.

Во время пересказа беседы с Маскенфером Арвис и Ланс уже не перебивали друг друга. Их аргументы и слова советника создавали впечатление о неоднозначном человеке, у которого пока не было мотива для саботирования закона. Как будет выглядеть на его фоне Хальвен?

Гримстейн принес горячее рагу, и все четверо начали

есть. После они расположились в креслах, и Эвальд взял с каминной полки книгу без названия. Коричневый потрепанный переплет скрывал внутри описание и рисунки растений, что выращивали фермеры в Западных полях. Рожь, пшеница, морозостойкие и неприхотливые, — тонкие зеленые стебли, наполняющие зернохранилища самым ценным золотом. Зелень и золото, не требующие благодарности, но больше всех ее достойные.

Эвальд помотал головой, отгоняя сонливость. Но, сидя в бархатном кресле, роскошном без обязательств, побег от мыслей был невозможен. И потому он отодвинул завесу памяти, поднимая другой мысленный образ.

Хальвен. Сильно ли он изменился?

Эти размышления отправились с ним на второй этаж, в гостевую комнату, мимо тлеющих дров в печи, к черной картине за стеклом. Размытый двойник не ответил на его вопросы, лишь безразлично посмотрел на капитана пепельными глазами. Решив не дожидаться его помощи, Эвальд сложил одежду и, ощущая легкий запах пыльных цветов, накрылся легким одеялом. Однако, стоило закрыть глаза, как бытовые тревоги сразу же накинудись на уставший разум.

С районом все будет хорошо. Лейтенант Тессен отлично показал себя за время их знакомства. И если поначалу гвардия довольно жестко обходилась со стражниками, то спустя множество обедов, патрулей и совместных тренировок они даже сдружились.

Можно ли тоже самое сказать про Арвис? Она делится ресурсами и своим временем, не оставляя без внимания ни одного угла во дворе. Строгий командир и человек, заставляющий искать ответы на давно потерянные вопросы. Это отражение не дает ответы, но направляет к ним.

Эвальд усмехнулся, вспоминая, как Ланс пытался ее переспорить. Наемник, нанятый для расследования, не посмел бы дерзить наследнице древнего рода. Но... не теперь. И Рафир вместе с ней начал вести себя иначе, увереннее. Отличный офицер. Но сейчас к его дисциплине прибавилась заметная глубина в голосе и взгляде.

Арвис Лорик — вершина любой мыслимой силы Вальдорфа, ястреб, облаченный в серебряные доспехи. Что ее ледяной и пронзительный взор разглядел в них? В нем? Что Эвальд позабыл о себе, растворившись в уставных строках?

Сознание, заблудившись в вопросах, привело его в самое тихое и спокойное место. Он снова был здесь, на лугу, перед лесом, залитым солнечным светом. И деревья приветствовали его шелестом своих крон.

* * *

Ланс, слегка помятый после сна, широко улыбался, провожая Рафира и Эвальда.

— Удачи!

— Захватите мед на обратном пути, — зевнула Арвис. —

Гримстейн пригрозил, что не сделает нам печенье к вечернему чаю, если забудем пополнить запасы.

— А вы чем займетесь? — спросил Рафир.

— Думаю, наведаемся к портному и поговорим с его помощником.

За дверью капитана и сержанта поджидал ветер. Он сразу показал свой нрав, растрепав волосы и одежду, призывал вернуться в теплый дом, но, стоящий перед входом наемный экипаж, уверенно предлагал альтернативу.

Рафир взялся поправлять воротник его пальто. И пока тот был занят, Эвальд повернулся и спросил:

— Кем ты видишь меня?

— Своим капитаном, — последовал мгновенный ответ.

Кем же еще. Но почему? Почему он остался и берется за неблагодарную работу, когда мог уйти и сделать блестящую карьеру?

— И еще тем... кто дал мне цель, — продолжил Рафир, глядя в расширенные глаза капитана. — Я могу жить и знать, что каждый день поступаю правильно.

Эвальд отступил на шаг.

Не работа на складе и за отчетами, а марш... с его знаменем. Вдруг от каждой мышцы с почти слышным скрипом, от шеи до самых ступней, отошло напряжение. Затем воздух наполнил кровь бодрящим холодом светлого осеннего утра.

Он провел ладонью по волосам.

— Спасибо, Рафир.

Рафир посмотрел в спину капитану. Тот спускался по ступеням, прикрывая ухо ладонью. Он так давно его не слышал. Не признание, ведь он не нуждался в словах благодарности. Эвальда. Капитана, который может улыбнуться ветру, человека, который с мягким вопросом во взгляде подождет у экипажа.

Он начал спускаться. Своим обычным шагом, ступень за ступенью, боясь упустить невесомый образ. За спиной — белокаменный Гард, резервуар серебряного света. И теперь Рафир знал, что в Равенстве капитана есть не только форма черного монолита Цитадели.

Эвальд услышал хлест поводаев. Карета поехала по мощенной дороге, отбивая колесами ритм из прошлой жизни. Он мог бы поделиться тем, что знает, но насколько живо знание о человеке, с которым он не разговаривал десять лет? Это будет не встреча, а новое знакомство. Рафир сидел напротив, иногда щелкая застежкой темной кожаной сумки. В ней не было нужды, поскольку Эвальду нечего было в нее положить, но Гримстейн настоял:

— Дорогой аксессуар — часть образа, господин, — склонив голову говорил дворецкий.

— В конце концов, если решите что-нибудь стащить, будет куда класть, — вторила Арвис.

За окном кареты темно-серым полотном лежал широкий проспект. Он уводил вглубь Южного района, на границу с Восточным, в квартал менее титулованных аристократов.

Здесь особняки из песчаника и красного кирпича стояли почти вплотную к каменной кладке: увядшие сады смотрели на плотный дым, что поднимался из труб и рассеивался в сонном дыхании Свефнира; темные черепичные крыши прятали жителей от холода и друг от друга. Казалось, сами стены здесь хранят молчание о зависти к роскоши, о презрении к бедности, о восхищении стойкостью.

Дорогое стекло особняков сверкало даже в отблесках закрытого облаками солнца, а тусклые окна почти не пропускали свет. Но негаснущий огонь Наттлумена проведет живых мимо трона Ледяного монарха, прольет слезы, когда наступит весна. Она приходит каждый год, в каждый дом, не глядя на стоимость стекла в окнах.

Эвальд смотрел на особняк Хальвена. Тот почти не изменился за эти годы. Лишь сад перед домом потерял большую часть своих яблонь — им на смену пришли пышные кусты.

Кучер отогнал карету на задний двор, капитан и сержант поднялись по ступеням и постучались в двери. Открыл слуга, чье лицо Эвальд узнал даже сквозь сеть морщин, что оставили годы.

— Господин... Фарн? Как же давно я не видел вас!

— Здравствуй, Лисферне. Рад видеть тебя в добром здравии.

— Ох, вы так возмужали. Проходите, господин Дроск будет рад.

Пока капитан и Лисферне вспоминали милые пустяки из

прошлого, Рафир, повесив верхнюю одежду на крючки, задержал взгляд на столике со стопкой писем — вчера он заметил их, но не смог рассмотреть. Однако, имена и адреса ни о чем не говорили.

Слуга провел их через гостиную, сквозь несколько скругленных низких арок и узкий коридор. Стоило большого труда уворачиваться от ваз и горшков на тумбах. Большой снаружи, особняк внутри, казалось, опущенными потолками и словно нарочно сдвинутыми стенами призывал говорить шепотом и идти приставными шагами. Но пространство не давило. Эвальд знал здесь каждый угол — от кухонного дымохода, который постоянно ломался, до единственного большого зала, что был наполнен накрытыми стеклом экспонатами. Знал, что эта ваза с рисунком морских волн заменила разбитый стеклянный графин. Тот был небольшим, в форме голубки.

Он не сдержал улыбку. И с ней зашел в светлый кабинет, где за столом сидел Хальвен. Его лицо в памяти было почти таким же четким, как схема дома, нарисованная глупостями юности. Тот же сосредоточенный изгиб между тонкими бровями, который редко появлялся на лице вспыльчивого юнца. Та же едва заметная ухмылка, что застыла в приподнятых уголках губ. Он был поглощен работой, его каштановые пряди падали на лицо, выбиваясь из небрежного хвоста, темные глаза ходили по строкам, а руки складывали бумаги.

Лисферне нарушил тишину, с легкой дрожью в голосе

провозгласив:

— Господин, к вам Эвальд Фарн.

Мужчина за столом поднял голову.

— Десять лет, Эвальд. Ни письма, ни встречи, — произнес Хальвен, вставая со стула.

Эвальд ожидал упрека. Или презрительного взгляда. Но Хальвен сделал три шага, вздох, и объятия словно вернули капитана в то время, когда серый еще не был единственным цветом.

— Мне жаль, Хальвен. Что ничего не сказал.

Тот отстранился, держа Эвальда за плечи.

— Я ведь искал тебя, хотел помочь. После узнал, что ты пошел в стражники и...

— Прости, — слабо улыбнулся он в ответ. — Мне нужно было время.

Хальвен не вернулся за стол, предложил присесть в кресла напротив друг друга и отправил Лисферне за напитками.

— А твой слуга? — нахмурился хозяин дома, глядя на Рафира. — Не терпится послушать?

Эвальд слегка напрягся.

— Помоги старику, — произнес он, встречая понимающий кивок.

Рафир оставил сумку на полу у подлокотника кресла и вышел вслед за Лисферне.

— Южанин. Интересный выбор. Нравится ароматная кухня или...

— Ответственный, — кивнул Эвальд.

— Что же, — выдохнул Хальвен, перекидывая ногу на ногу. — Столько лет молчания и вот ты здесь. Как... как поживает госпожа Фарн? Вы поддерживаете связь?

— Обмениваемся письмами. Ей стало гораздо лучше под солнцем столицы, — Эвальд усмехнулся. — И мне спокойно, когда читаю рассказы о ее деловых приключениях.

Хальвен постучал пальцами по подлокотнику.

— А отец? — он осторожно посмотрел Эвальду в глаза. — Получилось что-нибудь?..

— Ты знаешь, что с ним стало.

— Прости. Не знаю, почему спросил.

Хальвен провел пальцем по брови, отворачиваясь к двери, за которой доносился тихий звон посуды. Эвальд тоже повернулся, отпуская воздух из легких.

Рафир, ступая за Лисферне, увидел из-за его плеча хозяйина дома и капитана. Разве с такими лицами ведут беседу? Он не стал заходить в комнату, ожидая, когда слуга закончит сервировку чая. Но было невероятно сложно подавить импульс. Потребность остаться.

Эвальд поймал взгляд сержанта, едва заметно, но уверенно кивнул, пока Хальвен опускал в чай кусочки колотого сахара.

— А как поживаешь ты? — наконец, нарушил молчание Эвальд, когда они вновь остались одни. — Я заметил, что ты решил переделать сад.

Хальвен пожал плечами.

— Это идея жены.

— А сейчас она?..

— С детьми у родителей.

— Дети, — улыбнулся капитан. — Опоздал я с поздравлениями. Как тебе семейная жизнь?

Хальвен отпил чай и на миг закрыл глаза.

— Намного лучше, чем я ожидал, — его голос смягчился. — Отец взял пример с твоего. Выбор пал на Эверлин из семьи Корбенн, — он посмотрел на Эвальда, но тот покачал головой. — Конечно, я же познакомился с ней позже. Оказалось, что мы разделяем увлечения. Чудо, что мы сошлись на таком.

Рябь на поверхности чая не могла исказить счастливую улыбку Хальвена.

— Полагаю, теперь твоя... ваша коллекция не помещается в одной комнате? — отметил Эвальд. — Я бы посмотрел как-нибудь, если позволишь.

— Тебе покажу, конечно. — кивнул Хальвен, но затем его брови сошлись на переносице. — Меня высмеивали в прошлом и что теперь? Послы из империи хотят познакомиться с моими экземплярами. И много кто еще.

Например, Арвис Лорик. Кто бы подумал, что ее могут интересовать бабочки.

— Я не смеялся над тобой. Помнится, помогал тебе ловить одного рогатого жука.

— Он все еще у меня. Называется в честь растения, что не цветет, — Хальвен задержал на нем взгляд. — Френнорог. До сих пор не пойму, как ты разглядел его тогда.

Капитан пожал плечами.

— Могу сказать, что я счастлив, — заключил Хальвен.

И в его глазах Эвальд, вместо тусклого вежливого блеска, увидел тот самый теплый свет, который помнил по юности.

— Семья радует меня, и дело процветает. Ко всему, ты, будто и не прошло всех этих лет, сидишь передо мной и мы болтаем о жуках. Когда я смогу порадоваться за тебя?

Эвальд сделал глубокий вдох и начал:

— Собственно, поэтому я связался с тобой. Не знаю, слышал ли ты, но я занял пост капитана в Восточном районе.

— Да, — ответил Хальвен с усталым взглядом. — Я слышал.

— Не все из слухов правда.

— Я бы и не поверил.

— Спасибо, — ответил Эвальд и позволил себе откинуться на спинку кресла. — На чем я?.. Капитан, да. Много времени прошло и я решил двигаться дальше.

— На жалованье капитана слугу бы ты себе не позволил, — поднял бровь Хальвен.

— Так сложилось, что я сейчас не просто капитан. Меня под крыло взяла семья Лорик.

В коридоре словно что-то упало. Или показалось?

— Эсиль и Рунива же не в городе.

— Их дочь, Арвис, — улыбнулся Эвальд. — Вы вроде знакомы.

Лицо Хальвена исказилось на миг, но он совладал с собой.

— Мы не нашли общий язык, — бросил он, а затем протянул, — Так значит, это Арвис видели в твоём гарнизоне. Тогда у меня не остается причин верить слухам, — он усмехнулся. — Она бы не стала возиться с бездарем. Вы планируете что-то серьезное?

Поимка преступника — насколько серьезно? Эвальд покачал головой.

— Не сейчас. Я не в том положении, — произнес он и отстранился от спинки. — И потому хочу попросить тебя об одолжении, если не возражаешь.

Хальвен раскинул руки.

— Я бы сказал, все, что угодно, но... Чем я могу тебе помочь?

— Речь не про нумма. Прежде всего, я хочу вернуться в общество, но у меня больше нет имени семьи. Потому прошу тебя научить меня вести дела.

Слова отзвенели в чашках. Хальвен, не опуская брови, прочистил горло и сказал:

— Это похвально. Правда, не знаю, с чего начать. Ты уже... то есть, будет сложно. Если речь не про одну лавку, а целый торговый поток... что-то прибыльное? Сьерхольты держат монополию на стекле. Руда? Нужно огромное количество вложений. С продовольствием тебе придется...

— Хальвен, — остановил его Эвальд и улыбнулся. — Для начала мне нужно понять, насколько я готов. Разбираться со складом гарнизона — это одно.

— Значит, основы ты уже знаешь. Но почему не обратился к Арвис? — опомнился хозяин дома.

Эвальд поджал губы. Почему?

— Потому что семья Лорик, — медленно начал он, — Не занимается торговлей. И я не вписываюсь в круг ее знакомых, чтобы просить о таком.

Хальвен кивнул несколько раз, а капитан ушел взглядом в пустую чашку.

— Спасибо, что вспомнил обо мне, — с улыбкой вздохнул Хальвен. — Буду рад показать, насколько ты от меня отстал. Завтра у меня встреча с поставщиками в Цитадели, приглашаю тебя присоединиться, познакомлю с полезными людьми.

— Это слишком. Если не против, я бы начал с другой стороны — поставки, хранение.

— Хочешь посмотреть на мои склады? Это можно устроить.

Договорились встретиться через два дня. А затем Эвальд согласился пройтись по дому, по коридорам, где он когда-то носился, мимо окон, где он за книгами иногда встречал закат, дожидаясь возвращения родителей.

И, конечно, они посетили сокровищницу господина Дроска — музей диковинных насекомых, что навсегда застыли в

момента распахнутых крыльев. Воспоминания, которые не ужалят.

Жуки и бабочки, в расцветки которых сложно было поверить, форм и размеров, что порой поражали своей сложностью и многообразием. И, слушая восхищенный рассказ, Эвальд искренне понадеялся, что за сбором и любованием своей коллекцией у Хальвена не остается времени на планирование заговора.

Он же не стал бы рисковать семьей ради прибыли?

Когда они спустились вниз, Хальвен настаивал, чтобы старый друг остался на обед. Или уже ужин? Но Эвальд отказался, сославшись на дела в гарнизоне. К этому моменту тело уже сводило от недомолвок, которыми он отвечал на искренность. Он не лгал. И при том, не мог сказать всего, поделиться тем, что научился слушать и слышать. Говорить. Возможно, когда-нибудь наступит время, светлое время, в котором в словах не придется искать подлый замысел.

Карета подъехала ко входу. Хальвен проводил гостей и остановился в дверях. Глядя на улыбку на его лице, Эвальд понял, что двор лишился не всех своих яблонь.

Он остановился на ступенях Гарда, провожая взглядом уезжающий в ночь экипаж. Рафир обернулся, пытаясь найти, что зацепило взгляд капитана. Но тот собирал на темнеющих улицах не тени угрозы — он глядел в самого себя, чтобы сказать то, что должен был уже давно. Эвальд не мог ниче-

го сказать Хальвену, но сейчас он способен выполнить долг перед человеком, который своим присутствием помогает не задыхаться и дает надежду, что правда двойника в отражении — не единственная.

— Сержант... Рафир. Я должен извиниться, что принимал твое присутствие как данность. Это нечестно и неправильно, — произнес он и сделал спокойный вдох. — Ты со мной уже пять лет и... все еще помнишь, каким я был. Пожалуйста, знай, что я вижу в каждом составленном тобой расписании, в приказах, что ты отдаешь, когда отправляешь патрули. В пожаре, с которым ты справился. Теперь я вижу. Каждую кружку чая, которая ждет меня по утрам на столе в кабинете. Сам бы я давно забыл его на полке.

Рафир мягко улыбнулся, опуская взгляд.

— И теперь, — продолжил Эвальд, опустив руку на его плечо. — Отправляясь на очередную встречу в Цитадели, я не буду слепо уверен, что с гарнизоном все будет хорошо — я буду знать почему.

Глава 15. Луч скорбной зари

В тени вокруг рассветного луча

Нет мест для слов и теплоты касаний.

Не будет и прощаний —

Заря осветит их и не оставит и следа.

— Сольдаг

— Ну-ка, цыц, — прошипела Арвис. — Все, они идут.

Ланс отпрыгнул от дверей. Глаза и руки искали предмет, что дал бы убедительное прикрытие. Они вовсе не собирались подслушивать — это все Арвис. Увидели экипаж, подошли ко входу, чтобы встретить, но тут услышали начало речи капитана и не стали открывать первыми.

Щеки почему-то горели. Наверное, радость за Рафира? Или стыд за воровство тех слов, что ждали годы и предназначались не ему.

Дверь открылась. Показались капитан и Рафир с легкими улыбками и растрепанными ветром волосами.

— Уже ждете нас? — спросил Эвальд, глядя на Арвис, которая не стала притворяться, что занята. — Ланс, почему ты красный?

— Я донимала его неприличными вопросами, — подняла она подбородок. — Как все прошло?

Эвальд снял верхнюю одежду, достал из внутреннего кар-

мана пальто свернутую бумагу и отдал Арвис.

— Хальвен пригласил осмотреть его склады через два дня. Обещал все показать.

— И никаких заминок? — спросила она, не отрывая взгляд от записей. — Он же знает, что ты капитан?

— Знает, конечно, — вздохнул Эвальд. — И, честно, мне не хочется, чтобы заговорщиком оказался Хальвен.

— Это зависит только от него, капитан, — произнес Рафир, встречая понимающий кивок. — Арвис, Ланс, вы уже ужинали? Мы пропустили обед в доме господина Дроска...

— Вас ждали, — улыбнулся наемник. — Идем.

Они отправились в гостиную, где стол уже был накрыт. Гримстейн сегодня готовил основательно — не вчерашнее рагу на скорую руку. Жаль только, что в очередной раз не удалось понаблюдать за работой на кухне.

— А как дела у вас с помощником портного? — спросил Рафир, заправив салфетку за воротник рубашки.

— Тупик, — ответила Арвис. — Он совсем юный, живет в Восточном районе. Ни мотива, ни возможности.

— Зато с Арвис сняли мерки для нового платья, — вклинился Ланс.

Арвис прищурилась и хитро улыбнулась.

Ланс подождал, когда все начнут есть, и тоже взял в руки приборы. Поднял взгляд на лейтенанта и капитана — разговор настолько увлек их, что они не замечали маленьких ка-

пель супа, что падали с ложек на скатерть. Затем на Рафира, который справа от него накалывал сухарики на вилку и вымачивал их в бульоне, прежде чем съесть. И в какой-то момент главными достоинствами комнаты стали ни темные шторы из бархата, ни резное украшение из прямых линий на раме камина, ни мягкая свободная одежда, а песня. Прямо из голосов, смеха и некогда холодных глаз. И сейчас, сжимая в руке вилку, Ланс не крал эту песню, не бежал от нее, а просто слушал.

— Ты чего? — спросил Рафир. — Подать что-нибудь?

— Все хорошо, — неровно улыбнулся Ланс в ответ. — Просто задумался.

Под конец ужина, когда все переместились из-за стола в мягкие кресла, прибыл лейтенант Тессен с кратким докладом из гарнизона. Он не задержался, и, как только дверь за ним закрылась, Ланс и Рафир заняли места на диване, а Эвальд и Арвис присели в кресла. Рафир и вовсе скоро задремал.

— Тишина тревожит меня, — наконец, тихо озвучила Арвис. — Беллан провел отличную работу, но... сомневаюсь, что в Восточном районе спокойно, только благодаря гвардейцам.

Широкие рукава ее рубашки закрывали подлокотники кресла, перед ней лежала книга. «Трактат о насекомых», — прочитал Ланс, но Арвис ее так и не открыла.

— Согласен, — ответил капитан. — С другой стороны,

заговорщик уже добился отсрочки закона.

— Остановится ли он на этом?

Ланс, глядя на их полуосвященные лица, вспомнил архив в Продовольственной палате. Была ли там полуправда?

— Капитан, — озвучил он осторожно, чтобы цепочка из мыслей не рассыпалась в голове. — Когда я просматривал в архиве документы, там было... Я точно не уверен, что это относится к делу, но там были документы — записи зерновых сделок.

Арвис подалась вперед.

— Что там было?

— Целая пачка бумаг о продаже в столицу, — ответил Ланс.

— Объемы большие?

— Колоссальные.

Капитан и лейтенант переглянулись.

— На что еще обратил внимание? Кто с кем торговал? Время? — спросил Эвальд.

Ланс зажмурился, восстанавливая образы бумаг. Во рту снова закрипела архивная пыль, без которой он бы не заметил ту коробку.

— Компания *что-то-там-перевозки*. Заканчивается на *veg*, точно не вспомню, меня гвардеец схватил тогда. По записям, зерно вывозили с конца лета, но было что-то странное в печати, — он посмотрел поочередно в глаза лейтенанта и капитана. — Я не успел сравнить, но печать была как

ваша, капитан. И похожая стояла на приложении к документам Синдриана.

— А подпись?

— Без подписи.

Арвис приложила палец к губам и посмотрела в огонь.

— Большая часть печатей в Цитадели почти одинаковые. Только во внешней круговой строке указан клерк, что ее ставит.

— Я не прочел там, простите.

— Ты молодец, — она повернулась к нему, сохраняя в глазах отблески пламени. — Мы проверим сведения. Если подлец перед зимой решил оставить город без еды, только чтобы отменить закон, я его казню.

Ланс кивнул, а огонь очередным снопом искр стал свидетелем ее обещания. Арвис какое-то время смотрела на стол перед собой и взгляд ее вдруг прояснился.

— Капитан, Хальвен Дроск показал свою коллекцию?

Эвальд выпрямил спину и мягко улыбнулся.

— Да. Уверен, вам бы понравилось.

— Если окажется, что виновен не он, — Арвис выгнула бровь, — Я прикажу вам убедить Хальвена пустить меня в свой музей.

Ланс и капитан тихо рассмеялись. Недостаточно тихо.

— Я заснул? — подал голос Рафир, едва открывав глаза.

— Вы говорили о чем-то важном?

— Обсуждения завтра, — отмахнулась Арвис.

Капитан тоже взял какую-то книгу без названия на обложке и вернулся в кресло.

Поленья тихо трещали, шесть ярких свечей на стальном канделябре рассеивали алый мрак гостиной. Корешки книг блестели в отсветах, словно смотрели в ответ. Их можно было взять, не спрашивая разрешения, сесть, даже лечь на бархатный диван, погружаясь в уютное изучение — что там стоит? — геральдики Вальдорфа. Ланс взял края рубашки, сминая мягкий хлопок, белый и дорогой как страницы в его тетради, прочный и теплый как Гард, под крышей которого не было ни упрека, ни навязанных формальностей.

В комнате постоялого двора был свой уют, тихий, в слабом свете фитиля, горящего в масле, в колючем шерстяном одеяле, в книгах, что иногда удавалось взять у торговцев, которые были довольны его работой. Тетушка брала шесть медных нумма за ночлег, зато кормила бесплатно.

Ланс положил ладонь на поясную сумку. Кошель уже не звенит, как и счет в гильдии, опустевший еще три дня назад. Накопления — небольшие, с такими тратами на ночлег и свою работу, оставившую на ботинках полевую грязь, — он обменял их на кое-что более ценное, что нельзя было купить. На щетку для зубов для гвардейца Люмвара Сокрана, который постоянно забывал свою в казармах Цитадели, и возможность послушать истории его проигрышей в кости непобедимому сержанту Драсину Гракрону. На мешочек с солью, что без стирки убрал неизбежные пятна на белой

форме, неловкий взгляд облегчения и благодарности Ярнеля Микварда.

Гвардейцы не нуждались в подачках, но люди, забывчивые, иногда невнимательные, были готовы принять неожиданную помощь. Это ведь и не были подачки.

Арвис точно не нуждалась. Сейчас в ней, расслабившейся в кресле и читающей что-то про ядовитых бабочек, даже нельзя было разглядеть гвардейца.

— А вам не спится?

Вырвался вопрос, но уже поздно отступить. Она не подняла головы и тихо ответила, но Ланс не разобрал слов.

— Если позволите, — продолжил он и опустил взгляд на свои руки. — Вы... То есть, я заметил...

Ланс поднял голову. Книга уже была закрыта, Арвис хитро сощурилась.

— Ну давай, — улыбнулась она.

— Это расследование... — он вдохнул побольше воздуха. — Вы с самого начала видели, как далеко тянется заговор?

— Нет, конечно.

— В таком случае, почему? Вы — дочь маркиза Лорик, лейтенант гвардии. И ваши полномочия явно шире, но вы так заботитесь о...

— Стоп-стоп-стоп, — Арвис замахала руками, с ее губ не сходила задорная ухмылка. — Давай по-другому, дознаватель Ланс. В таких играх всегда участвуют двое. Я тоже кое-что заметила, потому предлагаю обмен. Начнем заново.

Ланс поднял брови, слегка отстраняясь к спинке. Капитан и Рафир тоже обернулись на их разговор.

— Хорошо. На утро после допросов Герта и Илзина вы отстранили капитана и возглавили гарнизон. И, пока мы с ним заново заполняли бумаги, он... отдохнул? Стал свободнее. В речи, в поведении, — он мотнул головой, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. — Я не знаю, о чем вы говорили, но в нашу первую встречу, когда меня наняли, его слова были резкими... И вы не хотели отпускать его в Цитадель. Мы встретили в тот день капитана Западного гарнизона и я понял, почему вы были против. Что вы маскируете под приказами?

Эвальд сел на край кресла.

— Я был резок?

— Наводящий вопрос, господин Ланс, — Арвис подняла указательный палец. — Однако, отличные наблюдения.

— Но почему? — он подался вперед. — Каждого из нас вы могли бы заменить гвардейцем, они лучше и...

— Нет-нет, моя очередь, — она сделала паузу, пристально глядя ему в глаза. — Ланс. Лаконично. Замечательное имя для наемника. Ты обучен читать и писать, твой ум работает категориями, ты связываешь торговые сделки с вероятной катастрофой, сопоставляешь даты на отчетах и понимаешь, где можно обойти бюрократию.

Ланс потер запястье.

— Спасибо. Это... все?

— Пока да. Теперь ты.

— Могу я говорить чуть откровеннее? — спросил он и получил разрешение приглашающим жестом. — Вначале я подумал, что капитан вам нравится как... мужчина. Вы поняли.

Арвис улыбнулась шире. Ланс обернулся на капитана, но тот лишь слегка поднял брови.

— Но вы уделяете Рафиру не меньше внимания, — продолжил он. — До всего этого, до ваших совместных заданий, он был таким строгим, но, когда мы ходили в Северный район... — воздух с усилием вошел в легкие. — У меня была паника — в толпе у меня бывают приступы. И в тот раз... я сбежал в переулок от криков. Не помню, как оказался там. Но, Рафир, ты не бросил меня, не стал орать и трясти. Помог успокоиться. А потом... так по-доброму стал ко мне относиться. Мы, кажется, подружились.

— Он хороший человек, — согласилась Арвис, глядя в глаза сержанта. — И... ты боялся рассказать об этом? Страх такая штука, знаешь... Я вот жутко боюсь высоты, — усмехнулась она. — Представь, каково мне пересекать мост Стальхогг.

— Это вы приказали перевязать цепи, — заметил Эвальд. Она кивнула:

— До этого добиралась в каретах, там не слышно рева бездны... Я к тому, что не все страхи мы можем побороть, да и не все нужно. И не все нам под силу.

— Спасибо вам.

— Пожалуйста. Вернемся к разговору. Что с Рафиром?

Собрать мысли обратно оказалось сложнее. Ланс мгновение пожевал губу.

— Он стал увереннее. Больше не стражник... то есть, теперь больше, чем просто стражник. И я бы подумал, что вы выбираете между ними. Но вы такая... сильная. И точка приложения ваших сил — это все мы. Вы не давите, а направляете, не забираете, а даете. Вы пустили нас в свой дом, доверяете. Но я все еще не понимаю почему.

Арвис положила ладонь на обложку книги и провела пальцами по кожаному переплету.

— Кем ты... м-м, — запнулась она, поджав губы, затем склонила голову к правому плечу. — О чем ты думал после допроса убийцы? Почему чуть не расплескал воду из чашки? Стоял в подвале с красными щеками, а потом дрожал от холода...

Она тяжело вздохнула.

— Для чего ты всегда улыбаешься, когда даришь стражникам и гвардейцам полезные мелочи? А потом... когда наступает вечер, уходишь за ворота гарнизона, и вместе с солнцем уходит и твоя улыбка, — она задержала взгляд на его лице, но выражение лица не ожесточилось. — Прячешь от меня лицо, когда я смотрю слишком пристально. Почему ты остаешься с Эвальдом в кабинете? Ни разу не попросил отпустить тебя, хотя в твоём кошельке почти не осталось нум-

ма.

Ланс не выдержал ее взгляд, отводя свой. Рука потянулась к лицу, но он сжал пальцы.

— Без каких-либо сомнений отправился в Законотворческую палату, — продолжила Арвис. — Начал спорить со мной, Арвис Лорик, дочерью маркиза, лейтенантом гвардии. Доказывал мне, что секретарь Маскенфера имеет такое же значение, как и вероятная правда, которую советник так и не озвучил. Ты не боялся. И сегодня за ужином...

Она села на край кресла и глубоко вдохнула.

— Ланс, Эвальд и ты, Рафир, — звон ушел из ее голоса. — Вы носите в себе разные вопросы, и... — в уголках ее губ дрогнула улыбка. — Так вышло, что у меня есть ответы. Я могу дать их вам. Мой ответ в том, чтобы вы не задавали себе эти вопросы. Перестали сомневаться. Увидели в себе не только виноватого сержанта, или... брошенного и униженного капитана. Я хочу, чтобы ты, Ланс, знал, что в городе есть кабинет в гарнизоне. Кабинет, в котором ты перестал быть просто наемником, который помогает заполнять отчеты. Я хочу, чтобы ты знал, что можешь взять любую книгу с каминной полки. Хотя бы здесь, в этом Гарде.

Он сглотнул поднявшийся ком и поднял голову. Ее глаза, словно лед, заставили толпу у Законотворческой палаты расступиться и опустить головы. Эти же глаза цвета ясного неба, могли сверкать озорством и рассматривать картинки с бабочками. Однако, сейчас Ланс видел в них другое — свое

отражение, в котором он перестал поджимать плечи.

— Арвис, я...

Она подняла ладонь и положила ногу на ногу. Звон не сразу вернулся в ее голос.

— Твоя очередь. Солантис. Почему рассветный луч покинул дом чайного синецвета?

Живот сжался, словно кто-то сдавил его со всей силы. Откуда... Ланс, не в силах вдохнуть, резко обернулся. Капитан рассказал ей? Хотя тот сам выглядел растерянным, не зная на кого смотреть.

Арвис склонила голову.

— Не пугайся, — мягко произнесла она. — Что бы там ни было, разговор останется в этой гостиной.

Ланс, запутавшись в собственных мыслях, трясущимися руками держался за штаны. Ладони снова намокли.

— Но как?..

Рафир подался вперед:

— Сендис говорила про наследника...

— Ты очень на него похож, — прервала его Арвис. — Я бы и не заметила, честно говоря, но твой отец поднял такой шум. Ищет тебя.

Ищет. Ланс отвел взгляд.

— Пусть ищет дальше, — буркнул он. — Он выгнал нас.

— Поделишься?

А можно ли? Столько лет ждать ответ, столько ночей провести в страхе, что он передумает... Ланс постарался рассла-

бить живот, затем медленно набрал в грудь воздух. В голове снова возникла улица, озаренная солнцем Лъётуса. Самый яркий и теплый день, который только могло подарить лето.

— Его родители тогда... — Ланс запнулся, подбирая слова. — Отец Лискора закрывал глаза, но потом запретил ему эти *игры*. Мать выставили на улицу. Безродная служанка. Она старалась, собирала нумма, чтобы я смог учиться у Блустителей. Но уже тогда я видел, как на нее смотрят. Соседи, лавочники. Мы постоянно переезжали. Она не хотела, чтобы я...

Он вздохнул, перебирая пальцами край рубашки, и продолжил:

— Он присылал письма. И... она читала мне их, радовалась, и я думал, что когда-нибудь он, наконец... Так глупо.

— А потом? — мягко спросила Арвис.

— Когда мне исполнилось шестнадцать, я решил стать стражником, мог дослужиться до лейтенанта и выше — знал, что получится. Работы в архивах, как я слышал, полно. Вместе с этим, иногда ходил в Северный лес вместе с Торгиль. И все было хорошо, я собирал деньги на дом. В один из дней я хотел приехать к маме.

Самый холодный и жестокий из дней, рожденный в сиянии Вершителя Света.

— Меня не было почти месяц, поход затянулся, но... я не знал, что она...

Глаза защипало.

— Ланс, не стоит.

Цветок, сорванный тогда.

— Я пришел. Хотел рассказать, порадовать, что нам больше не придется переезжать.

Желтый. Он почти не пах.

— Но соседи... мне даже не дали...

За их головами — дом и дверь.

— Они сказали мне... их крики...

Навсегда закрытая дверь.

— Ланс, остановись.

Капитан и Рафир сели рядом и кто-то приобнял его за плечи.

Арвис опустила на пол, стараясь поймать его взгляд. Ланс вдруг стал таким маленьким. Его тело дрожало. Лишь после глубокого вдоха он продолжил:

— Лискор... Писем больше не было, — его голос прошел сквозь плотно сжатые зубы. — Он даже не приехал, когда развеяли пепел. Но я... я тоже не смог попрощаться...

— Мне так жаль, — почти прошептала Арвис. — Ты не виноват, ты же знаешь.

Ланс всхлипнул и вытер лицо рукавом, оставляя мокрую полосу на ткани.

— Пусть оставит себе свою фамилию. Я буду ходить с именем, что дала мне мама.

Арвис тяжело вздохнула и, взяв в ладони его лицо, повернула к себе. Нет, совсем он на него не похож. Она еще не

видела его так близко. Омраченное, но неугасшее маленькое солнце, заря, которая согреет кабинет в гарнизоне и осветит одинокий Гард.

— Скорбь не сочетается с рассветом, — сказала она с печальной улыбкой.

Солантис Вельмон. Нет. Совсем не сочетается.

Глава 16. Молчание

*Стражник помнить обязан: долг, что несет, не в наде-
том доспехе,*

не в ножнах, хранящих всю смелость и пыл —

в тепле очага, и в улыбках и в смехе,

он их помнить должен, ведь кровью добыл.

— Устав городской стражи, раздел «...»

Арвис скрестила руки на груди и вскинула голову. Взгляд, острее серебряного клинка, точным ударом попал в цель.

— Используй сладкий картофель, — прозвенел ее голос.

— Запеченную мякоть можно смешать с тестом.

Ланс подавил смешок. Гримстейн, убрав руки за спину и не меняя выражения лица, рассеял атаку, впитывая напор черной тканью короткой ливреи. Только брошь с ястребом на его груди блеснула в лучах утреннего солнца.

— Все верно, моя госпожа, но это совершенно иной рецепт. Я просил вас купить мед.

— Ты... — она сощурилась, затем резко отвернулась. — Наемник, идем будить капитана и сержанта. Нужно сделать выговор.

И направилась прочь, к лестнице, на второй этаж, рассекая притворно-сердитыми шагами то единственное, что заполняло пустую прихожую — воздух, наполненный запахом

корицы и теплого воска. Ее волосы были так же свободны, как и ткань широких рукавов белой рубашки, трепетавшей от движений.

— Вы всегда так? — улыбнулся Ланс дворецкому.

Он прикрыл глаза без кивка и качания головой.

— Прошу вас не беспокоиться, господин. Поспешите, иначе вам тоже достанется.

Ланс не стал спорить и побежал за Арвис, следуя за едва уловимым ароматом сладкого цветка, что распускается лишь после грозы в дождливый день. Мягкая обувь из замши скользила по гладкому камню, но он справился с полом и ступенями и, догнав, услышал:

— Ты... хорошо спал? Эвальд предлагал перенести тебя в комнату, но я решила, что лучше не тревожить.

Он встретился взглядом с Арвис. Еще предстоит привыкнуть к ее настоящему лицу и голосу. Привыкнуть к ощущению брони, за которой можно спрятаться.

— Все хорошо, спасибо вам.

— Давай договоримся — просто Арвис.

Ее черты так смягчились, что Ланс не удержался и сощурил глаза:

— О, госпожа, не знаю в праве ли я...

Она подняла брови, усмехнулась и толкнула его в плечо.

Двери комнат Эвальда и Рафира по разные стороны коридора открылись одновременно от их смеха. Показались капитан и сержант с расстегнутыми воротниками и полотенца-

ми, накинутыми на плечи.

— Вы за нами? — спросил Эвальд, вытирая лицо.

Ланс провел пальцами по своей щетине — тоже бы побриться.

— Наемник, тебе это не идет, — Арвис указала на него. — Как ты собираешься покорять секретарей в палате с этими иглами?

— Сегодня мы идем в Цитадель? — уточнил Рафир.

— Обсудим за завтраком. На котором не будет медового печенья, — подняла она бровь, затем продолжила. — Тебе и капитану нужно одеться в форму стражников. Спускайтесь, как будете готовы. А ты, Ланс, бриться, немедленно.

И спустя менее чем через час, Гримстейн подал завтрак в алой гостиной, и солнце играло лучами на поверхности ароматного чая.

Арвис посмотрела на его гладко-выбритые щеки. Да, так лучше. Его щетина была совсем юношеской, такой редкой, невозможной для отращивания. Открытое милое лицо, которому совершенно не пойдут усы и борода, даже ухоженные.

После умывания во рту сохранилась пряная сладость и легкая прохлада, которую в зубную мастику добавлял бергамот. Мелькнула мысль об опустевших полках с чаем. На улице с мастерской Бломара вроде была чайная, недоступная еще несколько дней назад, но, может, Ланс согласится как-нибудь наведаться туда...

Опустив голову к завтраку, она отделила вилкой кусочек от свернутой в рулет яичницы. Отрезать ровно не получилось — корочка осталась в тарелке. Вздохнув, Арвис сказала:

— У нас смена приоритетов. Мы проверим сведения Ланса.

— Все может быть настолько серьезно? — спросил он.

— Маскенфер сказал, что закон хотят перенести, — произнес Эвальд. — Но заговорщику этого может быть мало, он мог подстраховаться, подготовить еще один план. Если он опустошил зернохранилища, толпа уже не будет извиняться за поджог гарнизона.

— Поступь Глатариса начнется через четыре дня, — ответила Арвис и запила фразу чаем. — У нас много дел и мало времени — сегодня действуем раздельно. Эвальд и Ланс, вы — в Цитадель, искать записи по зерновым сделкам. После, найдите отчеты по городским остаткам. Рафир, ты со мной — нанесем визит Синдриану Ангвису, проверим городские склады, — она убрала прядь за ухо. — Будем молить Доминуса, чтобы Ланс оказался не прав.

Он вряд ли ошибся, но она отбросила мысль о пустых зернохранилищах.

— Арвис, позволь мне отправиться в Западный район. Вы вдвое лучше справитесь с документами, — мягко улыбнулся Эвальд. — И с Продовольственной палатой.

Она провела костяшкой указательного пальца по губам,

отвечая хищной ухмылкой.

— Уверены, капитан? Сможете спать спокойно, зная, на что обрели секретарей?

— Я не могу быть ответе за тех, кто не спрячется от ястребиных когтей, — покачал он головой и вернулся к завтраку.

Рафир сложил приборы и отодвинул тарелку.

— Что мы сделаем, если отчеты не сойдутся? Попросим помощи у столицы? Герцог поверит нам?

— У герцога не будет выбора. Но, даже с его приказом, обозы из столицы не успеют прибыть до начала Наттлумена, — ответила Арвис. — Порт Квархольт ближе.

— Он меньше.

— Он торговый. Даже совсем немного продовольствия поможет Вальдорфу продержаться, если мы рассматриваем худший вариант.

Все замолчали, допивая чай, и Арвис скользнула взглядом по собравшимся за столом.

— А вы все... решили, где переждете Поступь? Я бы хотела, чтобы вы остались здесь.

— Я думал насчет гильдии, — протянул Ланс. — Потом хотел попросить остаться в гарнизоне. Но раз уж мы перенесли штаб в Гард...

— Отличное решение, — кивнула Арвис. — Будем помогать Гримстейну оборонять окна.

Рафир слегка поднял руку.

— Мне нужно предупредить родителей.

— А мне проведать Арденскельда, — подал голос капитан. — Он еще не встречал Глатарис на севере. Помогу ему заpastись едой.

Арвис еще раз посмотрела на их лица, и тугой жгут, что держал ее осанку, слегка ослабил плетение.

— Надеюсь, в этом году Поступь затянется.

Арвис поправила шлем. Чем ближе подходил Глатарис, тем сильнее выл ветер Свефнира. Милостивый палач не придумал ничего лучше, чем проявить свою глупость. Старайся, четыре дня тебе осталось.

— Мы можем пройти пешком, — услышала она голос Ланса.

Тот качнул головой в сторону моста.

— Ценю твою заботу, но лучше поспешить, — она осмотрела спутника. Пальто из темно-зеленого бархата село на него отлично. — Тебе не холодно?

Ланс ответил ей широкой улыбкой. Рукой он изящно откинул полы, показывая плотные шерстяные штаны.

— Готов пробить в седле хоть весь день. Спасибо за одежду.

Арвис еще раз посмотрела на его лицо. Как бы наемник ни отказывался от своей природы, аристократичность скрыть он не мог — и одежда лишь подчеркнула сдержанную выразительность его жестов. Она еще вначале, когда он зашел в сгоревший кабинет с хлебом, заметила что-то солнечное в

блеске внимательных карих глаз и в чуть большей силе бровей, чем у жителей северного Вальдорфа. Однако, его солнце не переходило в жар.

Ясность холодного ветра и упрямство тлеющего огонька.

Она вздохнула. В голове возник другой образ — тот, что вчера дрожал в свете камина. Как жаль, что свет Ланса идет из такой глубокой ночи.

Когда они перешли мост и рев бездны больше не мог украсть слова, она спросила:

— Когда ты родился?

Ланс слегка наморщил лоб.

— Мама говорила, в Сольдаг.

Иронично и жестоко. Арвис слегка покачала головой.

— Помнишь цветок, что я привезла в гарнизон?

— Артишоковая протeya. Я запомнил.

— Портной снимал с меня мерки, чтобы сшить платье, которое он нарисовал с этого цветка.

Ланс задумался на мгновение, потом произнес:

— Вот почему Бломар так светился. И когда будет повод его надеть?

Арвис хитро сощурилась.

— На твой день рождения. Но! — она подняла палец. —

Это все портной. Мне пришлось подыграть ему.

— Не дорого обошлась игра?

— Я бы сказала, — протянула Арвис. — Для меня не стоит вопрос цены, да и не в ней дело. На кону стояла невинов-

ность портного и я сделала ставку.

Ланс слегка улыбнулся в ответ, прикрывая, — по привычке, наверное, — лицо воротом.

— Та-ак, что насчет дня рождения?

Она отпустила поводья и уперла руки в бока.

— Хочу спросить, проводишь меня на бал? Граф Вельмон там тоже будет, но я смогу отстоять тебя.

Ланс помолчал немного, глядя на проезжающие мимо кареты. По его лицу, обычно светлому и осторожному, пробежала тень. Что-то... смешанное, — Арвис даже не поняла сразу, страх это был или ненависть, которой хватило бы спалить весь город. Или...

— Я не... не знаю, — тихо ответил он.

— Не переживай, — уверенно улыбнулась Арвис. — Сольдаг еще не скоро. Может, ты вовсе окажешься в Квархольте или Скельдуме.

Ланс кивнул, на миг приложив ко лбу запястье.

Она скользнула взглядом, убеждаясь, что смогла отвлечь его образами о соленых морских ветрах и волнах, разбивающихся о берег, и пришпорила лошадь.

До Продовольственной палаты добрались быстро, оставили животных заботам конюхов и поднялись по ступеням. Внутри стоял гул из голосов, кашля и шагов. А еще тут была жара, из-за которой запах чернил и пота заполз прямо в нос. Арвис прокашлялась. И тут же боковое зрение поймало двоих людей, приближающихся сквозь толпу.

— Лейтенант Лорик!

— Госпожа!

Секретарь и гвардеец, оба в стойке смирно, оба подоспевшие с разных сторон, кинули друг на друга прищуренные взгляды.

— По-одному и быстро, — отзвенел голос Арвис, затем она повернулась к гвардейцу. — Ты первая.

— Эрлика Гронбаль, — отчеканила девушка. — Заступила на службу три дня назад. Хотела поздороваться, лейтенант.

— Приветствую в рядах гвардии. Возвращайся к работе.

Девушка стукнула каблуками друг об друга и скрылась за спинами посетителей. Арвис повернулась к секретарю, вскинув бровь.

— Я... — мужчина поправил воротник. — Вы по делу к нам?

— Похоже, что я на прогулке?

— Нет, что вы. Вам нужна помощь?

— Мне нужен архив. И никого в нем, пока я работаю.

Мужчина с поклоном указал в дальний конец зала и тут же ушел. Арвис пробежалась взглядом по палате.

— Если у тебя будет приступ, как помочь? — спросила она Ланса, не поворачиваясь.

— Просто будь рядом.

— Поняла.

Здесь криков быть не должно, но, в случае чего, Арвис

закроет Ланса плащом. И вдруг, даже в суетной жаре зала, мысль, что ее серебро может не только атаковать, оказалась приятной.

Она повернулась к архиву, жестом указала на него и зашагала вперед, раздвигая толпу.

— Там очень пыльно, — заметил Ланс, стоя перед дверью.
— Постараемся двигаться осторожно.

Арвис заглянула внутрь. Не просто пыльно — это абсурд. До них тут много кто успел побывать. И еще успеет. Какой-то мальчик возник за Лансом, чуть ли не в ноги пролез со словами извинений и скрылся за полками.

Прикрыв нос рукавом, она сказала:

— Ты за сделками, а я поищу отчеты из городских зернохранилищ.

Он кивнул и ушел влево, а Арвис подняла голову на указатели. Как найти склады? Если она не справится, Ланс, наверное, будет целый день над ней подшучивать. Нарочно не найти?

Через несколько рядов, наконец, показалась заветная надпись «Городские склады». И тут же ее плечи опустились.

— Я отказываюсь в это верить, — тихо выдохнула она.

Шесть или восемь шкафов с одинаковым названием. Здесь, судя по всему, были документы со всех — абсолютно со всех! — городских складов.

— Арвис, они у меня! — донеслось из-за шкафов.

— Я в четвертом проходе справа! Неси сюда, — крикнула

она в ответ.

И начала просматривать содержание верхних бумаг, не вынимая их из полок. Зачем хранить в Продовольственной палате отчеты по добыче угля? Их дублируют сюда из Торговой палаты или у них общий архив?

Ланс показался из-за угла, держа в руках коробку из тонких шершавых досок.

— Положи пока, мне нужна помощь, — она обвела рукой шкафы. — Здесь бардак.

— Да уж, — покачал головой Ланс, затем повернулся в проход. — Мальчик! Ты здесь?

Мгновение, наполненное приближающимся топотом, и перед ними появился парнишка со стопками бумаг в обеих руках.

— Господин?

— Подскажи, — наклонившись, мягко заговорил Ланс. — Где нам найти отчеты по остаткам в зернохранилищах?

Мальчик нахмурился, оглядывая шкафы.

— Простите, но... не знаю.

— Можешь позвать того, кто знает?

— Нет. Они все сейчас в Торговой палате.

— Что ж, беги тогда, — улыбнулся Ланс.

Арвис встретила с ним взглядом, поджимая губы к носу.

— Моя левая сторона.

Они начали поиски, заполняя проход пылью. И с Арвис случились сразу две вещи: первым пришло чувство непри-

вычного бессилия — груды старых бумаг не сдадутся перед ее ледяным взором и не подчинятся звонким приказам; а вторым... вторым было щекочущее желание повернуться и растрепать волосы Ланса, чтобы впустить свет в затхлый архив.

Она сдержалась, направляя поток из второго в первое. Город еще не знает, что его толкают в пропасть под стенами Цитадели и, прежде чем идти к герцогу, нужно найти осязаемые следы этих толчков. Альвенгар прислушается к ней.

— Это? — Ланс протянул ей бумаги. — Названия нет. Только часть отчетов?

Арвис пробежалась по строкам. Мешки и количество.

— Кажется, что это... — она потеряла один глаз костяшкой пальца. — Да. Вот, смотри, в каждой строке почерк разный.

— Это начало сбора урожая, — тихо проговорил Ланс. — Может, даже моя записка где-то здесь.

— Хёстидис... Конец лета нам не подходит, слишком рано. Смотрим дальше.

Арвис повернулась к своей полке. И серебро ее выдержки начало яростно плавиться. Руки затряслись и она на миг перестала видеть слова на бумаге. В прошлый раз это закончилось... болезненной перестановкой в зале Продовольственной палаты. Нашлись же и столы, и секретари.

Она услышала тихое ворчание и обернулась.

— Ланс.

— Прости. Не хотел отвлекать.

На ее лице появилась недобрая ухмылка.

— Давай явимся сюда после Поступи.

Ланс нахмурился.

— Хочешь...

— Заставим разобрать этот бардак.

Он отразил гримасу.

— Скандал? Я за.

Затем, спустя бесчисленное количество чихов от каждой бумажной стопки и растертых докрасна глаз, архив, наконец, услышал:

— Архитектор, хвала твоей Гармонии! — выдохнула Арвис. — Ланс, я нашла.

Он в прыжке подскочил к ней, заглядывая через плечо.

— Записи от конца Свефнира. Им... пять дней.

— Бери коробку и пойдем отсюда.

Рафир окинул взглядом простор и глубоко вдохнул. Растения еще цеплялись за остатки цвета, в черно-сером покрове полей проглядывались рыжие пятна. Воздух здесь отличался от городского — ни клочков дыма из труб, ни голосов. Однако, он все равно ощущался живее, подслащенный травами, немного терпкий от увядания и перекопанной земли.

— Нравится здесь? — услышал он голос капитана.

Рафир обернулся, встречая мягкий вопрос в глазах.

— Напоминает поездки в детстве, — улыбнулся он кратко. — Брат возил меня в Квархолт. Море красивое, но я

почему-то больше запомнил степи Уллвида. Правда, летом было дело.

— Вы общаетесь? — осторожно спросил Эвальд.

— Письмами. Он работает в столичном Доминиуме.

— Даже так. Блюститель?

— Нет... брат пошел в гильдию Цензоров.

Он невольно улыбнулся, вспоминая лица отца и матери, которые, еще не зная о таланте Савиана, застали того в развоченной коррекцией комнате. На несколько дней пришлось переехать на постоянный двор, шумный, с пресной едой, ожидая приезда Цензора, который обезвредил все проделки брата и вывел из дома ядовитое свечение Распада.

Эвальд задержал на нем взгляд.

— Ты поэтому в стражу пошел? По его примеру?

Рафир уверенно кивнул.

— Тогда, — протянул капитан. — Передай ему мою благодарность.

Голос, не звучащий из-под слоя пепла. Пришлось зажмуриться на миг. словно сейчас они ехали не по отдыхающему осеннему полю в тишине, под стук копыт и тихий свист ветра в лопасть мельниц, а... по улице Восточного района, будто и не было этих пяти лет, среди стен, что отражали смех капитана. По улице, на которой дорога оставляла легкую пыль на сапогах, только выданных новобранцу Рафиру.

— Савиан обещал приехать весной, проведать нас, — подбирая слова, начал он. — Могу познакомиться. Только он...

Капитан выпрямился и улыбнулся.

— Слишком открытый?

— Скорее, прилипчивый, любит обниматься, — последовал неловкий ответ.

— Одному брату зелень кроны, другому — надежность корней, — усмехнулся Эвальд.

И опять.

Ветер словно успокоился. Рафир посмотрел на капитана. Эвальд разбирается в значениях южных фамилий? А, точно, он ведь аристократ.

Эвальд Фарн.

— Разрешите задать вопрос, капитан, — начал Рафир чуть смелее. — Это личное... я слышал часть вашего разговора с Хальвеном.

— Давай, постараюсь ответить.

— Вы не рассказывали, как стали стражником.

Эвальд задумчиво нахмурился и нащупал в кармане жетон.

— У меня, увы, нет брата, который вдохновил бы своим примером. Моя семья разорилась, отец влез в долги... Это длинная история. Если хочешь, я потом как-нибудь расскажу.

Он получил в ответ краткую улыбку, от которой не последовал внутренний укол. Пришло невесомое чувство облегчения, и он уже не держал поводья так крепко. Отпустил жетон. Железный жетон — принадлежность и тяжелая обя-

занность, которыми он связал себя, когда пошел на сделку с Гармонией.

Равенство форм. Служение в обмен на цель, пламя в обмен на пепел. Жизни в обмен на жизни.

Капитан закрыл глаза и глубоко вдохнул. У него не было права дышать свежим воздухом, не ощущая запах горелой кровли. Но... возможно, в этом поле, где легко представить зелень и солнце, рядом с человеком, который ни разу не осудил за принятое решение, Эвальд мог расслабиться в холодных Объятьях осени, не опуская голову.

— Зачем...

Рафир не закончил вопрос, недоуменно глядя на забор Западного гарнизона, его перестраивали — меняли деревянный частокол из бревен на каменную кладку.

Эвальд тоже поднял брови — вокруг гарнизона собрались дома из глины и дерева, амбары и мельницы. Синдриан камнем решил отгородиться от... чего? Отсюда за рядами деревьев, что разделяли поля, мощную городскую стену не было видно. Но она там, а новая стена гарнизона выглядела попросту нелепо на фоне деревенских построек. Если только западный капитан не доверяет своим же дозорным на воротах.

Они въехали во двор, маневрируя между грудями досок и камней, затем спешили и направились к главному зданию. Помимо лошадей, телег и стражников, путь им порой преграждали солдаты в черно-синей форме.

Рафир, оглядывая лица, не заметил в них лишнего интереса, а Эвальд, слыша за спиной шаги своего сержанта, понял, что в голове не возникло ни одного слова для мнимого обмена оскорблениями с Синдрианом.

Они поднялись на второй этаж, пропустили на лестницу отряд стражников и подошли к кабинету капитана.

— Синдриан, ты занят? — спросил Эвальд, постукивая костяшками пальцев в приоткрытую дверь.

В комнате двое мужчин сидели в креслах, Синдриан и генерал, пьющие чай за кипой бумаг.

— Фарн? Что ты тут забыл? — возмутился западный капитан.

— Генерал Роскирн, — Эвальд кратко поклонился, затем спокойно продолжил. — Я по делу. Мне нужен пропуск в зернохранилища.

Синдриан склонил голову набок, скользя взглядом по пришедшим.

— И зачем, позволь узнать?

— Хочу лично убедиться, что город не умрет от голода до наступления зимы.

— Это разве твоя ответственность? Или, играя с гвардией, — он посмотрел исподлобья. — И... потерянными наследниками, ты забыл свои обязанности?

Генерал посмотрел сначала на Эвальда, затем на Синдриана и пробасил:

— Что за склока? Как там... Фарн? Зачем тебе проверять

амбары?

— Моя команда ведет расследование, генерал. У нас есть подозрение, что в городе зреет заговор — попытка сорвать таможенный закон. Мне нужно убедиться, что отчеты из Продовольственной палаты и факты сойдутся.

Генерал нахмурился и почесал подбородок.

— Тогда никакого пропуска.

— Но!.. — запротестовал Эвальд.

Генерал остановил его жестом и поднялся, заставляя половицы скрипнуть и показывая ростом и сложением, что не просто так носит звание.

— Синдриан, вставай, проветримся. Вместе проверим.

Рафир пропустил всех из кабинета и пошел следом. Чувство внезапного облегчения сопровождало каждый его вздох, ступеньку, шаг. Поведение Синдриана было ожидаемым. Но генерал, конечно, мастер внезапных маневров. Сознание ранее напряглось так сильно, выискивая угрозы в глазах, что сейчас сжатый фокус мыслей был только в пространстве вокруг капитана — не поиск опасности, а купол внимания.

Действуя как кукла на нитках отточенных движений, сержант и не заметил, как они прибыли к линии из шести амбаров.

— Рафир, — обратился Эвальд, вынимая его из отрешенности. — Первые два на тебе, я возьму следующие, — затем он обернулся к генералу. — Отправите солдат в дальние?

— Да-да, — не глядя ответил Роскирн, тут же жестом отдавая приказ.

Рафир распахнул ворота амбара, вдыхая пыльно-сладкий запах пшеницы, зашел внутрь и пробежал взглядом по ровной насыпи. Зерна тут по колено — запас чуть больше возможной половины.

Прикрыв дверь, он перешел ко второму амбару. Однако, прежде чем зайти, услышал из третьего пыхтение Эвальда, писк гвоздей и скрип досок. Ящики вскрывает? С каких пор зерно в них хранят? Рафир покачал головой и... увидел в амбаре множество деревянных коробок. Поискав глазами молоток или лом, он поставил одну ногу на ящик и слегка наклонился назад. И чуть не упал. Минимальное усилие заставило коробку качнуться — она была пуста. Тут же забыв о приколоченных крышках, Рафир начал поднимать одну коробку за другой. Каждая, словно легче предыдущей. Каждая, словно тяжелее предыдущей от нарастающей внутри сержанта тревоги.

Амбар был заполнен ничем — лишь пара мешков действительно была с зерном.

— Капитан!.. — выбегая, начал Рафир.

Видя его лицо, Эвальд тяжело вздохнул.

— У меня тоже пусто.

— Капитан Фарн, — обратился солдат, проверявший пятый. — В амбарах стоят пустые ящики.

— В шестом тоже нет зерна, — отчитался другой солдат.

Эвальд приложил тыльную сторону ладони ко лбу и за-
жмурился. Как же так. Тысячи тонн... просто пропали. Сде-
лав глубокий вдох, он направился к генералу.

Глаза Синдриана расширились, а Роскирн выслушал
Эвальда, сложив руки на груди и глядя куда-то в пустоту.

И взревел:

— Тупоголовый ты баран!

Синдриан вздрогнул и замахал руками.

— Но генерал, я же не могу лично следить...

— Это работа твоя — лично следить!

Эвальд, дергаясь от гнева и ужаса в голосе генерала, за-
был о том, что можно позлорадствовать над Синдрианом —
перед глазами возник образ улиц, полыхающих от голода.

— Вы двое, выставить дозорных, охранять зерно, — при-
казал генерал солдатам. — Седлаем коней. Нужно срочно
доложить герцогу.

Арвис с Лансом обернулись на звон серебряной башни.
Четыре удара. Тучи уже сомкнули строй настолько плотно,
что приходилось щуриться, чтобы разглядеть людей вдалеке.

Она постучала стальным носком сапога о ступень лестни-
цы дворца и пробормотала:

— Что-то задерживаются.

— Надеюсь, Синдриан не начал снова...

Ланс не закончил мысль.

Арвис повернулась в сторону западных ворот Цитадели.

Эвальд и Рафир. А с ними... Синдриан? Роскирн и отряд солдат?! Арвис перехватила Ланса под локоть и начала спускаться.

— Что-то не так.

Она не смотрела под ноги — только на всадников. Почему они под конвоем? Лица подъезжающих Эвальда и Рафира, да и всех остальных, были мрачнее неба над головой. Арвис и Ланс подоспели как раз, когда группа начала спешиваться.

— Эвальд, Рафир, генерал Роскирн, — прозвенел ее голос.

— Арвис, Ланс, — произнес Эвальд.

— Лорик! Вельмон? — поднял брови Синдриан.

— А я не поверил капитану с востока! — воскликнул генерал. — Лорик, хорошо, что ты тоже здесь. Герцог у себя?

Так они не...

Арвис облегченно выдохнула и разжала кулаки, отпуская готовность отбивать у генерала Эвальда и Рафира.

— Мне сказали, что он обедает, — ответила она. — Мы с напарником ждали капитана и сержанта, чтобы сверить информацию, прежде чем идти на встречу с Альвенгаром.

— Что с вами делает сын Лискора? — нахмурился Синдриан и тут же отступил на шаг, глядя на лицо генерала.

Форма на Роскирне затрещала по швам, когда он выпрямился настолько, что стал на две головы выше, чем западный капитан.

— Как у тебя рот вообще открывается? Что тебе этот

юнец!

Арвис встретила взглядом с Эвальдом.

— Все плохо, — сказал он, вставая между генералом и сжавшимся Синдрианом. — Запасов городу хватит на две недели или меньше.

Ланс оглядел собравшихся:

— Чего ждем тогда?

Розы. Удушливый смрад. Арвис бы и не подобрала иного слова для почти осязаемого аромата, наполняющего воздух так плотно, что хотелось закрыть лицо платком. Она бы так и сделала, будь обстоятельства иными. Однако, должна была признать, что розы как нельзя лучше подходят к внутренним пространствам дворца. С чем еще сочетать золото и синий бархат? Хотя, искристая свежесть южных фруктов заметно разбавила бы впечатление.

Золота здесь было не много, поскольку когда-то Альвенгары и Лорики были в тех же отношениях, что и ястребы со своими перьями. Ее предки, видимо, научили ценить не только внешнее богатство.

Коридор был выполнен почти со вкусом — дверные косяки не пытались удивить резьбой, драгоценные вазы и статуэтки не стояли у каждого окна. Арвис почему-то запомнила пространство иначе. Из-за идиота Инфалька Альвенгара, скорее всего. Его идея была неплохой, она оценила представление: сын герцога облачился в шелк, раздал слугам бу-

кеты из подсолнухов и пшеницы, подал чай Императорский сад. Будь на его месте кто угодно, она бы согласилась на помолвку. Когда перед тобой преклоняет колени сам Жатвенный венец, устоять сложно.

Однако, конец северного лета не пах розами. Ароматы иного рода готовили мир для безмолвного сна Ледяного монарха: скромное золото тех же подсолнухов, чьи семена стражники случайно сеяли по дорогам Южного района во время патрулей; робкая сладость лиловых безвременников...

Ланс тронул ее за рукав.

— Я никогда не был во дворце, — тихо сказал он, осторожно оглядываясь.

Арвис обернулась к нему. Еще лето пахло медом полевых ромашек.

— Не бойся. Самое страшное, что здесь есть — это портреты.

Он хихикнул, задерживая взгляд на особо хмуром изображении.

Из открытой боковой двери в коридор вышел воздух, пахнувший ничем. Лишь дуновение из открытого окна. Его нельзя было вдохнуть, не вспомнив благодарность, так и не высказанную матери. Из-за нее у Арвис вообще не было необходимости посещать дворец. Пожалуй, стоит прекратить закатывать глаза, когда Рунива будет поучать упрямую дочь разговаривать не только на языке силы, ведь дипломатия

позволяла маркизе обходиться без родственных активов.

Арвис вздохнула, замедляя шаг. Сейчас не до дипломатии. Ее серебро отполировано страхом людей перед Эфирным серебром в ее ножнах. Перед ней. И герцог, она знала это, не отличается ни от клерков в Продовольственной палате, ни от дрожащей в кресле Лирвейн Тальси.

Ланс, Эвальд и Рафир шли рядом. Этого было достаточно, чтобы помнить — Острие может рассекать не только глупость и бумажную волокиту. Его можно направить на пустые зернохранилища, чтобы такие, как эти трое, могли сидеть в гостинной ее Гарда и есть печенье, не думая о голодных бунтах.

Она остановила Ланса и Рафира перед массивными белыми дверьми, глядя через плечо на проходящих мимо капитанов и генерала.

— Будьте здесь, — сказала она и повернулась к Лансу. — Ты не представляешь, какой ты молодец, но дальше я сама.

— Мы подождем, все хорошо, — улыбнулся он.

— Рафир, к Лансу никого не подпускай. Разрешаю применять силу.

— Да... Я понял.

Арвис кивнула.

— Когда Эвальд выйдет из зала, не уходите из дворца, ждите меня здесь.

Похлопав их по плечам, она повернулась и прошла мимо гвардейцев в приемный зал. Белый зал. Остатки строитель-

ного материала Гарда отшлифовались в несущие колонны. Темное дерево и полированное железо собрали внутри весь уличный полумрак, с которым едва справлялись свечи и светильники на стенах. Генерал и капитаны выстроились перед герцогом, и Арвис, встав между Эвальдом и Синдрианом, локтем отодвинула второго.

— Арвис, дорогая! — воскликнул Альвенгар, не вставая с кресла, и широко улыбнулся. — Не верится, что ты во дворце.

— Герцог, — слегка склонила она голову.

Не за чем грубить с порога, ведь пухлощекий правитель Вальдорфа был виноват только в том, что налегал на десерты и не уследил за цветущим высокомерием сына.

Она присмотрелась. Хотя, надо сказать, герцог сильно похудел за лето. Ткань рубашки, что виднелась под распахнутым камзолом, не натягивалась на животе. Ни в какое сравнение гвардейцам, стоящим за его креслом, чьи тела были столь же совершенны, как взведенные арбалеты, но, раз Альвенгар-старший в чем-то себя ограничил, возможно, его решения сегодня будут чуть менее легкомысленными.

Генерал бросил быстрый взгляд на Арвис и откашлялся.

— Герцог, мы прибыли с неприятными новостями...

О, Архитектор.

— Городские зернохранилища пусты, — звонко перебила она. — Вальдорф обречен на голодную смерть через две недели. Нужно срочно послать за помощью в Квархольт и

столицу.

Альвенгар откинулся на спинку кресла.

— Как... как это вышло? Я совсем недавно, кажется, видел отчеты из Продовольственной палаты. Амбары же заполнены до отказа.

Арвис бросила взгляд на Синдриана, и тот отпрянул.

— Капитан Фарн, и генерал подтвердит его слова, только что выяснил — зерно осталось в одном амбаре. И только половина.

— Так мало?.. — прошептал герцог. — Но у нас ведь еще есть скот. Не одним же хлебом...

— Нельзя разом вырубать поголовье, — твердо ответила Арвис. — Прикажите отправить гонцов немедленно.

Герцог кивнул несколько раз, вставая с кресла, взялся за подбородок и начал задумчиво шагать перед ними. Мягкие подошвы шуршали по каменному полу, отмеряя его мысли.

Арвис переглянулась с Эвальдом. В серых глазах отразился блеск серебряных украшений.

— Две недели, — произнес, наконец, герцог. — Можно урезать продовольствие, чтобы протянуть дольше. Гонцы... Нужно еще проверить восточные склады. Что подумает король? Может, если вывести армию на улицы, получится обойтись без помощи...

Роскирн отшатнулся на шаг.

— Герцог, как же так...

— Вы не о том думаете, — процедила Арвис.

Рука потянулась к рукояти меча. Гвардейцы у стены напротив заметили ее движение и подались вперед. Они знали, что их ждет, обнажи она клинок, но все равно были готовы действовать. Пальцы на рукояти разжались.

Альвенгар выпрямил спину и поднял голову.

— Да знаю я! За кого вы меня держите? Кто ответственный за зернохранилища? Синдриан, объяснись!

Тот вышел вперед на полшага и начал в поклоне:

— В городе зреет заговор, герцог. Меня обманули, как и всех остальных. Приношу свои извинения.

— Заговор?

— Этот идиот... — начал было Роскирн, но тут же осекся, отворачиваясь к зашторенному окну.

— Кто-то богатый и влиятельный пытается настроить жителей против Цитадели, — вступила Арвис. — Я занимаюсь поисками.

Генерал Роскирн небрежно махнул на Синдриана.

— Его проверить не забудь, Лорик.

— Генерал! — возмутился тот, приложив руку к груди. — Я у вас на виду каждый час!

Альвенгар отошел к столу у белой колонны и начал писать, иногда почесывая затылок. Скрип пера заполнил молчание.

— Надеюсь, представление закончилось, — прошептала она, слегка повернувшись к Эвальду.

Он едва ощутимо тронул ее плечо.

Герцог вернулся с тремя листами и протянул их генералу, но Арвис выхватила бумагу из его рук, пробегая глазами по строчкам. Просьба о помощи без двойных трактовок. Да, пожалуй, зря она погорячилась.

Отдав письма Роскирну, она услышала:

— Итак, если генерал пошлет гонцов сейчас, обозы еще могут успеть, — сказал герцог. — Роскирн, твои люди смогут пройти под шагами Поступи?

— У нас есть... — генерал проглотил слово и осмотрел присутствующих. — Им всего лишь нужно выйти в степи. Я сейчас же их отправлю.

— Не перепутай письма, — кивнул Альвенгар, глядя в спину уходящему.

После тяжелого вздоха он произнес:

— Не думаю, что Эсиль и Рунива смогут гордиться тобой еще больше, Арвис. Мне стоит готовить свое место для тебя?

Она усмехнулась и пожала плечами.

— Если я правильно понял, — вступил Синдриан, глядя только на герцога. — Вельмон-младший обнаружил первые признаки продовольственного кризиса. Стоит поблагодарить графа за такого сына.

Альвенгар кивнул несколько раз.

— Это хорошая...

— Если я правильно поняла, — перебила Арвис, вкладывая в голос серебро не обнаженного клинка. — Кому-то стоит меньше подслушивать и лучше следить за своими амба-

рами.

Она вскинула подбородок.

— Герцог, заслуга принадлежит капитану Эвальду Фарну. Его проницательность и воля убедили меня, что беспорядки в Восточном районе — часть заговора. Мы успеваем предотвратить катастрофу благодаря ему.

— Арвис, это не...

— Помолчи, Эвальд, — она ткнула локтем его в бок.

Альвенгар задержал на них взгляд, после чего улыбнулся капитану и положил руку на его плечо.

— Капитан, я могу исполнить любую вашу просьбу за великую услугу. И такую верность.

— Герцог... Я служу не ради награды.

— Он скромный и честный, — произнесла Арвис. — Однако, кое-что вы можете сделать, герцог. Работа в полях на западе окончена. Потому прикажите перенаправить ресурсы из Западного гарнизона в Восточный.

Она встретила взгляд Синдриана и все слова, которыми он не посмеет ее назвать. Мог хотя бы попытаться оскалиться, а не бежать из приемного зала, как побитая псина.

— Что-то еще? — обернулся герцог, возвращаясь в кресло.

— Иди, — тихо сказала Арвис Эвальду.

Она переглянулась с ним в дверях и повернулась к Альвенгару.

Герцог обиженно подпер щеку и закинул ногу на ногу.

— Ты и правда была готова меня зарубить?

— Вы же меня знаете, — уже намного мягче ответила Арвис. — Ситуация напряженная, я не сдержалась.

Герцог вздохнул, глядя на шторы.

— Острие Совершенства как обычно — рубит проблемы, не тупя клинок. Что ты выяснила про заговор?

Арвис мгновение собирала из мыслей стройную цепь:

— Предварительно, цель заговора — таможенный закон. Бунты и беспорядки в Восточном районе, убийство на складах, манипуляции с отчетностью и угроза массового голода. Капитан Фарн поймал убийцу и подстрекателя...

— Убийца?! — ахнул герцог.

— Прибывший из столицы наемник был убит — удобная жертва, чтобы направить голос толпы.

— Ах, наемник, — небрежно отмахнулся Альвенгар. — Но у кого нашлось столько золота, чтобы выкупить все зерно?.. Это же горы нумма. Кого ты подозреваешь?

Арвис на мгновение стиснула зубы. Ланс тоже наемник. И этот... который... Она забыла имя. Пришлось отпустить раздражение — чем она лучше.

— Под подозрением двое, — вздохнула Арвис. — И мне нужна ваша помощь.

Альвенгар поднял брови.

— Я собираюсь проверить финансовые отчеты, — продолжила она. — Мне нужен пропуск в хранилище Доминиума. Желательно сейчас.

— Конечно, ведь день Острия еще не окончен, — усмехнулся он.

Арвис еще раз устало вздохнула.

— Это вы дали мне этот титул. На меня теперь все смотрят как на живое оружие.

— Я ни при чем, это твой родовой титул. Но... разве дело в нем?

В зале прозвучал ее тихий смешок. Баллиста среди арбалетов.

— Я рос с твоим отцом, считал, что он — воплощение силы, что выше уже просто нельзя. А ты распахнула семейные крылья так широко, словно Эсиль всю жизнь клевал зерно в курятнике. В кого ты такая, Арвис?

— Я бы не сказала, что превзошла отца, — улыбнулась она.

— А этот капитан? Не думал, что в Восточном районе лежит такой самородок. В каких вы?..

Арвис медленно подняла бровь.

— Герцог?

Он небрежно махнул рукой. Пламя свечей в пустом зале качнулось от такого легкого жеста.

— Не понимаю. Все время, что тебя знаю, ты только отказываешься. Не поддаешься влиянию Рунивы, не становишься главой гвардии, не выходишь за моего сына. И все равно выше всех, — он подался вперед. — Помни, изваяние из страха не отличается прочностью.

— Говорит человек, который предлагал вывести армию на улицы города.

— Не всерьез! Ох, что с тобой делать? Приказ на тебя одну или...

— Впишите четыре имени, — делая остановки, чтобы герцог успевал, она перечислила. — Рафир Иасан, Эвальд Фарн, Ланс Солантис и Арвис Лорик.

Герцог подошел и отдал ей бумагу.

— Синдриан не лжет? Что при тебе делает сын Лискора Вельмона? Ты же знаешь, что он его ищет?

— Это долгая история. И будет лучше, если вы, герцог, не будете в ней участвовать.

Сидя рядом на каменной скамье, капитан рассказал о победе, которую Арвис обернула заслугой Эвальда Фарна. Он строил такие гримасы, выдающие всю его неловкость, что Ланс не сдержал улыбку.

— Капитан, надеюсь вы понимаете, что одна койка в казармах теперь моя.

Тот усмехнулся, положил руку на его голову и растрепал волосы.

Ланс набрал в грудь воздух, но тут же пожалел об этом. Тело уже давно истратило завтрак. Прижатая к животу ладонь не сдерживала подступающую тошноту — аромат благовоний и голод сплетали из терпких и кислых нитей крепкое недомогание. Только горячая еда могла помочь из него

выбраться.

Он обернулся на открывающиеся двери. Рафир и Эвальд поднялись навстречу Арвис.

— Все прошло отлично, — заключила она, затем сказала тише, — Лучше, чем я ожидала.

— Я готовился ловить тебя, — покачал головой капитан. — Предупреди в следующий раз, когда захочешь обнажить меч.

— Забудем об этом. Альвенгар уже привык, — отмахнулась Арвис. — Ланс, ты бледный, все хорошо?

Рафир положил руку на его плечо.

— Мы не ели. Весь день на ногах.

Арвис закусила губу.

— Я бы хотела кое-что сделать перед возвращением в Гард. Продержитесь еще немного?

— Давайте выйдем, мне нужен воздух, — ответил Ланс, вставая со скамьи. — Меня словно розами натерли.

— Они не скоро выветрятся, — усмехнулся Рафир, придерживая его под руку.

Впереди длинный прямой коридор. Вместо победного шествия — испытание ароматом, которое нужно было пройти еще раз, прежде чем выйти на улицу.

— О чем вы говорили с герцогом? — спросил Эвальд.

— Он спросил про заговор, и мне удалось добыть это.

Капитан принял из рук Арвис разрешение на вход в хранилище Доминиума.

С их именами в один ряд.

С подписью и печатью герцога Альвенгара.

— Я даже не знаю, что теперь способно нас остановить,

— улыбнулся капитан. — Арвис, это впечатляет.

— Больше, чем покушение на герцога? — усмехнулась она.

Ланс прочитал свое имя и посмотрел на Арвис. Она кивнула с улыбкой — ей стоило лишь продиктовать имя. Рукой герцога он написал его сам.

Дверь распахнулась с тяжелым скрипом. В Цитадели не дули ветра, потому первый вдох был скорее лишен запахов, чем наполнен свежестью. Однако, сегодня в нем не было еще и сомнений в собственной ценности.

Ланс осмотрелся. Вторгнуться в безветренный черный бастион была способна только Поступь, но до ее прихода оставалось время. Еще рано заколачивать ставни, потому со ступеней дворца открывался вид на конец обычного рабочего дня: кареты развозили сонных торговцев и аристократов, видимо, весь день проторчавших в очередях Законотворческой и Торговой палат; секретари, вцепившись в сумки с документами, волочили ноги в сторону серых зданий, разбросанных по Цитадели. Всех ждал заслуженный отдых в свете масляных ламп с тарелкой теплого ужина, который можно съесть в одиночестве. Или с близкими.

— Так, что ты хотела сделать? — не оборачиваясь, спросил Ланс.

— Посетить Доминиум, — ответила Арвис, глядя вперед. Стоило бы удивиться. Обитель Архитектора, собор, стоящий в нескольких шагах от дворца.

— Кто-нибудь уже бывал внутри? — спросила она, указывая на черные деревянные двери, прошитые серебром.

Посвежевший Ланс усмехнулся:

— Я слушаю колокол с рождения, это считается?

Эвальд и Рафир кивнули.

Арвис растрепала мягкие волосы Ланса. Сегодня она заслужила это.

— Лучше не шутите там. Блюстители Разума могут выпороть нас за посягательство на святость Гармонии.

Доминус приветствовал их чистым голубым светом, пронзающим пустой зал. Свет рождали огромные окна — витражи с изображениями прямых пересекающихся линий. Лучи, казалось, холодные, рассеивали любую тень, под ногами она пряталась или между прямоугольных колонн, подпирающих свод.

Пространство прямых углов и четкой истины. Здесь нельзя было почувствовать себя лишним, если уважаешь не объем знания, а способ его применения. По крайней мере, такой вывод сделал Ланс из уроков, что в детстве ему преподавали Блюстители.

Он обернулся, разглядывая левую сторону. Клавишный слуга, встроенным в стену десятком блестящих металлических труб, отвечал на прикосновения служителя одиноч-

ными духовыми нотами. Воплощение Гармонии, что нежно коснулось кожи мягкой вибрацией.

Служители собора серыми отсветами мелькали по залу, безмолвные, лишённые эмоций. Такие же Блюстители, облаченные в простые льняные одежды, спускались в город, чтобы проверять телеги с рудой, вести занятия для детей, чьи родители могли себе это позволить, и оказывать посильную помощь пострадавшим от Распада жителям.

Из-за колонн показалась Блюстительница в бело-серых одеждах и поклонилась пришедшим. Ее одеяние отличалось от тех, что он прежде видел.

— Арвис и ее спутники. Что привело вас в Доминиум? — приветствовала она. Затем плавно перевела взгляд на слишком широкую улыбку Ланса. — Молодой господин, что развеселило вас?

Он дернулся и поклонился.

— Я... прошу, простите меня.

Она положила руку на его плечо, позволяя выпрямиться, и мягко произнесла.

— Смелее.

— Ваше облачение... Вы похожи на книгу.

И внутренне сжался, ожидая пощечины.

Но черты лица женщины смягчились и она тепло улыбнулась, после повернулась и указала на подкладки на плечах, из-за которых ткань строго вертикально спускалась к полу, создавая прямоугольный силуэт.

— Одевание напоминает нам о тяжести, что мы несем по воле Архитектора. А облик... — Блюстительница склонила голову, закрывая одну щеку темной прядью с проседью. — Где хранить знание, как не в книге?

Ланс еще раз поклонился под легкий вздох женщины.

— Агнара, — начала Арвис. — Мы по делу. Герцог выдал нам разрешение посетить хранилище.

— Прости Арвис, но я не позволю войти в подвалы всем четверым, — ответила Блюстительница, прочитав бумагу. — Возьми кого-то одного.

— Мы не войдем дальше архива.

— Нельзя. Выносить документы также не дозволено.

Арвис потерла лоб пальцем.

— Пусть капитан и Рафир отдохнут, — обернулся к ней Ланс. — Пропуск же не временный? Начнем сегодня, затем продолжим.

— Ты и сам уже на ногах не стоишь, — хмыкнула Арвис.

— Забыл, что Гримстейн сегодня готовит? Архив для тебя важнее фаршированных перепелов?

Он поджал губы и отступил.

— Увидимся завтра, Агнара.

Блюстительница улыбнулась на прощание.

— Отдыхайте. Буду ждать вас.

Эвальд и Рафир всю дорогу слушали, как Арвис и Ланс весело ругались на тему проявленной в соборе безответствен-

ности. Своим разговором они подняли воспоминания капитана об учениях, что читали Блюстители на улицах Восточного района. Давно уже он их не слушал.

— Замысел Архитектора простирается дальше нашего малого «я». Есть в мироздании формы жизни, что не уместаются в единую плоть. Есть Благодать Нераздельности, состояние, когда две Основы, сохраняя свою природу, обретают совершенство лишь в служении друг другу.

О чем тогда говорил Блюститель? Как увидеть в себе раковину, а в другом человеке жемчужину? Цветы и пчел?

Рафир в это время вспоминал рассказы отца и письма брата о Доминиумах в городах, что стояли южнее Вальдорфа — в каждом городе был только один. Отец говорил ему, что Доминус не нуждается в напоминании о своем присутствии — Творение вокруг, куда ни глянь.

— Рафир, ты притих, — обратился к нему Ланс. — Как тебе собор?

— Я даже не знаю, — пожал тот плечами. — Красиво и чисто.

— А меня... словно вплели в какой-то узор. — ответил шутник, понизив голос.

Арвис усмехнулась.

— Радуйся, что нам попалась Агнара. Иначе бы тебе и правда кое-что сплели — узор розгами на спине.

— Они так жестоки? — поднял бровь Эвальд. — Я не замечал за Блюстителеми... А, ты шутишь.

Он прикрыл глаза и махнул рукой, когда заметил задорные огоньки в ее глазах.

— Вы только поняли, капитан? — улыбнулся Ланс. — Я раскусил Арвис сразу. В школе никогда никого не пороли.

Рафир поравнялся с ним и легонько ткнул локтем в бок.

— Не храбрись, я видел, как ты сжался.

Арвис вдруг отпустила поводья и начала похлопывать ладонями по фраку, затем достала из внутреннего кармана целую кипу бумаг.

— Пропуск от герцога, приказ командующего, доверенность отца, — перечислила она, а после осмотрела остальные бумаги. — Скоро я сама буду как книга. Ланс, ты же забрал зерновые сделки?

Он легонько шлепнул лошадь по крупу.

— Я отсмотрел всю коробку и взял только нужные. Все в седельных сумках, — затем вытащил из кармана пальто свернутые в трубку листы. — А вот отчеты из зернохранилищ.

— Отлично, — заключила Арвис, глядя на приближающийся Гард. — Герцог предупрежден, Роскирн отправит гонцов. Мы свою работу сделали. Можем возвращаться к поискам заговорщика.

Аромата ужина еще не было слышно, но светящиеся окна Гарда уже предвещали долгожданный отдых.

Вла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.